

ISSN 0869-6322

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н.М.Карамзин

2000

М.П.ТОМСКИЙ —
В.И.ЛЕНИНУ

ВОСПОМИНАНИЯ
ЛЕТЧИКА-
КОСМОНАВТА
В.Н.КУБАСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ДНЕВНИК КНЯЗЯ
В.А.ОБОЛЕНСКОГО

ПИСЬМО А.И.РЫКОВУ

ВАТИКАН И РОССИЯ
1917 год

РЕЧЬ ПРИСЯЖНОГО
ПОВЕРЕННОГО В.Н.ГЕРАРДА
НА ПРОЦЕССЕ «50-ти»

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2000

№ 4

Выходит 6 номеров в год

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Воспоминания
о М.П.Томском

Российские
военнопленные
на острове
Азинара

П.Г.Виноградов —
П.Б.Струве:
1915—1916 гг.

Записки
графини
Е.Л.Камаровской

Письма
великого князя
Константина
Константиновича

Загадка
КОМИССИОННЫХ
грамот
XVI век

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, ДЖ.БИЛЛИНГТОН (США), Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ,
О.В.ВОЛОБУЕВ, Ф.КАЛЕНБЕРГ (ГЕРМАНИЯ), В.П.КОЗЛОВ,
А.В.КОРОТКОВ, Э.КРОСС (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ), С.В.МИРОНЕНКО,
Ч.ПАЛМ (США), Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ,
А.К.СОРОКИН, А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ,
С.О.ШМИДТ, Г.ШУКМАН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Редакция:

Д.А.АМАНЖОЛОВА, В.Ю.АФИАНИ (ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА),
О.И.ГОРЕЛОВ, Г.И.НАУМЕНКО (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ), М.И.ОДИНЦОВ,
А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».

Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.gipn.net> [gopher://gopher.gipn.net](http://gopher.gopher.gipn.net)

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@gipn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2000

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«ПЕРЕСМОТРИТЕ ДЕЛО С БАРАНАМИ»

Письма М.П.Томского В.И.Ленину. 1921 г.

Письма главы Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР М.П.Томского В.И.Ленину, хранящиеся в РГАСПИ, раскрывают особенности социально-политической и экономической ситуации и национальной политики РКП(б) в Средней Азии в период введения новой экономической политики.

Утверждение Советской власти и национально-государственное строительство в регионе начались в условиях гражданской войны. 30 апреля 1918 г. на V Всетуркестанском съезде Советов была провозглашена Туркестанская АССР, объединившая коренное и русское население территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства с центром в Ташкенте. Однако процесс советизации был осложнен острой классовой борьбой, грубыми ошибками в национальной политике, тяжелейшим экономическим кризисом, разрухой и голодом в крае.

Укреплению большевистского влияния должно было способствовать созданное в марте 1919 г. краевое Мусбюро, действовавшее среди мусульман-коммунистов, как вспомогательный орган при крайкоме Компартии Туркестана. Крайняя малочисленность национальной интеллигенции и коммунистов из представителей коренного населения при отчуждении национальных масс от власти заставляли искать новые способы управления краем и упрочения советской власти. 4 ноября 1919 г. в Туркестан прибыла созданная по решению ЦК РКП(б) Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия). В нее вошли Ш.З.Элиава (председатель), М.В.Фрунзе, В.В.Куйбышев, Ф.И.Голощекин, Я.Э.Рудзутак. Комиссия занималась вопросами партийного и национально-государственного строительства. Совместно с ЦК РКП(б) были обсуждены и отвергнуты предложения краевых парторганов, особенно председателя ТуркЦИК ТАССР Р.Рыскулова о создании Тюркской Советской Республики и Тюркской коммунистической партии.

29 июля 1920 г. для руководства партийной работой в ТАССР было создано Туркестанское бюро ЦК РКП(б). Был обновлен состав Турккомиссии: М.В.Фрунзе и В.В.Куйбышев отозваны, введены Г.Я.Сокольников, Г.И.Бокий, Я.С.Суриц, позднее Я.Х.Петерс и Г.И.Сафаров. В конце мая 1921 г. председателем Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР назначается М.П.Томский, который приступил к исполнению обязанностей 7 июля¹. Были регламентированы взаимоотношения между Турккомиссией и государственными органами Туркеспублики. Процесс правового оформления ТАССР завершился 11 апреля 1921 г. принятием декрета ВЦИК РСФСР об образовании ТАССР.

В 1921 г. в республике началась земельно-водная реформа, совпавшая с введением новой экономической политики, мероприятиями по подъему сельского хозяйства и промышленности. Туркестан должен был стать одним из источников обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем². В.И.Ленин неодно-

¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 264. Л. 57.

² Так, 27 июля 1921 г. В.И.Ленин подписывает текст телеграммы в Ташкент в адрес Туркестанского Совнаркома с предписанием ввиду тяжелой обстановки срочно отправить по указаниям Наркомпрода 250 тысяч пудов хлеба. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980. С. 105.

кратно посылал сообщения М.П.Томскому, касающиеся заготовки и отправки продовольствия из Туркестана³.

Положение осложнялось действиями басмачества в Фергане и проблемами взаимоотношений с созданными в 1920 г. после свержения с престола бухарского эмира и хивинского хана Бухарской и Хорезмской народными «советскими» республиками, с которыми РСФСР заключила договоры о союзе и экономические соглашения. Борьба с басмачеством в Бухаре продолжалась до конца лета 1922 г. Поэтому Томский занимался и военными вопросами, будучи 4 июня 1921 г. назначен приказом РВС Республики членом Реввоенсовета Туркфронта⁴.

Трудности и противоречия этого процесса отражают два публикуемых письма М.П.Томского В.И.Ленину. Одно из них датировано 23 июля 1921 г. (док. № 1). Ленин ознакомился с ним 7 августа⁵. В тот же день он пишет ответ Томскому, в котором просит проводить на Востоке осторожную и мудрую политику по отношению к мусульманскому населению, сообщает, что для улаживания конфликта с Сафаровым в Ташкент поедет А.А.Иоффе⁶.

Следующее письмо Томского от 20 августа также касалось «склоки» с Сафаровым и вопросов закупки хлеба и мяса в Туркестане и за границей⁷. Томский, в частности, писал: «С Сафаровым у меня *больше* «идейных» разногласий нет, но от этого не легче, ибо деловые вопросы решаются под углом зрения «группировки». В вопросе о кустарях они хотели дать бой на съезде и кончили принятием моих тезисов. «Склоки» у нас нет, но *совместной* работы не выйдет...»⁸. Разногласия Томского с Сафаровым возникли по поводу осуществления принципов большевистской национальной политики в Туркестане. Томский обвинял Сафарова в закамуфлированном проведении националистической политики, выражавшейся в земельном вопросе, переселении русских в Туркестан в связи с голодом, в вопросе о изпе, который тот признавал применимым к местным условиям «постольку поскольку». Расходились Томский и Сафаров и в вопросе о местных кустарях: Томский не считал возможным включать их в профсоюзы, не находя существенной разницы между ними и кустарями центральных регионов страны. Сафаров же «напирал» на национальные особенности, предлагая принимать кустарей в профсоюзы. Надо сказать, что Ленин, внимательно отслеживая ход «склоки»⁹, в большей степени солидаризировался с позицией местных коммунистов, памятуя о крайней осторожности и важности установления правильных отношений с народами Туркестана¹⁰. Так, на письме Томского от 20 августа Ленин написал 8 сентября: «Это едва ли так». Письмо он передал Молотову с запиской: «Прочтите и дайте почитать Брюханову и Фрумкин. Надо налечь сугубо»¹¹. На телеграмме чрезвычайного уполномоченного ВЦИК и СНК в Туркестане А.А.Иоффе о конфликте Томского с Сафаровым Ленин сделал пометку:

³ Там же. С. 191.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 77. Л. 349.

⁵ Не совсем понятно с точки зрения хронологии, но согласно «Биохроники» между 24 июля и 4 августа Ленин ознакомился с копией письма Томского от 24 июля, которое было дополнением к его шифротелеграмме от 23 июля. В данных документах Томский ставил, по существу, те же самые проблемы. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 93.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 104—105.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 306—307.

⁸ Ленинский сборник. Т. XXIII. М., 1933. С. 304.

⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 274.

¹⁰ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 304.

¹¹ Ленинский сборник. Т. XXIII. С. 304.

«Не предрешать отзыва Сафарова»¹². Ознакомившись (не ранее 16 сентября) с копией телеграммы Сафарова о конфликте и просьбой об освобождении от обязанностей члена Туркбюро, Ленин попросил отложить письмо в секретную папку, целиком посвященную конфликту¹³.

Датировка док. № 2 устанавливается исследовательским путем. Письмо, написанное на бланке Реввоенсовета Туркфронта, связано, в основном, с экономическими проблемами, с заготовкой продовольствия в Туркестане для центральных регионов страны, в частности, баранины. Дискуссия Томского и центрального партийно-государственного руководства вращается вокруг вопроса о методах осуществления заготовок и отражает, в конечном счете, позиции различных течений в партии о соотношении административных и рыночных механизмов в осуществлении заготовок, да и в целом о существовании новой экономической политики. В данной дискуссии Томский занимает позицию достаточно радикального сторонника рыночных механизмов, критикует «голое» планирование и силовые методы. «Если в Москве все еще думают, — пишет Томский, — что сделки совершаются «по плану» и «коэффициенту» (это теперь-то!), то будут и в следующем году варить щи с «коэффициентом», а не с бараниной!»

Вопрос о выделении денег для торговых операций Томский поднимал неоднократно. Ввиду несогласия с намерениями Томского заместителя наркомпрода Н.П.Брюханова, 11 сентября Ленин попросил последнего составить «точную депешу Томскому»¹⁴. Ответом на эту телеграмму Брюханова и могло послужить публикуемое письмо. Возможно, были еще какие-то телеграммы от Томского, пришедшие в Москву ранее публикуемого письма. 13 сентября в письме А.А.Иоффе Ленин просит прислать обстоятельный доклад о положении в Туркестане и конфликте Сафарова с Томским¹⁵. 14 сентября 1921 г. он поручил Красину по существу разобраться с предложениями Томского¹⁶. Речь шла о просьбе Томского выделить 100000 рублей золотом для финансирования «бараньей сделки»¹⁷. 15 сентября последовал ответ Красина: «Давать Томскому аванс в 100 тысяч рублей на *торговые* надобности полагаю излишним и противоречащим нашему порядку»¹⁸. 16 сентября Ленин попросил Молотова проблему обсудить «в Цека, с вызовом Радченко»¹⁹. 17 сентября Ленин дает поручение Н.П.Горбунову «специально согласовать ответ с Брюхановым и Радченко и провести через СТО»²⁰. 19 сентября за подписью Ленина Томскому была послана телеграмма, в которой говорилось о невыгодности закупки баранов по данным расценкам и предлагалось прекратить дальнейшую закупку скота²¹. 21 сентября на заседании СТО по докладу Брюханова и И.И.Радченко «О закупках скота в Китае» было принято решение считать вопрос исчерпанным телеграммой, посланной Лениным²². Видимо, в это время с некоторым запозданием до Ленина и доходит публикуемое ниже письмо Томского. Его аргументы кажутся Ленину достаточно весомыми и убедительными.

¹² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 325.

¹³ См. там же. С. 351.

¹⁴ Там же. Т. XXXVIII. М., 1975. С. 391.

¹⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 189—190.

¹⁶ См. там же. Т. XXIII. С. 130; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 195.

¹⁷ См. там же. Т. XXXVIII. С. 392.

¹⁸ Там же. С. 393.

¹⁹ Там же. С. 392.

²⁰ Там же. С. 393.

²¹ См. там же. Т. XXIII. С. 136.

²² См. там же. Т. XXXVIII. С. 393.

23 сентября Ленин приходит к выводу, что выход из «бараньей истории» невозможно найти без непосредственного приезда Томского в Москву. Он пишет записку В.М.Молотову следующего содержания:

«Посылаю к сведению членов Политбюро.

Прошу вернуть.

Голосовать надо одно и *спешно*: разрешить ли Томскому выезд в Москву.

Я за. (Иначе и «бараны» и другие его вопросы запутаются.) (Пока Иоффе там, Томский съездит и вернется.)

Если Цека будет против, придется создать мне комиссию «о баранах»²³.

Какие же материалы послал Ленин к сведению членов Политбюро? В публикации данной записки в Ленинском сборнике указано, что материалы в деле отсутствуют, но, «видимо, это было письмо М.П.Томского, который не соглашался с решением прекратить дальнейшую закупку скота и просил разрешения приехать в Москву»²⁴. На наш взгляд, публикуемое письмо Томского как раз и является тем материалом, который был послан членам Политбюро.

24 сентября Томский находился еще в Ташкенте. Об этом свидетельствует телеграмма, посланная ему секретарем СНК Л.А.Фотиевой по поручению В.И.Ленина с запросом о количестве заводов, занятых выработкой лекарственного препарата сантонина²⁵. 24 сентября на заседании Турккомиссии было принято решение о назначении на время отъезда Томского в Москву исполняющим его обязанности Я.Петерса²⁶. 26 сентября Молотов сообщил телеграммой Томскому, что ввиду его сообщения о приезде в Москву, «Цека разрешение ваших вопросов откладывает до этого времени»²⁷. В Москву Томский приехал 30 сентября. Об этом Молотов проинформировал Ленина запиской: «1. Знаете ли Вы о приезде в Москву (30/IX) т. Томского? 2. Сафаров должен был выехать со следующим (после Томского) поездом»²⁸. Ленин ответил, что о приезде Томского еще не знал и попросил, чтобы были подготовлены «материалы *обеих* сторон по всем вопросам пленума («бараны» и проч.)»²⁹. 5 октября Ленин принимал Томского в своем кабинете³⁰; 11 октября беседовал с Я.Э.Рудзутаком, который, по существу, высказался за отзыв Томского³¹; 12 октября прочитал письмо Сафарова с его оценкой ситуации в Туркестане и высказывается В.М.Молотову за освобождение Томского от работы в Туркестане³². 14 октября 1921 г. Политбюро обсудило ситуацию в Туркестане, приняло предложение Ленина об отзыве Томского и определило новый состав Туркбюро и Турккомиссии³³. В их новый состав вошли: Г.Я.Сокольников (председатель), Я.С.Суриц, Я.Х.Петерс, Т.Н.Тюракулов, А.Р.Рахимбаев и К.С.Атабаев. Характерно, что на заседании Политбюро произошел обмен записками между Лениным и Молотовым, в которых они обсуждали возможное назначение Томского предпробюро на Урале³⁴.

²³ Там же. С. 394.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 389.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

²⁷ Там же. Д. 35. Л. 27.

²⁸ Ленинский сборник. Т. XXXVIII. С. 395.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Ленинский сборник. Т. XXXIX. С. 360.

³¹ См. там же. С. 320—321.

³² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 259.

³³ См. там же. С. 104—106, 161, 189—190, 259.

³⁴ См.: Ленинский сборник. Т. XXXIX. С. 322.

Назначение не состоялось. Некоторое время Томский проработал в Гохране. В этом качестве он, в частности, ходатайствовал о помиловании бывшего оценщика Гохрана Я.С.Шелехеса³⁵ — персонажа одного из произведений Юлиана Семенова. На заседаниях Политбюро 20 и 27 октября обсуждался вопрос об отпуске Томскому³⁶. При очередной встрече с Лениным 12 ноября Томский занимал должность председателя ВЦСПС³⁷. 16 ноября он беседовал с Лениным по вопросам организации профсоюзного движения и производственной пропаганды³⁸.

Таким образом, второе письмо, скорее всего, могло быть написано не ранее 11 и не позднее 23 сентября 1921 г.

Письмо примечательно несколькими моментами, дополняющими общую картину данного периода в биографии Томского. В нем есть характерная фраза, что автор просит разрешения приехать в Москву «не для политики», а для решения целого ряда хозяйственных вопросов. Это подтверждает предположение о политическом характере своеобразной туркестанской «ссылки» Томского. Письмо и «баранья история», поставившие Ленина в тупик, оказались своеобразным поворотным моментом в судьбе Томского, позволили ему возвратиться в Москву и вскоре вновь возглавить профсоюзы. Письмо также характеризует Томского как довольно решительного сторонника экономических методов руководства, что доказывает неслучайность его последующего участия в так называемом «правом уклоне».

Письма публикуются в соответствии с требованиями современной орфографии. Подчеркивания в тексте даны курсивом. Некоторых из упоминаемых в документах лиц установить не удалось.

Публикацию подготовили доктор исторических наук Д.А.АМАНЖОЛОВА и кандидат исторических наук О.И.ГОРЕЛОВ.

№ 1

Ташкент

23 июля 1921 г.^a

Уважаемый Владимир Ильич!

Убедительно прошу В[ас] данное письмо прочитать, ибо потраченное время избавит от многих недоразумений. Я сделал ошибку при отъезде, не побеседовав с Вами, не заручившись твердыми директивами, гл[авным] обр[азом] в отношении решительности курса новой политики для Туркестана, — отсюда некоторая моя нерешительность и наскоки консерваторов и автономистов, полагающих, что продналог и свобода обмена «не вполне применимы в туркестанских условиях» (Сафаров¹ и Шахновский), а «кооперация в Туркестане слаба, чтобы ей передать товарообмен» (Малютин, Наркомпрод).

Однако, я на компромиссы идти не намерен, ибо считаю, что в Туркестане нет таких условий, которые мешали бы осуществлению продналога. Здесь нужна будет моральная поддержка от Вас и твердость, ибо жалобы будут и с точ[ки] зрения «национального вопроса», и с т[очки]

³⁵ См. там же. С. 517, 552.

³⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 583.

³⁷ См. там же. С. 621.

³⁸ См.: Ленинский сборник. Т. XXXIX. С. 340, 342.

^a Вх. № 9211 от 10 августа 1921 г.

зрения] «восточной политики». Меньше обращайтесь внимания на запугивания и не забывайте, что я не головотяп и к разряду «устрашительных» администраторов не принадлежу.

Здесь есть тенденция (как и везде) как можно больше взять с Москвы и как можно меньше ей дать — все будут довольны и благодарны начальству и спокойны, а спокой здесь на Востоке *любят*.

Пример: ценные кожи, хлопок, шерсть и сортовое железо необходимое для шахт — раздаются кустарям, ибо нужна их политическая поддержка (не Сов[етской] власти, а группе местн[ых] комм[унистов]). Обратите внимание, что все, кроме железа, есть на вольном рынке в изобилии и по таким ценам, что, пожалуй, выгодно скупать и государству.

Отношение к сбору и отправке сырья в Москву — *отвратительное*. Надо, во-1-х, очистить Туркестан и Бухару от наличного хлопка и пр[очего] сырья и потом давить, это может значительно увеличить количест[во] сырья. Кустарям не давать — на вольном рынке всегда хватит для них за глаза. *Это я буду проводить*, но нужны *значительные средства* дензнаков и дать сюда достаточно денег — прямой расчет. Наркомфин надежный и ходу давать мы не будем.

С хлебом дело обстоит так, что я не уверен, не то его очень мало, не то много. Наркомпрода надо сильнее. Этот много уделяет внимания на «трения», да он и болен.

Во всяком случае, впредь до обнаружения излишков, при наличии денег, я нажму на вывоз хлеба из глуши Семиречья — нужны деньги и грузовики. Там хлеб есть. Обманывать не буду и не скажу сколько. Полагаю, что удастся выжать из Бухары еще 500 вагонов, хотя бы пришлось еще раз самому нанести туда визит. Не обращайтесь только внимания на визг дипломатов о «престиже» и т. п. глупостях — если мне будут давать за каждый визит 1/2 милл. пудов хлеба, я ездить буду, хотя поездка туда и бухарские банкеты вызовут расстройство желудка.

Политика по отношению Бухары не должна носить характер чрезмерного увлечения и заигрывания, практикуемые Москвой. Существующее правительство надо поддержать, но надо не давать им забывать (правительству), что мы их поддерживаем. Поэтому — левым комм[унистам], как чистопробным авантюристам, поддержки не оказывать, но не выгодно давать их окончательно уничтожить. В общем, с Бухарой взаимоотношения здесь установлены и если Вы в Москве и Юрнев² на месте не будете их портить, то с ними пойдет все хорошо.

Коминтерновское бюро и работу здесь необходимо ликвидировать как сплошную авантюру: литература посылается на ослах (ослами) через Памир, где находится наш отряд, о котором мы два года не имеем сведений! Сотни верст по горным тропинкам, «передача разбойничим племенам, котор[ые] имеют связь с революционерами» — сплошная романтика и выкачивание золота! То же с Афганистаном. С Персией хуже, ибо имеющаяся там партия не заслуживает доверия и, считая каждого разбойника революционером, подбрасывает их в Персию, что ведет к пограничным и дипломатическим осложнениям.

Состав Туркестанской партии — подмоченный. Большинству коммунизм не мешает быть «бравыми» мусульманами и держать жен под покрывалом. Ради Бога, не верьте Вы Коллонтай³ и К^о об освобождении восточных женщин — черное покрывало крепко отделяет их от всего мира. Есть коммунистки, но ... снять покрывало не решаются! Группировок в основном три мусульманских: Тюракулова⁴, Бабаджанова и Рыскулова⁵. Рыскулов и его группа весьма популярны и здесь наше первое разногласие с Сафаровым. Рудзутак⁶, я и Петерс⁷ полагаем, что гонения на Рыскулова надо прекратить по след[ующим] мотивам: 1) от автономизма (республ[ика] тюркс[ких] народов) он отказался и его национализм ни в чем не проявляется⁸; 2) он гарантирует полное подчинение ЦК; 3) он умнее всех других, в его группе много дельных людей, он популярен, чего нельзя сказать об Атобаеве⁹ и Тюракулове; 4) невыгодно оставлять в оппозиции не у дел группу коммунист[ов]. К сожалению, эти доводы не действуют на голову т. Сафарова и он содействует линии ЦК КПТ — голого замордования оппозиции вплоть до ЧК!

Следующий вопрос, т[ак] н[азываемая] земельная реформа и политика в деревне. Я принял и согласился не только на репрессивные меры против русских деревень в Семиречье, кот[орые] обижают киргиз, но и на очищение деревень с кочевых путей киргизов, но я не согласен с т[ак] н[азываемым] переучетом инвентаря, т.е. дележки имущества, скота и инвентаря кулаков (понятие здесь относительное) между киргизской беднотой. Это будет провал новой политики, ибо нельзя одновременно излишки делить и давать право свободного и т. д. Здесь в зародыше есть и их стараются развивать ... комбеды в лице союзов бедноты. Я считаю, что этим союзам мы не можем давать экономических подачек, а лишь политические привилегии. Решайте: комбеды и дележ излишков или ... новая политика и союз скотоводов купцов, которые при известных гарантиях обязуются пригнать 4 милл. голов баранов из Афганистана (спрятали от нас) и 5 милл. голов из Китая. Продналог на такой трест может обеспечить мясом Москву. Я за 9 милл. баранов!

Члены Туркбюро усиленно разговаривают о «восточной политике», много дискуссий и ...так жить нельзя. При общей восточной расхлябанности (Москва — идеал!) это окончательно разлагает все. Дисциплина слабая везде. Наладить можно, но надо отказаться от перемен руководителей и пестрых бюро. Мое предложение, которое я делал в здравом уме и весьма обдуманно, отбрасывая в сторону личные интересы: либо меня немедленно отозвать и назначить тов[арища], ко[торый] просидит на месте не менее 6—7 месяцев, не дипломата, а организатора, дав ему бюро со сплоченным большинством (Иоффе¹⁰ не подойдет, в этом я убежден), либо твердо решить, что я остаюсь здесь не менее как 6 месяцев, на что я согласен в интересах дела (климат не по мне и условия гнусные), но дать мне бюро из твердых работников, отозвав Сафарова и Шахновского. Правдина в бюро ввести — с ним я сработаюсь. Петерс и Тюракулов могут остаться. Пятую кандидатуру обдумать. Гарантировать мне полную поддержку ЦК. Побольше доверия. При таких условиях и при достаточном количестве денежных знаков я сделаю очень многое за 1/2 года и думаю, что будет большой прок. Не забывайте, что я здесь

полномочный представитель Совнаркома и направляйте их через меня, иначе я не гарантирую их выполнение. Если Вы потребуете, я охотно буду Вам давать ежемесячный доклад о положении дел. Быстрое решение и радикальное — необходимо.

С комм[унистическим] приветом

М. Томский

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1403. Л. 1—3. Автограф.

№ 2

[Не ранее 11 и не позднее 23 сентября 1921 г.]

Уважаемый Владимир Ильич!

Меня так удивила телеграмма Брюханова¹¹, что я решаюсь беспокоить Вас еще раз с вопросом о баранах. Для меня эта телегр[амма] имеет лишь значение факта, подтверждающего мое убеждение, вынесенное из опыта, что наши экономич[еские] органы безусловно неприспособлены не только к *новой*, но и вообще к какой бы то ни было хозяйственной политике.

Позволю себе доказать В[ам] это на примере с злосчастными баранами. Брюханов пишет: «Сделка невыгодна в отношении *цен* и условий доставки». По «плану республики [в] текущий год довоенная цена барану принята в среднем два рубля *пуд живого* веса, причем при оплате закупок товарами таковые расцениваются три раза выше против довоенных цен. Исходя из этого расчета, указываемых В[ами] баранов надо оплачивать тремя-пятью арш[инами] мануфактуры, т.е. [в] 4—5 раз ниже В[аших] предположений».

Во-первых, я писал не о живом, а о *чистом* [весе], а это разница. Из *живого* выходит около 50% *чистого*. Если взять вес живой, то туркест[анский] баран (которого ни Брюханов, ни его спецы, очевидно, ни в «живом», ни в «чистом» виде не видели) имеет $2\frac{1}{2}$ — 3 [пуда] жив[ого] весу, из которых один курдюк содержит от 20 до 30 *фунтов* чистого жира (здесь говорят «масла»).

Цена барана вертится (тройной проверкой) около 7—10 р. на золото, которое они охотнее возьмут, чем мануфактуру, беря средн. 8 [р.], где же тут «больше в 4—5 раз»? Несмотря на В[аши] усилия, Вам не удастся выучить их считать!

Если в Москве все еще думают, что сделки совершаются по «плану» и «коэффициенту» (это теперь-то!), то будут и в следующем году варить щи с «коэффициентом», а не с бараниной!

Перейдем к мануфактуре и ее отношению к сельскохоз[яйственным] продуктам. Довоенные цены: ар[шин] мануф[актуры] 13 к., хлеб 80 к., хлеб = 6,1 мануф[актуры]. Следовательно, теперь 1 пуд хлеба = $6,1/3 = 2,1$ арш[ина] мануф[актуры]. На самом деле уже слышно о таковых обменах и даже здесь отношение таково: $65 : 18 = 3,6$. Переведите на барана и В[ы] увидите, какой вздор дают спецы на подпись комиссарам! Этот баран стоил до войны 7 р. 80 к., нам обойдется почти столько же.

Вывод: мною совершенные сделки я доведу до конца местными средствами. Заграничных баранов пусть покупает Внешторг, агентура которого стоит бешеных денег и дает мало толка. С Компродом *ничего* не выйдет, ибо торговать по «плану» никто не будет. *Цены на фабрикаты сбиты*. С *купцами* я прекращаю сношения и свою агентуру распушу. Я не пожалеею труда, но заготовлю баранину в срок и найду *транспорт*.

Теперь вообще о Туркестане.

Хлеб. Дело плохо. У Наркомпрода Малютина дело не идет — с продналогом очень слабо. «Коренные» коммунисты портят его дело (и без этого неладное) травлей его лично и продов[ольственного дела] вообще, занимаясь разоблачением злоупотреблений. Бороться с этим злом нужно каленым железом, но много и так недовольных за «крутую политику» и боюсь, что не встречу поддержки Москвы, если буду твердо проводить линию ЦК. Продналога вряд ли соберем милл. 4 п[удов] и, хотя Турксоюз и обещает дать товарообменом до 10 милл. пудов, но у меня нет веры в них. Армия и железнод[орожники] снабжаются впроголодь, Ваше задание, которое я проводил с неслыханным здесь нажимом — выполнено лишь до сих [пор на] 60%!

Наряд Брюханова на сентябрь 250 ваг[онов] свидетельствует о полном непонимании местных условий. Перебиваемся со дня на день. Хлеб вывозится многочисленными организациями, чрезвычайно взвинчивающими цены. Отсутствие денег тормозит все. Проспали шелковую, фруктовую, виноградную и проспим хлопковую кампанию.

Денег для Туркестана жалеть не стоит, но со специальным назначением *на оперативные расходы*.

Бухара. По-прежнему саботируют с хлебом и клянчат денег и пр. Чем больше знакомимся с линией различн[ых] «коммунист[ических]» групп, тем хуже. Щеголяют один перед другим в русофобстве. Очень выгодно используют свое значение, безбожно надувая нас и политически, и экономически. Юренев пересолил и активно вмешался в их склоку броневиками. Иоффе выехал к нему на свидание, и я очень рад, что Иоффе будет распутывать этот клубок. Если пожелаете, то я могу особо подробно информировать В[ас] о Бухаре.

Фергана. Один видный курбаши перешел на нашу сторону, но это киргизский отряд и как это отразится на узбекской психологии, вопрос сомнительный. Я очень недоволен их «переходами», ибо за переходом сюда, следует «*уход*» *туда!* Перемирие с наиболее влиятельным курбаши — Курширмагом окончилось боем. Наши сегодня начали действие. Вся Фергана — это «мерзость и запущение» и в советском, и в экономическом, и в партийном отношении. С трудом приходится преодолевать благодушное отношение коммунистов к басмачам. Без сильного военного нажима ничего не будет.

С приездом Иоффе атмосфера очистится, ибо он на месте увидел, что никакой «средней» линии быть *не может*. У меня с Иоффе по всем пунктам полное единогласие, ибо то, что я из осторожности не решался говорить — он в силу своей объективности говорит и довольно отчетливо. О своих впечатлениях он сообщит сам. *Я желал бы, чтобы мне позволили на неделю приехать в Москву, не для политики, а для подробного выяснения целого ряда хозяйственных вопросов*. Работать так оторвано тяжело, ибо по важным вопросам даже т. Молотова к проводу не допросишься.

192 г.

Уважаемый Владимир Ильич!

Меня так удивила телеграмма Гаришанина, что я решился упомянуть Вас еще раз в письме в барсак. Действительно это телегр. имеет много значением факта подтверждающего мое убеждение — вышедшее из опыта — что наши многочисленные статьи безусловно неписаны самим не только к новой, но и вообще к какой-либо не было догматической посылкой.

Поэтому еще допустить В/зю на телегр. с известными барсаками. Гаришанин пишет: ~~«Судна невозможна в отношении цен и условий доставки»~~. Но «плану республике текущий год довоенная цена барсаку придется средним два рубля над живого веса придет при оплате затрудна товарам таким разумеется при разе уже платив довоенная цен. Неодна из этого расчета «задолженств В/барсак над ошачивать т.е. нельзя арм. шану ошачивать т.е. 4-5 руб уже В/зю починили»»

1) Во первых, я писал не о живом, а о чистом

5) Турки "уехали" в Фрутаи — догнали. Пошли те деньги и... ешваби.

6) Не забывайте похлопать Туркином все, но не масувишаном, (они не работают способно), а там, где они не могут, дайте им возможность выиграть без их помощи замесив шед — сейчас такого нет.

7) Разрешите приехать в Москву.

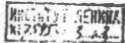
8) Уезжайте беззнаками — получили серебро.

9) Отпустите Туркином все, хотя немного выйдут на экстремные пограничные расходы. Турки совершенно не выкупают истрашайя зред.

10) Пересмотрите дело с Баранам — обжалуйте своими видками. "Панам" не вернет, они существуют только для вымогателей. Войска рткни определяют скывалши, но по линии регулировать.

С любовью и уважением

М. Томский

Резюме: 1) Наркомпрод бюрократически срывает дело с обеспечением мясом.

2) Если не дать сюда крупного, спокойного продовольственника и достаточное количество дензнаков — Туркестан будет без хлеба.

3) Не пугайтесь *твердой* и *жесткой* линии, ибо помните, что я человек «мягкий», — здесь иначе нельзя, все расхлябано.

4) Осторожней с Бухарой, она доставит много хлопот. *Ни с одной группой ссоры* — неизвестно, кто пригодится в будущем. Ни одной, без *крайней* необходимости, поддержки против другой. Ни на копейку веры!

5) «Мирные» успехи в Фергане — эфемерны. Готовьте денег и ...солдат.

6) Не забудьте пополнить Турккомиссию, только не мусульманином (они неработоспособны), а таким, который бы дал мне возможность отлучиться на места, заместить меня — сейчас такого нет.

7) Разрешите приехать в Москву.

8) Усиьте дензнаками — получите сырье.

9) Отпустите Турккомиссии хоть немного валюты на экстренные пограничные расходы. Турксовнаркому *не отпускайте* — истратят зря.

10) Пересмотрите дело с баранами — овчинка *стбит выделки*. «Планам» не верьте, они существуют только для чиновников.

Вольный рынок определяет эквивалент, но его можно регулировать. С коммунистическим] приветом

М. Томский

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1403. Л. 4—6об. Автограф.

Примечания

¹ Сафаров (Волин, Егоров) Г.И. (1891—1942) — член партии с 1908 г. С 1920 г. — член Турккомиссии. В 1921 г. член Тюркбюро ЦК РКП(б), затем с декабря отозван заведующим Восточным отделом Коминтерна, секретарь и член Президиума ИККИ. На X и XI съездах РКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б). В 1927 г. исключен из партии как троцкист, в 1928 г. восстановлен, в 1934 г. вновь исключен из партии.

² Юренев (наст. фамилия Кротовский) К.К. (1888—1938) — деятель русского революционного движения, советский дипломат. Член партии с 1905 г. (в 1913—1917 гг. «межрайонещ»). В 1917 г. председатель бюро Главного штаба Красной гвардии, член Петроградского ВРК. С 1921 г. полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии, Германии. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

³ Коллонтай (урожд. Домонтович) А.М. (1872—1952) — советский партийный деятель, дипломат, публицист. Член партии с 1915 г. В 1917—1918 гг. — нарком государственного призрения. С 1920 г. — заведующая женотделом ЦК партии. В 1918 г. примыкала к «левым коммунистам», в 1920—1922 гг. — к «рабочей оппозиции». Первая в мире женщина-посол. С 1923 г. полпред и торгпред в Норвегии, в 1926 г. — в Мексике, с 1927 г. полпред в Норвегии, в 1930—1945 гг. посланник, затем посол СССР в Швеции.

⁴ Тюракулов Н.Т. (1893—1937) — член партии с 1918 г., в 1918—1919 гг. — секретарь Кокандского Совета, ревкома, член Ферганского облревкома, председатель ТуркЦИК. В 1920—1922 гг. — председатель Временного ЦК, Исполнит. бюро, секретарь ЦК КПТ, член Турккомиссии и Тюркбюро ЦК РКП(б), РВС

Туркфронта. В 1922—1928 гг. — председатель правления Центрального издательства народов Востока.

⁵ *Рыскулов Т.Р.* (1894—1938) — член партии с 1917 г., в 1919 г. — председатель Мусбюро КПТ, в 1920 г. — председатель ЦИК ТАССР, затем заместитель наркома по делам национальностей РСФСР, в 1920—1921 гг. полномочный представитель наркомнаца РСФСР в Азербайджане. В августе 1921 г. участвовал в работе VI съезда КПТ, осенью 1922 г. введен в состав Средазбюро ЦК КРП(б) и утвержден председателем СНК ТАССР (до февраля 1924 г.).

⁶ *Рудзутак Я.Э.* (1877—1938) — член партии с 1905 г. В 1920—1922 гг. председатель ЦК профсоюза рабочих транспорта, генеральный секретарь ВЦСПС, председатель Туркбюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С 1922 г. председатель Средазбюро ЦК РКП(б). В 1923—1924 гг. секретарь ЦК РКП(б), в 1924—1930 гг. — нарком путей сообщения СССР, с 1926 г. — заместитель председателя СНК и СТО СССР, член ЦК РКП(б) в 1920—1937 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926—1932 гг.

⁷ *Петерс Я.Х.* (1886—1938) — член партии с 1909 г. В 1920—1922 гг. член Туркбюро ЦК РКП(б), полномочный представитель ВЧК в Туркестане. В 1921 г. одновременно член Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, с 1922 г. член коллегии и начальник Восточного отдела ГПУ. С 1923 г. член ЦКК, с 1924 г. член коллегии НК РКИ.

⁸ В начале 1920 г. Т.Рыскулов выступил одним из главных инициаторов создания Коммунистической партии тюркских народов и Тюркской Советской Республики. Эти предложения отражали противоречивый характер становления коммунистических организаций и советской государственности в Туркестане, сложные взаимоотношения автономных органов власти с Турккомиссией. 29 июня 1920 г. ЦК РКП(б) принял решения «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». Идеи Рыскулова были отвергнуты как ошибочные, но ЦК указал Турккомиссии на необходимость согласовывать свои действия, сотрудничать с органами власти Туркестана.

⁹ *Атабаев К.С.* (1887—1937) — член партии с 1918 г. С сентября 1920 г. председатель СНК и одновременно председатель РВС Ферганской армейской группы войск. С декабря 1921 г. член Туркестанского бюро ЦК РКП(б).

¹⁰ *Иоффе А.А.* (1883—1927) — в социал-демократическом движении с 1890-х гг. В 1918 г. консультант советской делегации на переговорах в Брест-Литовске с Германией, член Петроградского бюро ЦК РКП(б), полпред в Германии. В 1919—1920 гг. член Совета обороны, нарком госконтроля УССР. С 1921 г. заместитель председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и член Туркбюро ЦК РКП(б).

¹¹ *Брюханов Н.П.* (1878—1942) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1902 г. Один из руководителей борьбы за советскую власть на Южном Урале. В 1921—1924 гг. наркомпрод, в 1926—1930 гг. наркомфин СССР. Кандидат в члены ЦК в 1927—1934 гг. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

«ХОРОШО, ЧТО У СТЫКОВОЧНОГО УЗЛА БЫЛ ПРИЛИЧНЫЙ ЗАПАС ПРОЧНОСТИ!»

Воспоминания летчика-космонавта СССР В.Н.Кубасова

24 мая 1972 г. в Москве было подписано Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. В течение 18 месяцев до подписания Соглашения поочередно, то в Москве, то в Хьюстоне проходили встречи специалистов Академии наук СССР (АН СССР) и Национального управления США по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). С советской стороны переговоры возглавлял председатель Совета «Интеркосмос» академик Б.Н.Петров, с американской — директор Центра пилотируемых полетов им. Джонсона доктор Р.Гилрут. В итоге был сделан вывод, что идея совместного полета технически осуществима, другими словами, можно совместить¹ существующие корабли: советский — «Союз» и американский — «Аполлон».

Заключение межправительственного Соглашения позволило специалистам обеих стран приступить к реализации технического проекта под названием «Экспериментальный полет «Аполлон—Союз» (ЭПАС). С советской стороны работы возглавил академик К.Д.Бушуев, с американской — доктор Г.Ланни, оба получили должности Технических директоров ЭПАС.

За год до начала переговоров о совместном освоении космического пространства, в ноябре 1969 г., произошел первый визит советских космонавтов в США. За две недели Г.Т.Береговому и К.П.Феоктистову пришлось ответить, наверное, на тысячи вопросов. Они касались различных научно-технических проблем, режима тренировок, морального духа и даже вкусов их жен и воспитания детей. Русские космонавты понравились в Хьюстоне всем. Они познакомились со многими астронавтами и с Р.Гилрутом. Их безыскусные ответы стоили дороже дипломатии. На вопрос о возможности сотрудничества в освоении космоса Береговой ответил: «Я верю, что человечество в будущем придет к единой космической программе».

В июне 1971 г. были сформулированы пять крупных проблемных направлений в решении общей задачи совместности. По каждому из них было создано пять смешанных групп специалистов с руководителями от той и другой стороны. Первая группа занималась конструкциями кораблей, схемой и программой полета, взаимодействием Центров управления полетами — подмосковного в г.Калининграде и Центра управления полетом (ЦУП) в г.Хьюстоне, организацией баллистического обеспечения, подготовкой экипажей и персонала обоих ЦУП, разработкой совместных научных экспериментов. Вторая группа ведала системами управления кораблей, стыковочными мишенями, внешними огнями, системами слежения. Третья

---

¹ Совместимость — это способность космических кораблей и станций, их бортовых систем и оборудования, а также средств, обеспечивающих их полет, взаимодействовать, выполняя те или иные задачи.

группа отвечала за разработку конструкции стыковочного устройства и последовательность операций по стыковке. Четвертой группе были поручены системы связи и измерения дальности между кораблями, радиотехническое оборудование, средства связи, телевидение и командные радиосистемы. Пятая группа была озабочена системой жизнеобеспечения, пожаробезопасностью полета, условиями и средствами перехода экипажей из одного корабля в другой. Кроме того, существовала еще и нулевая группа, она занималась планированием и координацией всех совместных работ, ведением технической документации по проекту, перепиской между директорами проекта, то есть был штаб.

Каждый документ по ЭПАС готовился сразу на двух языках. С переводом сложности начались уже в первый день. Стороны по-разному понимали такие слова, как «зависание», «сцепка», «касание» — по каждому термину надо было договариваться, как его переводить. Еще одним камнем преткновения стала американская традиция все измерять в футах, фунтах и милях. Договорились в совместных расчетах пользоваться более удобной метрической системой единиц. Сложности появились у специалистов и при расчете стартовых окон² для обоих кораблей.

Процесс причаливания одного корабля к другому, пожалуй, самый ответственный момент. Российские специалисты предложили взять за основу стыковочный механизм корабля «Союз» и орбитальной станции «Салют». Американцы думали целый год, прежде чем согласились использовать принцип стыковочного устройства «Союз—Салют».

Испытания бортовых систем проводились на специальном макете, полностью имитирующем корабль «Союз» и «Аполлон», с участием экипажей испытателей в реальном масштабе времени — от старта до посадки «Союза». Непрерывное время испытаний составило 9 суток. Экипажи испытателей в соответствии с полетной программой имитировали все этапы предстоящего совместного полета, в том числе стыковку и переход из одного корабля в другой.

В основной экипаж космического корабля (КК) «Аполлон» вошли: бригадный генерал ВВС Томас Стаффорд, летчик-испытатель Вэнс Брандт и начальник отдела подготовки астронавтов в хьюстонском Центре Дональд Слейтон. В составе дублирующего экипажа были утверждены: капитан первого ранга Алан Бин, капитан первого ранга Рональд Эванс и астронавт Джек Лаусма.

С советской стороны к проекту ЭПАС было подготовлено четыре экипажа. Первый и основной экипаж: полковник А.А.Леонов и кандидат технических наук, авиаконструктор В.Н.Кубасов; второй экипаж — полковник А.В.Филипченко и инженер-физик Н.Н.Рукавишников; третий экипаж — летчик-инженер В.А.Джанибеков и конструктор Б.Д.Андреев; четвертый экипаж — летчик-инженер Ю.В.Романенко и авиаконструктор А.С.Иванченков.

Старт КК «Союз-19» состоялся 15 июля 1975 г. в 15 часов 20 минут с космодрома Байконур, а ровно через 7 часов 30 минут стартовал «Аполлон» с мыса Канаверал. Корабли состыковались, американские астронавты перешли в корабль «Союз», весь мир видел цветную телевизионную картинку со знаменитым рукопожатием в космосе, потом вторая тренировочная стыковка и...экипажи вернулись на Землю.

Публикуемая фонозапись о совместном полете произведена сотрудниками группы научно-технического документирования (РГАНТД).

Воспоминания В.Н.Кубасова практически первый и пока единственный «живой» рассказ о полете «Союз—Аполлон». Проект ЭПАС это безусловная победа — научная, техническая и политическая — обеих стран. Полет советского и американского кораблей прошел благополучно, в нем действительно не было серьезных

² Стартовое окно — это промежуток времени, наиболее благоприятный для старта, в котором соблюдаются необходимые требования по освещенности на орбите или на поверхности Земли.

нештатных ситуаций, а эмоциональные и психологические аспекты полета обычно остаются «за бортом» официальных отчетов. Воспоминания Кубасова замечательны тем, что хорошо передают состояние космонавтов, которым предстояло поставить точку в одном из самых интересных проектов века; дают понять, сколько сил и нервов требует любой, даже очень удачный полет, во время которого никто не застрахован от неожиданностей.

Публикацию подготовила О.Н. ЧЕРНЫШЕВА.

Воспоминания В.Н. Кубасова¹

10 января 1991 г.

Что касается полета «Союз—Аполлон», да, запоминающееся событие. Когда сидели мы с Леоновым² в ракете и ожидали старта, оставалось 40 минут, вдруг обнаружили отказ системы телевидения. Заметили, что нет телевизионной картинка на мониторе в кабине спускаемого аппарата. Очень волнуемся. Через 20 минут проверка герметичности скафандров. Проверили, вроде все в порядке, но я чувствую нутром что-то не то. Обвожу взглядом всю кабину и случайно, краем глаза, выхватываю прибор, показывающий давление в спускаемом аппарате и это давление очень высокое — около 900 мм ртутного столба. Еще немного и сработает клапан сброса давления, он срабатывает при 920 мм. Я спрашиваю у Леонова: «А ты закрыл кран наддува скафандров?» Так и есть! Закрыт не полностью. Все стало ясно. Доложили в Центр управления, что из-за чрезмерного волнения, из-за неработающего телевидения (человеческий фактор — он всегда имеет место) неплотно закрыли кран наддува скафандров. А ведь из-за этого вообще могли старт отложить. Министр общего машиностроения Сергей Александрович Афанасьев³ принял решение — пуск осуществить, а ремонт телевидения сделать на орбите силами космонавтов.

Первые витки — самые тяжелые в смысле самочувствия. Алексею (Леонову) в первые сутки было очень тяжело, ничего не ел, тошнило его, а я — ничего, легко переношу адаптацию к невесомости. Короче, первые сутки тяжелые, и когда собрались спать, нам с Земли передают: «Ребята, а TV когда чинить будете?» Пришлось вместо сна вскрывать внутреннюю обшивку (она металлическая) корабля и добираться до телевизионного блока. А чем его вскрывать? У нас из инструментов — отвертка, ножницы и перочинный ножик. Хорошо, Леонов — человек хозяйственный, прихватил с собой охотничий нож, он-то и пригодился. Проткнули мы им обшивку, дорезали ее ножницами и так проделали люк. Добрались до прибора, который надо было перекоммутировать, а он так прочно закреплен, что еле-еле отверткой, ножом и просто грубой силой его оторвали. Нашли нужный проводок, пересоединили, теперь этот высоковольтный разъем надо чем-то заизолировать. Подошел лейкопластырь из бортовой аптечки. В общем, провозились почти до утра — на сон часа три осталось. А закончили ремонт на следующий день днем, я выкроил окошко в дневном распорядке. У нас потом цветная картинка пошла, впервые цветное изображение из космоса.

У американцев в это время тоже запарка была — неприятности со стыковочным узлом, они тоже его разбирали, потом собирали.

После стыковки мы у себя на борту принимали Стаффорда⁴ и Слейтона⁵. У нас был запланирован совместный обед, вернее поздний ужин, а до того только завтрак был, обед нам забыли запланировать в полетной программе. Я очень проголодался к тому времени (у Леонова-то аппетит не очень...). У нас был небольшой столик и подносы для еды, ну, мы еду разложили на этих подносах. А с Земли захватили две этикетки от водки «Столичная» и, чтобы разыграть гостей, я наклеил их на первые попавшиеся тубы — одна, как потом оказалось, была с борщом, а другая с приправой вроде томатной пасты. Те, как увидели... Давай! Хорошее дело — отметить. Все с Земли видели эти этикетки, телевизионная картинка четкая была. Ребята поняли, что это розыгрыш только после того, как попробовали. Кстати, приборы для еды мы в спешке найти не смогли и поделили наши: им — по вилочке, а себе оставили ложечки. Так они эти вилки взяли себе как сувениры.

Один из важных моментов — подписание совместного Заявления. Я все обыскал, опись документов проглядел, нет Заявления! У Стаффорда в корабле текста Заявления тоже не обнаружилось, у себя, говорит, ищи. Что подписывать-то будем? Оказалось, кто-то в последний момент изменил название документа и в описи он значился как Свидетельство Федерации авиационного спорта. Обошлось, подписали.

После первой стыковки, переходов, встреч, рукопожатий была вторая стыковка для того, чтобы потренироваться, проверить стыковочный узел. Если при первой стыковке стыковочный узел американского корабля был активным, то во второй стыковке мы поменялись ролями: наш стыковочный узел был активным, а американский пассивным⁶. Ну, произошло касание, и я заметил на экране телевизора, что «Аполлон» после касания и сцепки пошел в сторону, очень сильно поехал вбок. Я испугался, как бы наш стыковочный узел не сломался, потому что он выдвинут вперед в активном положении. Но потом «Аполлон» остановился и пошел в обратную сторону. Я успокоился, решил, что это просто колебания при стыковке. Потом мы выяснили — после сцепки на «Аполлоне» случайно включились боковые двигатели и он так поехал в сторону. Хорошо, что у стыковочного узла был приличный запас прочности!

РГАНТД. Архивный № 923. Фонодокумент.

Примечания

¹ *Кубасов В.Н.* (р. 1935) — летчик-космонавт СССР (1969), дважды Герой Советского Союза (1969, 1975), кандидат технических наук (1968). В 1958 г. окончил МАИ. С 1966 г. в отряде космонавтов. 11—16 октября 1969 г. совместно с Г.С.Шоным совершил полет (в качестве бортиженера) на КК «Союз-6». 15—21 июля совместно с А.А.Леоновым совершил полет (в качестве бортиженера) на КК «Союз 19» (по программе ЭПАС). Полет продолжался 5 суток 22 часа 30 минут 51 секунда. 26 мая — 3 июня 1980 г. совместно с Б.Фаркашем совершил полет (в качестве командира) на КК «Союз-36» и на орбитальной станции «Салют-6» с пристыкованным к ней КК «Союз-35». За 3 рейса в космосе нале-

тал 18 суток 17 часов 59 минут 22 секунды. Награжден 3 орденами Ленина и медалями.

² *Леонов А.А.* (р. 1934) — летчик-космонавт СССР (1965), генерал-майор авиации (1975), дважды Герой Советского Союза (1965, 1975), кандидат технических наук. После окончания Чугуевского военного авиационного училища летчиков (1957) служил в ВВС. С 1960 г. в отряде космонавтов. 18—19 марта 1965 г. совместно с П.И.Беляевым совершил полет на КК «Восход-2». Во время полета впервые в мире вышел в космическое пространство, удалился от КК на расстояние до 5 метров и провел в открытом космосе 12 минут 9 секунд. 15—21 июня 1975 г. совместно с В.Н.Кубасовым совершил полет на КК «Союз-19» (в качестве командира), по программе ЭПАС.

³ *Афанасьев С.А.* (р. 1918) — в 1965—1983 гг. министр общего машиностроения СССР. Дважды Герой Соц. Труда (1973, 1978). Лауреат Ленинской (1973) и Государственных (1952, 1976) премий СССР.

⁴ *Стаффорд Томас* (р. 1930) — космонавт США, генерал-лейтенант ВВС в отставке. Служил в ВВС, летал на истребителях-перехватчиках. В 1959 г. стал одним из руководителей школы подготовки пилотов для аэрокосмических исследований на базе Эдуардс (шт. Калифорния). С 1962 г. в группе космонавтов НАСА. 18—26 мая 1969 г. совместно с Дж. Янгом и Сернаном совершил в качестве командира КК «Аполлон-10» облет Луны с выходом на орбиту ИСЛ. Всего было совершено 4 рейса в космос, налетал 21 сутки 3 часа 44 минуты 11 секунд.

⁵ *Слейтон Доналд* (р. 1924) — космонавт США, майор ВВС в отставке. В ВВС с 1942 г. Во время 2-й мировой войны совершил 56 боевых вылетов. Окончив в 1956 г. школу летчиков-испытателей, служил на военно-воздушной базе Эдуардс (шт. Калифорния). В апреле 1959 г. был отобран в группу космонавтов НАСА и назначен пилотом одного из КК по программе «Меркурий», но в августе того же года освобожден от подготовки к полету из-за болезни сердца. В марте 1972 г. после всесторонней проверки состояния здоровья был восстановлен в качестве космонавта и признан годным к космическим полетам. В 1975 г. совершил полет на КК «Аполлон» в качестве пилота стыковочного отсека (по программе ЭПАС).

⁶ До разработки проекта ЭПАС в космических кораблях обычно использовались стыковочные устройства по принципу «штырь-конус». Это значит, что на «активном» и «пассивном» кораблях стыковочные устройства различны: на «пассивном» — конус, на «активном» — штырь. Такая конструкция не соответствует принципу универсальности. Стыковочный узел должен быть андрогинным, то есть выполнять функции и «активного» и «пассивного». Кроме того, стыковочный агрегат удобен, если он периферийный — когда все направляющие и силовые элементы, захваты и замки располагаются по краям, по периферии центрального люка; тогда туннель для перехода космонавтов из одного корабля в другой остается свободным. При этом надо учитывать, что два космических корабля в космосе это не вагоны на рельсах, а свободно отклоняющиеся в любом направлении, ни к чему не привязанные объекты сложной конфигурации. Стыковочный механизм должен скомпенсировать эти ошибки взаимного положения, погасить относительные скорости любого направления, смягчить соударение массивных конструкций и произвести их сцепку. Потом выровнять и плавно сблизить до соприкосновения стыковочные шпангоуты, ввести в действие замки жесткого заприорания стыка, автоматически соединить электрические и гидравлические разъемы.

«СОЮЗ» — «АПОЛЛОН»

Первый международный полет космических кораблей.
1975 г.

15 июля 1975 г. с космодрома Байконур и мыса Канаверал стартовали космические корабли «Союз» и «Аполлон». Основные цели проекта ЭПАС: испытание элементов совместной системы сближения на орбите; проверка техники взаимного перехода космонавтов из корабля в корабль; выполнение определенных совместных действий экипажей в состыкованном положении кораблей; накопление опыта в проведении совместных полетов КК СССР и США, включая, в случае необходимости, оказание помощи в аварийных ситуациях.

Специалисты АН СССР и НАСА предложили для совместного полета такие эксперименты, осуществить которые можно было лишь с участием двух пилотируемых кораблей: «Ультрафиолетовое поглощение», «Зонаобразующие грибки», «Микробный обмен», «Универсальная печь». Эти пять экспериментов полностью исчерпали возможности совместного полета, ведь он длился всего семь суток.

Серьезных нештатных ситуаций в этом полете не было, хотя без неожиданностей не обошлось. Некоторые детали послужили поводом для шуток. Известно, что стыковка произошла на три минуты раньше назначенного срока, а вскоре после старта «Аполлона» из Центра в Хьюстоне сообщили, что астронавты заподозрили неполадки в устройстве сброса жидких отходов. Французский журналист тут же сообщил, что стыковка произошла раньше, потому что астронавты спешили в «Союз» — на «Аполлоне» отказал... туалет.

В публикуемой фотолетописи содержатся уникальные снимки совместной подготовки к полету советских и американских космонавтов. На снимках запечатлены А.А.Леонов и В.Н.Кубасов в Звездном городке и во время тренировки на море. Интересны фотографии, на которых изображены совместные тренировки астронавтов и космонавтов в кабине макета космического корабля «Союз». Публикуются фотодокументы советских и американских специалистов, которые готовили первый международный полет — К.Д.Бушуев, Б.Н.Петров, Г.С.Ланни.

Фотолетописцы отразили эпизод старта космического корабля «Союз» с космонавтами А.А.Леоновым и В.Н.Кубасовым с космодрома Байконур.

Подборка фотодокументов помогает нагляднее представить совместную работу непосредственных участников начала новой эры в развитии космических исследований — эры международных полетов в космос. Спустя 20 лет после первого совместного полета космонавтов СССР и США летчик-космонавт А.С.Елисеев так оценил это событие: «Две очень разных страны пошли на сотрудничество. Подготовка заняла более трех лет, и за эти годы две страны узнали друг друга так, как не смогли бы узнать за 30 лет дипломатического сотрудничества».

Публикатор и редакция выражают благодарность авторам фотографий: Ю.Сомову, А.Моклецову, А.Пушкареву, Н.Акимову, а также организациям: Фотохронике ТАСС, АПН, Совету «Интеркосмос», Центру подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина, НАСА (США), которые передали на хранение в РГАНТД фотодокументы, использованные в данной публикации.

Публикацию подготовила Т.А.ГОЛОВКИНА.

Космонавты А.А.Леонов и В.Н.Кубасов на занятиях. Звездный городок. 1973 г.

А.А.Леонов
и В.Н.Кубасов во время
тренировки на море.
1973 г.

А.А.Леонов и В.Н.Кубасов у корабля «Союз».
Звездный городок. 1974 г.

А.А.Леонов в тренажере космического корабля. 1974 г.

Космонавты В.Н.Кубасов и А.А.Леонов.
Звездный городок. 1974 г.

Космонавты В.Н.Кубасов и А.А.Леонов и астронавты Д.К.Слейтон,
Т.П.Стаффорд, В.Д.Бранд во время тренировки. Звездный городок. 1974 г.

А.А.Леонов, В.Н.Кубасов и В.Д.Бранд во время тренировки в кабине макета космического корабля «Союз». Звездный городок. 1974 г.

А.А.Леонов, В.Н. Кубасов, Д.К.Слейтон, В.Д.Бранд и Т.П.Стаффорд в центре пилотируемых полетов. Хьюстон, США. 1974 г.

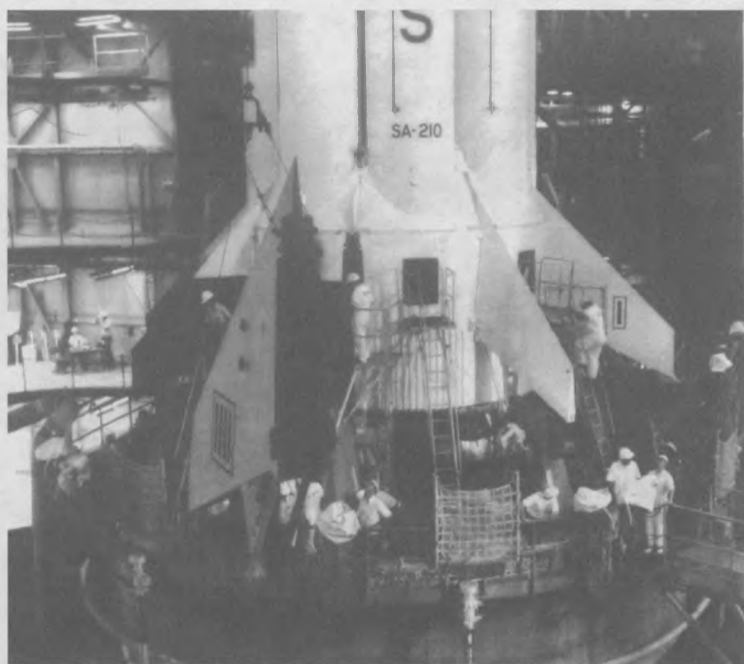
Советские специалисты К.Д.Бушуев, Б.Н.Петров, американский специалист Г.С.Ланни и переводчик Ю.В.Зонов во время совещания в космическом центре им. Джонсона. Хьюстон, США. 1975 г.

Члены американского и советского экипажей во время посещения «Диснейлэнда». Флорида, США. 1975 г.

Советские и американские специалисты, принявшие участие в испытаниях по совместимости систем связи и телевидения. Флорида, США. 1975 г.

Сборка ракеты-носителя в космическом центре им. Джонсона. Хьюстон, США. 1975 г.

В.Н.Кубасов, В.Д.Бранд, Д.К.Слейтон
у макета корабля «Союз». Звездный городок. 1975 г.

Т.П.Стаффорд в национальном казахском костюме.
Байконур. 1975 г.

Дж. Лаусма, Т.П.Стаффорд, В.Д.Бранд
сажают деревья. Ташкент. 1975 г.

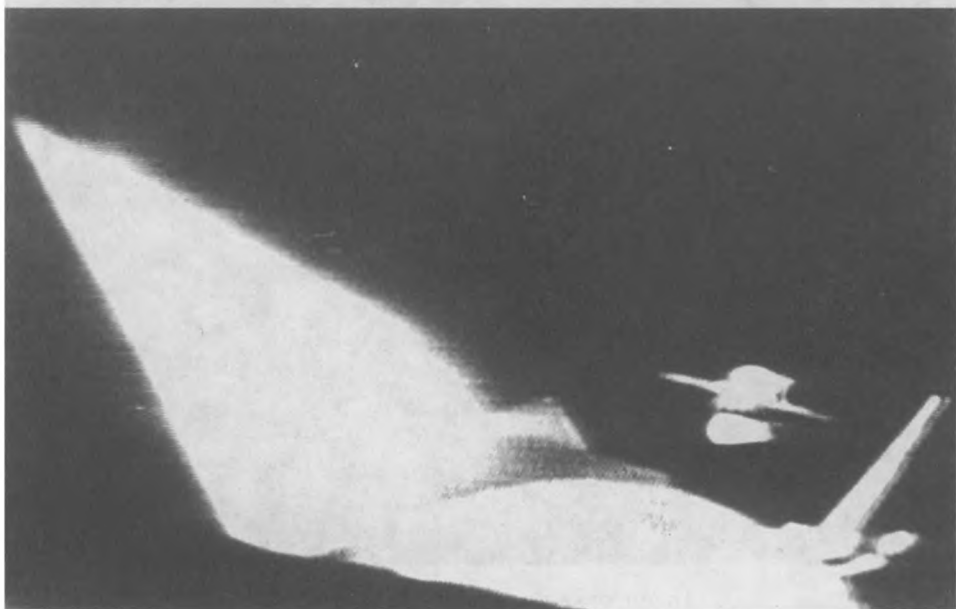

Тренировка космонавтов. 1975 г.

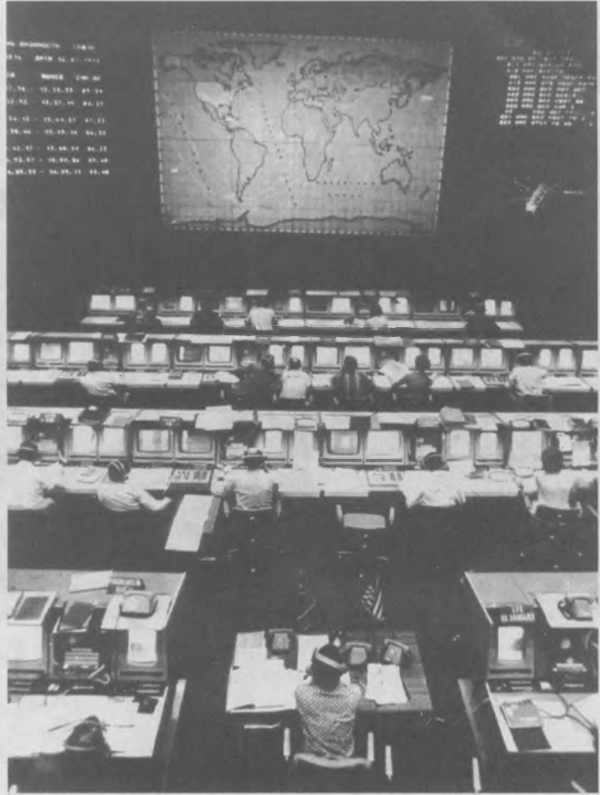

Старт космического
корабля «Союз»
с космонавтами
А.А.Леоновым
и В.Н.Кубасовым.
Байконур.
15 июля 1975 г.

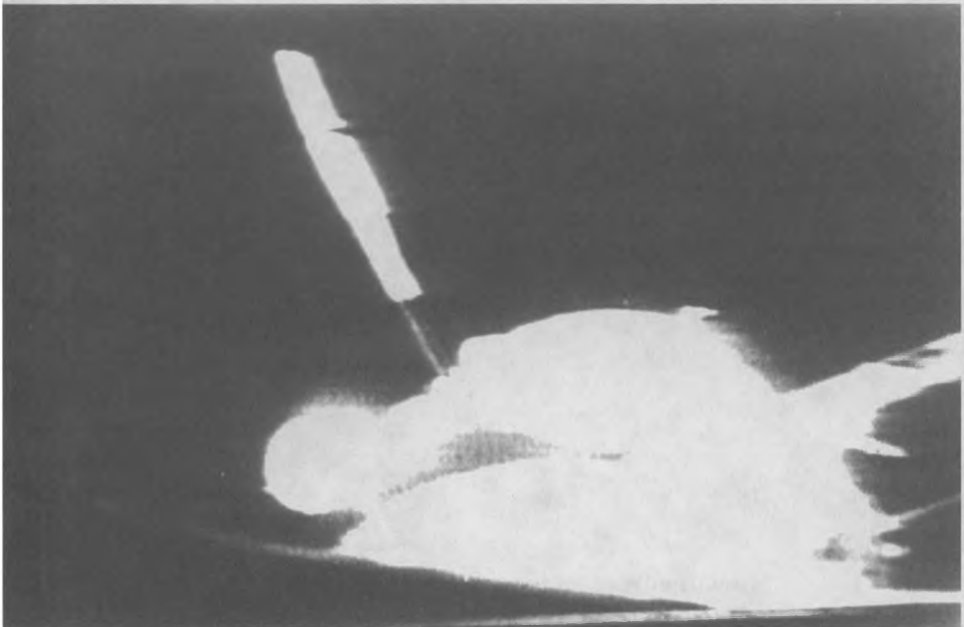
Сближение
космического корабля
«Союз» и «Аполлон»
перед стыковкой
во время полета.
17 июля 1975 г.

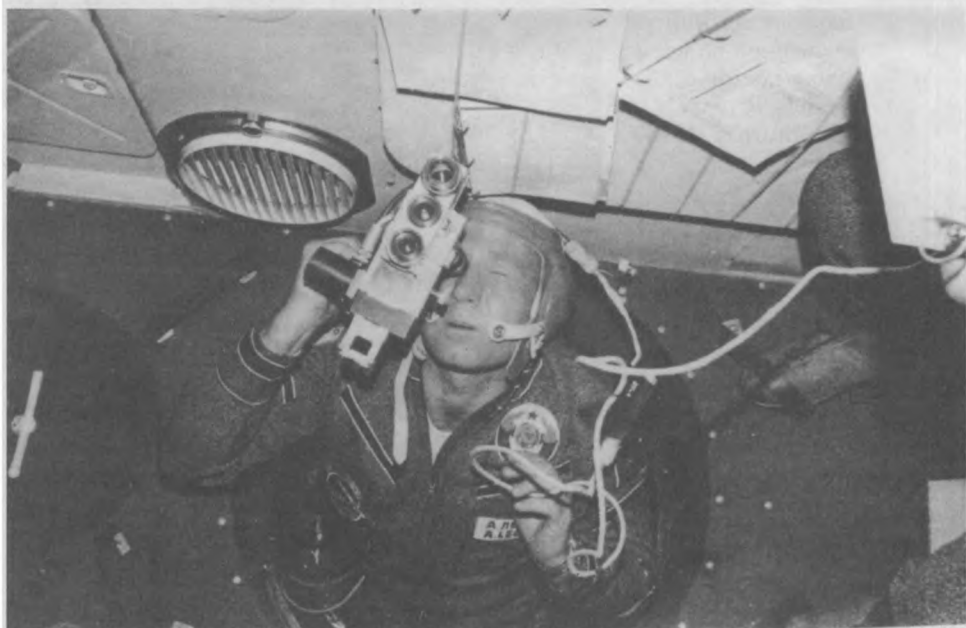
Главный зал Центра управления во время полета космического корабля «Союз». Калининград. 1975 г.

Момент стыковки космических кораблей «Союз» и «Аполлон». 17 июля 1975 г.

А.А.Леонов с кинокамерой во время совместного полета
в космическом корабле «Союз-19». Июль 1975 г.

Момент спуска на парашюте спускаемого аппарата
космического корабля «Союз». 21 июля 1975 г.

Представители совета «Интеркосмос»
на Красной площади. Москва. 1975 г.

Космонавты и астронавты на приеме у Л.И.Брежнева
в Кремле после завершения полета. Москва. 1975 г.

В.Н.Кубасов, А.А.Леонов у памятника Петру I.
Ленинград. 1975 г.

Астронавт Т.П.Стаффорд выступает в космическом
центре им. Кеннеди. Флорида, США. 1975 г.

«АНАЛИЗ ДЕЛ ПО ВСКРЫТОЙ ВРАЖЕСКОЙ АГЕНТУРЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...»

О методах работы германских спецслужб
на Украине. Декабрь 1941 г.

Упорные приграничные бои и ожесточенное сопротивление Красной Армии наступающим немецким войскам в июле — августе 1941 г. внесли существенные коррективы в планы командования вермахта по реализации восточного варианта «блицкрига». Составной частью этих планов являлся разгром или же серьезная дезорганизация деятельности советских органов государственной безопасности, оказавшихся в районе боевых действий. Однако, многочисленные архивные источники свидетельствуют, что подавляющее большинство территориальных органов НКГБ—НКВД СССР сумело своевременно провести необходимые мобилизационные мероприятия. Подразделения военной контрразведки и территориальных органов госбезопасности, в короткое время перестроили свою работу с учетом складывавшейся боевой и оперативной обстановки, переходя от оборонительной к наступательной тактике в борьбе с германской разведкой.

Следует заметить, что советским контрразведчикам противостоял опытный и коварный противник. Заранее переброшенные через советскую границу немецкие диверсанты, террористы и шпионы нанесли значительный урон оборонявшимся войскам Красной Армии. Но продвижение частей вермахта вглубь советской территории вынуждало немецкую разведку менять тактику разведывательно-подрывных акций. Смена тактики деятельности противника своевременно выявлялась советскими чекистами, которые предпринимали соответствующие контрмеры, что в свою очередь сказывалось на эффективности их работы.

Руководство военной контрразведки, а после реорганизации в июле 1941 г. — особых отделов НКВД и территориальных органов НКВД—УНКВД республик и областей, находящихся в районе боевых действий, преследуя цель обобщения опыта борьбы с агентурой германской разведки, прилагали большие усилия, чтобы подготовить соответствующие документы. Однако наступательные операции немецких войск не позволяли контрразведчикам вплотную заняться решением этой задачи, так как повседневная борьба с разведывательно-диверсионной деятельностью противника отнимала много сил и средств, к тому же часто меняющаяся дислокация не способствовала решению поставленной задачи.

Документ, публикуемый в настоящем номере «Исторического архива», датируется концом декабря 1941 г. Его появление можно объяснить контрнаступлением Красной Армии под Москвой, когда войска вермахта были вынуждены отступить, а затем перейти к обороне на многих участках советско-германского фронта. Сложившейся ситуацией воспользовались сотрудники НКВД УССР, которые длительное время находились в непосредственном противоборстве с немецкой разведкой и накопили большой оперативный опыт в борьбе с агентурой противника. Кроме того, обстоятельства появления данного документа необходимо дополнить следующими пояснениями.

К концу осени 1941 г. для военно-оперативной обстановки, сложившейся на Украине, было характерным то, что почти вся Левобережная часть Днепра и многие районы Донбасса оказались под немецкой оккупацией. Непосредственно за регулярными войсками вермахта продвигались подразделения немецкой военной разведки (абвер). На захваченной территории во многих городах и селах Украины были развернуты разведывательные органы абвер 1. Координацией подрывной деятельности занималась абверкоманда 101, которой были подчинены абвергруппы 101, 102 и 103, непосредственно проводившие разведоперации на большей части оккупированных районов Украины и в ближайшем прифронтовом тылу. С августа по декабрь 1941 г. абвергруппа 101 дислоцировалась в г. Николаеве. Сфера ее деятельности распространялась и на Херсонскую область.

Абвергруппа 102 в этот период размещалась в районе г. Умань и проводила разведывательную работу на территории Черкасской и Кировоградской областей.

Перед абвергруппой 103 в августе — декабре 1941 г. были поставлены разведывательные задачи, выполнение которых осуществлялось ею на территориях Запорожской и Сталинской областей.

В полосе обороны советских войск Южного и Западного фронтов на территории Украины руководством абвера разведка была возложена на абверкоманду 102 и подчиненные ей абвергруппы 104 и 105. Разведоперации этих подразделений абвера распространялись на Полтавскую, Черниговскую, Ворошиловградскую и Харьковскую области.

Диверсионной деятельностью в полосе обороны Южного и Юго-Западного фронтов занимались подразделения абвера 2. Особую активность на территории Украины проявляла абверкоманда 202 и подчиненная ей абвергруппа 204. Абверкоманда 202, как разведывательно-диверсионное подразделение, перемещалась вместе с наступающими частями вермахта, выполняя задания командования по осуществлению диверсий против оборонявшихся войск Красной Армии. Местами временного базирования абверкоманды 202 являлись города Львов, Кременец Тернопольской области, местечко Кузьмин Старо-Константиновского района Каменец-Подольской области, дер. Садки Житомирской обл., г. Александрия Кировоградской области. В последующем команда находилась в Полтаве, Харькове и Житомире.

По мере продвижения немецких войск на восток Украины в целях локализации деятельности советской разведки в оккупированных районах разворачивали свою работу подразделения немецкой военной контрразведки абвер 3. Наиболее активную контрразведывательную работу в прифронтовых районах Украины осуществляла абверкоманда 302 и замыкавшиеся на нее абвергруппы 304, 305, 306 и 323. Абвергруппы в ходе проведения контрразведывательных операций тесно взаимодействовали с органами полиции безопасности и СД, а также с подразделениями секретной полевой полиции (ГФП).

Абверкоманды, группы и их головные подразделения (мельдекопфы) организовывали и проводили в жизнь контрразведывательные операции во многих пунктах Харьковской, Полтавской, Ворошиловградской, Сумской, Сталинградской, Запорожской, Херсонской, Киевской, Кировоградской, Николаевской, Черниговской и других областей.

После оккупации значительной территории Украины руководством немецких спецслужб для более эффективного управления военной разведкой были созданы в августе 1941 г. в Росно «Абверштелле Украина» (АСТ Украина), в октябре 1941 в Киеве — «Абвернебенштелле Киев» (АНСТ Киев), в этом же месяце в Николаеве — «Абверштелле юга Украины» (АСТ юга Украины).

Вслед за военной разведкой, подчиняющейся непосредственно командованию вермахта, в захваченные области Украины были переброшены подразделения Главного управления имперской безопасности (РСХА). В сентябре 1941 г. в Киев прибыла оперативная группа Ц полиции безопасности и СД. На базе этой группы и ее подразделений на территории 9 генеральных округов Украины немецкими оккупационными властями были сформированы органы полиции безопасности и СД, которые

являлись единым аппаратом, выполнявшим функции гестапо, уголовной полиции и службы безопасности.

Таким образом, к зиме 1941 г. на Украине была создана мощная разведывательно-подрывная система органов спецслужб фашистской Германии. В противостоянии с ними находились чекисты НКВД УССР. К этому времени, как указывалось выше, в территориальных органах госбезопасности Украины накопился богатый практический опыт в борьбе с противником, в частности, с абвергруппой 102, который и был обобщен в публикуемом ниже документе.

Докладная записка представляет интерес для исследователей в связи с тем, что фактический материал, его систематизация и предложенные рекомендации были высоко оценены руководством НКВД СССР. Следует, кроме того, заметить, что содержание документа было использовано для подготовки информационного сообщения в Государственный Комитет Обороны, а также для составления ориентировки на места, где осуществлялась непосредственная борьба с агентурой противника. Можно утверждать, что докладная записка является одним из первых документов аналитического характера, в котором на высоком профессиональном уровне изложены выявленные формы и методы подрывной деятельности немецкой разведки в период боевых операций, в ближайших прифронтовых районах и в тыловых регионах оккупированной территории Украины. Особенно важным являлся факт выявления украинскими чекистами планов противника на ведение подрывной работы в глубоком тылу советской территории, а это, в свою очередь свидетельствовало о том, что фашистская стратегия «блицкрига» 1941 г. окончательно провалилась и перед Гитлером встала проблема затяжной войны с Советским Союзом с непредсказуемыми последствиями ее окончания.

Документ извлечен из документальной коллекции Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ).

Публикацию подготовили кандидаты юридических наук О.Б.МОЗОХИН и В.П.ЯМПОЛЬСКИЙ.

Докладная записка НКВД Украинской ССР в НКВД СССР о методах работы немецкой разведки на территории Украины^а

21 декабря 1941 г.

За отчетный период в результате агентурной работы и проведенных мероприятий по задержанию и тщательной фильтрации подозритель-

^а На документе имеются резолюции: «Тов. Федотову¹. Документ — интересный, вскрывает методы работы немецкой разведки на сегодня и свидетельствует о том, что мы в полной мере еще не развернули борьбу с ее агентурой.

1. Срочно разработайте и предоставьте проект письма (циркуляра) всем органам — с ориентировкой и конкретными задачами о решительном улучшении работы по КРО...

2. Подготовьте информацию в ГКО Обороны по типу настоящей записки — по Союзу с указанием количества разоблаченных и арестованных немецких шпионов.

3. О Полтавской школе разведчиков... ориентируйте тов. Судоплатова². Кобулов³. 28/XII.41 г.»

«Т. Тимофееву⁴. Согласно указания тов.Кобулова и тех указаний, которые передал Вам. 29.XII.1941 г. Федотов».

«Т. Барышникову⁵.

1. Указание и ориентировка о борьбе с германской разведкой переданы т. Федотову 23.XII.

2. Информацию в ГКО сдадим 3/1-1942 г.

3. Дайте ориентировку о школе т. Судоплатову. 30.XII-1941. Тимофеев».

ных лиц арестовано по линии КРО 95 чел[овек], из них: по Ворошиловградской области 75 и по районам Харьковской области 20 чел[овек].

По обвинению в причастности к деятельности немецкой разведки подвергнуто аресту 76 чел[овек].

Из общего числа арестованных — 5 ч[еловек] привлекаются к уголовной ответственности за террористические проявления.

С 10 по 20 декабря разоблачено 43 агента немецкой разведки, в том числе 30 переброшенных через линию фронта в тыл Красной Армии и 13 оставленных с разведывательными заданиями в населенных пунктах, отбитых у противника.

Переброшенная через линию фронта агентура получила задание разведать главным образом скопление войск Красной Армии, техническую оснащенность отдельных ее частей, пути следования последних к линии фронта и оборонительные мероприятия Красной Армии в прифронтовых районах.

Среди разоблаченной нами агентуры разведки противника имеется ряд агентов, получивших специальную подготовку для ведения активной разведывательной работы в глубоком нашем тылу.

Эта агентура, завербованная немцами из приверженцев фашистской Германии, была озадачена одновременно и на организацию террористических актов против ответственных партийных и советских работников. [В] последнее время наблюдаются все чаще случаи переброски агентуры в наш тыл из неустойчивых военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену у немцев, причем отдельные из них перебрасываются на территорию расположения частей Красной Армии с оружием, имея указания по диверсии и террору.

По следственным материалам устанавливается, что немецкая разведка в прифронтовых наших районах создает небольшие резидентуры, объединяя в них одновременно переброшенную свою агентуру.

Немецкая военная разведка, как это видно из показаний ряда разоблаченных агентов, проявляет большой интерес к новым видам вооружения Красной Армии. Для получения этих данных она засылает в наш тыл агентуру с заданием проникнуть в технические части Красной Армии. Нами за последнюю декаду разоблачено три таких агента, пытавшихся в военкоматах получить направление в указанные воинские части.

Почти все [агенты], завербованные немцами для сбора разведывательных сведений, получили также задание вести среди населения широкую фашистскую пропаганду.

Большое количество агентуры немецкой разведки нами разоблачено в освобожденных от немецких захватчиков пунктах Ворошиловградской обл[асти]. Здесь филиалы гестапо и военная разведка вербовали агентуру для разведывательной работы в прифронтовой полосе для выявления партизан и вообще советского актива.

Многие из завербованных [агентов] вначале активно использовались в качестве проводников немецких воинских частей, а затем [были] оставлены на месте с разведывательными заданиями.

В последнее время немецкая разведка начала практиковать групповые переброски завербованной агентуры, снабжая эту агентуру автоматическим оружием.

12.12.41 г. в Краснодарском районе Ворошиловградской области был задержан некий Федченко Дмитрий Алексеевич, 1919 г. рождения, уроженец Смоленской области, оказавшийся бывшим красноармейцем 510-го арtpолка. При задержании у Федченко изъят автомат «ППД» с двумя заряженными дисками.

Федченко, будучи разоблачен как агент немецкой разведки, показал, что он в числе девяти человек, вооруженных автоматами «ППД», был переброшен офицером немецкой военной разведки в районе г. Красный Луч Ворошиловградской области с заданиями шпионско-диверсионного характера.

Арестованный Федченко для дальнейшего ведения следствия и использования его показаний для поимки остальных агентов разведки передан Особому отделу 37-й армии.

Ставя перед собой также задачу по террору, немецкая разведка тщательно подготавливает определенную часть своей агентуры в специальных школах террористов.

Как установлено следствием, школа для подготовки разведчиков-террористов существует в гор. Полтаве.

Заслуживает серьезного внимания тот факт, что в указанные школы разведчиков-террористов направляются антисоветские элементы из местных немцев-колонистов.

11.12.41 г. в гор. Купянске Харьковской области арестованы и разоблачены два немецких шпиона-террориста: Майер Густав Бориславович, 1923 г. рождения, уроженец г. Киева, по национальности немец, ранее работавший артистом Киевской русской драмы, и Мартенс Георг Антонович⁶, 1918 г. рождения, уроженец села Боярки Киевской области, по национальности тоже немец, студент 3-го курса Киевского техникума физкультуры.

Майер и Мартенс показали, что после вербовки их гестапо в Киеве они окончили специальную школу разведчиков-террористов в гор. Полтаве, после чего переброшены в наш тыл с заданием проникнуть в гор. Сталинград и другие промышленные города Советского Союза для осуществления террористических актов против партийного и советского актива и сбора шпионских материалов.

Совместно с Майером и Мартенсом закончил курсы разведчиков в гор. Полтаве Морозов Михаил, 30-ти лет, уроженец гор. Киева, который с аналогичными заданиями направлен немцами в гор. Казань.

Следствие по делу продолжаем. Соответствующие органы НКВД о переброшенной агентуре разведки противника нами ориентированы.

17.12.41 г. в гор. Купянске Харьковской области арестован Кудин Гавриил Петрович⁷, находившийся в плену у немцев.

Кудин показал, что он завербован немецким офицером и получил задание совершать террористические акты над коммунистами и партизанами.

Следствие по делу продолжаем.

В селе Украинском Волчанского района Харьковской области вскрыта и ликвидируется резидентура немецкой военной разведки во главе с резидентом Гузеевым Федором. В состав резидентуры входили: Капинус Ульяна Филипповна и Губарев Иван Иванович, одновременно завербованные немцами для шпионской работы в нашем тылу.

Немецкая разведка снабдила резидентуру оружием, деньгами и одеждой.

Арестованный агент разведки, входивший в состав резидентуры, Капинус Ульяна Филипповна показала, что она, оставшись в гор. Харькове, после занятия его немецкими войсками решила перейти на жительство в село Украинское Волчанского района. В пути следования Капинус была задержана офицером немецкой военной разведки и завербована для разведывательной работы в нашем тылу.

Капинус, прибыв в село Украинское, связалась по заданию немецкого офицера с резидентом Гузеевым, к которому получила явку, и в дальнейшем передавала ему собираемые ею шпионские сведения.

В настоящее время Гузеев совместно с Губаревым ушли в село Куньяватое, занятое немцами, для связи с немецкой разведкой и передачи собранных материалов.

Меры к аресту Гузеева и Губарева приняты.

Наряду с заброской в наш тыл агентуры, главным образом для сбора разведывательных данных в районах, расположенных вдоль линии фронта, военная разведка немцев в последнее время стала направлять свою агентуру в конкретные места ближнего тыла наших войск, озадачивая ее по специальным вопросам военно-разведывательного характера.

Агентура для указанной цели всесторонне обрабатывается, и вербовки оформляются самым тщательным образом.

17.12.41 г. в гор. Купянске Харьковской области арестован и разоблачен как агент немецкой разведки Санин Александр Евстифеевич, который показал, что он находился в плену у немцев и был завербован немецким офицером в гор. Люботине для разведывательной работы в нашем тылу.

Санин получил задание разведать расположение и количество частей Красной Армии в Волчанском районе. После выполнения задания Санин должен был возвратиться обратно, для чего получил от немцев пропуск для беспрепятственного перехода линии фронта и продвижения по занятой ими территории.

В гор. Ворошиловграде арестована и разоблачена как агент немецкой военной разведки Козловская Валентина Николаевна, 1921 г. рождения, уроженка гор. Красноармейска Сталинской области, член ВЛКСМ, проводник ст. Красноармейск, брат которой репрессирован в 1937 году за контрреволюционную деятельность.

После занятия гор. Красноармейска немецкими оккупантами Козловская оставалась на месте, не подвергаясь преследованиям со стороны немцев.

8.11.41 г. у Козловской на квартире итальянские солдаты во главе с немецким офицером произвели обыск и обнаружили комсомольский билет. Офицер порвал билет, задержал и направил Козловскую в штаб.

В штабе немецкий офицер допросил Козловскую и предложил ей работать поваром, Козловская два дня готовила пищу для 25-ти офицеров.

10.11.41 г. Козловская была вновь допрошена офицером, который завербовал ее для дальнейшей работы в нашем тылу.

Козловская получила задание разведать в районах Ворошиловградской области расположение воинских частей.

Через линию фронта Козловская была переброшена итальянскими солдатами в районе села Сергеевка.

19.12.41 г. в м. Ровеньки Ворошиловградской области арестованы и разоблачены как агенты немецкой разведки Николаев Дмитрий Иванович, 1922 г. рождения, уроженец села Тотоина Порховского района Ленинградской области и его брат Николаев Николай Иванович⁸, 1911 г. рождения, которые, находясь на работах по строительству оборонительных укреплений в Ростовской области, попали в окружение и были взяты в плен немцами.

Братья Николаевы неоднократно вызывались на допрос немецким офицером, который расспрашивал их о расположении частей Красной Армии, аэродромов и применяемой новой технике. Николаевы сообщили офицеру все данные, известные им.

Немецкий офицер, получив ряд данных разведывательного характера, завербовал братьев Николаевых, дав им задание направиться в Ровеньковский район Ворошиловградской области и там собрать сведения о расположении штабов Красной Армии, численности и дислокации танковых частей, артиллерии, а также подавать сигналы немецким самолетам для бомбежки военных объектов.

Следствие по делу продолжаем.

14.12.41 г. в гор. Ворошиловграде задержан и разоблачен как агент немецкой разведки Кука Николай Антонович⁹, 1912 г. рождения, уроженец Драбовского района Полтавской области, бывший слесарь завода им. Пархоменко в гор. Ворошиловграде.

Кука показал, что он, будучи на работе по строительству оборонительных укреплений, попал 28.11.41 г. в плен к немцам недалеко от ст. 14-я рота Дебальцевского района Сталинской области.

В штабе Куку допрашивал немецкий офицер, который интересовался его биографическими данными. Затем офицер стал расспрашивать об оборонительных заводах гор. Ворошиловграда и расположенных там частях Красной Армии. На все вопросы Кука давал исчерпывающие ответы, после чего принял предложение немецкого офицера работать в пользу немцев.

Вербовка Куки была оформлена соответствующей подпиской, на которой офицер наклеил фотокарточку, сорванную им с воинского билета Куки.

После тщательного инструктажа 30.11.41 г. Кука был переброшен немецким офицером через линию фронта с заданием собрать данные о

воинских частях, складах военного имущества, боеприпасов и о партизанских отрядах по гор. Ворошиловграду и районам области.

Собранные материалы Кука должен был передавать вербовавшему его офицеру в гор. Алчевске (Ворошиловск) после занятия последнего немецкими войсками.

Немецкая военная разведка дает задания своей агентуре собирать также сведения о политико-моральном состоянии бойцов Красной Армии, выяснять пути снабжения отдельных крупных воинских соединений, проявляя особый интерес по указанным вопросам в отношении частей Красной Армии, размещенных в городах и селах Ворошиловградской области.

По данным агентуры аппаратом КРО УНКВД по Ворошиловградской области был выявлен, арестован, а затем разоблачен как агент немецкой разведки возвратившийся из немецкого плена Екатеринин Алексей Антонович, 1907 г. рождения, уроженец Ново-Айдарского района Ворошиловградской области, отец которого в 1930 г. раскулачен.

Екатеринин показал, что он попал в плен к немцам с бойцами своей части под Мариуполем. Впоследствии Екатеринин был завербован офицером немецкой разведки для проведения шпионской работы в Донбассе.

Помимо полученного задания по сбору данных о расположении частей Красной Армии, их оснащенности, военной технике, Екатеринин должен был также собирать материалы о политико-моральном состоянии бойцов и путях снабжения воинских подразделений, размещенных в неоккупированных городах Донбасса, проводить одновременно среди населения фашистскую пропаганду.

17.12.41 г. в гор. Ворошиловграде арестован как подозрительный Машура Василий Андреевич, 1920 г. рождения, уроженец села Кириловка Ольгинского района Сталинской области, до оккупации немецкими войсками Ольгинского района работал секретарем сельисполкома. В прошлом — секретарь КСМ организации села.

На допросе Машура был разоблачен как агент немецкой разведки.

Машура показал, что с приходом немецких войск в село Кириловку он как активист был вызван в штаб и неоднократно там допрашивался немецким офицером.

В процессе допроса Машура был обработан и завербован немецким офицером для разведывательной работы в прифронтовых районах Ворошиловградской и Сталинградской областей. Вербовка была оформлена подпиской.

От немецкого офицера Машура получил задание пройти через линию фронта, посетить ряд районов фронтовой зоны и разведать там расположение войск Красной Армии и их вооружение. Специально был озадачен на выявление политико-морального состояния бойцов Красной Армии.

Во исполнение задания немецкого офицера Машура посетил Серговский и Ворошиловградский районы.

11.12.41 г. в гор. Ворошиловграде был задержан и разоблачен как агент немецкой разведки Серомолотов Петр Маркович¹⁰, 1913 г. рождения, уроженец села Новосветловка Ворошиловградской области, до войны работал на заводе им. Артема в гор. Ворошиловграде, командир взвода 26-го мотополка Красной Армии.

Серомолотов показал, что он, принимая участие в обороне гор. Харькова, попал вместе со своими бойцами во вражеское окружение. Выходя из окружения, Серомолотов около гор. Артемовска был задержан немецким патрулем и доставлен в штаб немецких войск в Артемовске.

В процессе допросов в немецком штабе Серомолотов был завербован офицером для шпионской работы в тылу Красной Армии и получил задание перейти линию фронта в целях разведать расположение, численность и вооружение частей Красной Армии.

Такое же задание получил завербованный одновременно бывший военнослужащий 26-го мотополка Стешко.

Будучи отпущены, Серомолотов и Стешко направились в гор. Ворошиловск Ворошиловградской области, где последний, якобы, остался, а он Серомолотов направился в гор. Ворошиловград.

Серомолотов, стремясь выполнить задание немцев, обратился в Ворошиловградский военкомат с просьбой зачислить его в одну из технических частей. Получив направление в другую часть, он остался дома, где был задержан как дезертир и подозрительный по своему поведению.

Следствие по делу Серомолотова продолжаем. Приняты меры розыска и ареста Стешко.

В м. Меловое Ворошиловградской области арестован и разоблачен как агент немецкой разведки Мирошник Василий Александрович¹¹, который показал, что, находясь в Красной Армии, он 21.11.41 г. в селе Белогоровка вместе с другими красноармейцами был взят в плен.

Немцы при обыске изъяли у Мирошника комсомольский билет. Это было использовано немецким офицером, предложившим Мирошнику под угрозой расстрела работать в пользу германской разведки.

Вначале Мирошник якобы отказывался, но после неоднократных допросов, сопровождавшихся угрозами, он дал согласие на проведение разведывательной работы в тылу Красной Армии и получил задание выяснить расположение частей Красной Армии и политико-моральное состояние ее бойцов.

Следствие по обвинению Мирошника закончено и следдело направлено на рассмотрение в военный трибунал.

Большинство заброшенной в наш тыл немецкой агентуры с разведывательными заданиями имеет одновременно указания вести среди бойцов Красной Армии и гражданского населения широкую фашистскую пропаганду.

Немцы, для того чтобы усилить свою пропаганду в нашем тылу и особенно в населенных пунктах прифронтовых районов, перебрасывают агентуру, специально подготовленную для ведения пропаганды в пользу фашистской Германии.

Эта часть агентуры также распространяет среди населения различные провокационные слухи, сеет панику и своими антисоветскими проявлениями пытается оказывать противодействие в проведении на местах мероприятий партии и правительства.

17.12.41 г. в гор. Ворошиловграде за проведение фашистской пропаганды арестован Шаповалов Михаил Григорьевич, 1911 г. рождения, уроженец слободы Криворожье Ростовской области, до призыва в Красную Армию работал шофером в совхозе «Индустрия».

В процессе допроса Шаповалов разоблачен как агент немецкой разведки.

Шаповалов показал, что 23.7.41 г. он был мобилизован в Красную Армию и зачислен во взвод снабжения 162-го стрелкового полка 127-й дивизии.

Во время военных действий в одном из сел Демидовского района БССР Шаповалов сдался в плен немцам. В штабе немецкой части он допрашивался офицером военной разведки.

После допроса Шаповалов был завербован под псевдонимом «Плюшкин» и переброшен через линию фронта с заданием разведывательного характера. Одновременно по заданию разведки он проводил фашистскую пропаганду и сеял панические слухи среди населения гор. Ворошиловграда.

За проведение фашистской пропаганды арестована Зозуля Вера Ивановна¹², 1924 г. рождения, уроженка села Шеки Лубенского района Харьковской области, по специальности фельдшер, исключена из ВЛКСМ как дочь осужденного за к[онтр]р[еволюционную] работу, бывшая служащая Константиновской поликлиники.

Зозуля показала, что находясь на работах по строительству оборонительных укреплений под гор. Павлоградом Днепропетровской области, она вместе с группой женщин, работавших на оборонительных работах, была захвачена в плен немцами.

Вся группа задержанных была подвергнута допросу, а затем все женщины, в том числе и Зозуля, были разобраны по квартирам немецкими офицерами и солдатами и изнасилованы.

После этого Зозуля некоторое время продолжала находиться при немецком штабе.

В начале ноября месяца Зозуля была завербована немецким офицером и переброшена через линию фронта в районе села Константиновка с заданием вести широкую фашистскую пропаганду среди населения.

Для беспрепятственного продвижения на территории, захваченной немцами, и на случай пожелания возвратиться обратно Зозуля от офицера получила специальный пропуск.

10.12.41 г. на ст. Петровеньки Ивановского района Ворошиловградской обл[асти] задержан как подозрительный Михальков Илья Тихонович¹³, 1917 г. рождения, уроженец дер. Загоря Дубровского района Орловской обл[асти], шофер, бывший красноармеец 76-го саперного батальона 60-й стрелковой дивизии.

На допросе Михальков разоблачен как агент немецкой разведки.

Михальков показал, что в районе ст. Волноваха он попал в плен к немцам. Находясь в лагере, неоднократно вызывался на допрос немецким офицером, которому сообщил все известные ему данные о воинской части, в которой служил.

Немецкому офицеру Михальков высказал желание возвратиться домой к родителям. Перед Михальковым тогда было поставлено условие освобождения из плена — согласие заниматься в тылу Красной Армии разведывательной деятельностью в пользу немцев.

Михальков согласился с предложением офицера и после инструктажа 6.12.41 г. [был] переброшен через линию фронта в районе гор. Чистякова Сталинской области с заданием проводить фашистскую пропаганду и распространять панические и провокационные слухи среди гражданского населения.

Следственное дело направлено на рассмотрение в военный трибунал.

Заслуживает серьезного внимания деятельность немцев в ряде захваченных ими населенных пунктов Ворошиловградской области, освобожденных затем частями Красной Армии.

В освобожденных населенных пунктах немцы находились 8—10 дней, и за это время офицеры военной разведки, прибывшие с передовыми частями, успели провести широкую вербовочную работу.

Оперативными группами, посланными в освобожденные от войск противника населенные пункты, в результате проведенных агентурно-оперативных мероприятий был выявлен и разоблачен ряд лиц, причастных к деятельности германской военной разведки.

Анализ дел по вскрытой вражеской агентуре свидетельствует о том, что многие из [агентов], завербованных немцами, вначале активно привлекались к обслуживанию немецких частей в качестве проводников и т.п., а потом выполняли задания разведки в своих населенных пунктах.

Арестованный Макаров Роман Николаевич, 1904 г. рождения, показал, что, дезертировав из Красной Армии, он бежал к немцам, где был завербован офицером разведки для шпионской работы.

Учитывая, что Макаров хорошо знает ряд районов Донбасса, он использовался офицером разведки в качестве проводника.

Арестованный Пономарев Иван Васильевич¹⁴, 1911 г. рождения, уроженец села Н-Нагольчик Боково-Антрацитовского района, будучи на спецстройке, попал в плен к немцам. Находясь в плену, Пономарев был зачислен в обоз, а затем использовался в качестве проводника-разведчика.

При занятии того или иного населенного пункта немцы немедленно учитывали весь кулацкий и прочий антисоветский элемент и из этого контингента местных жителей в основном вербовалась агентура как для ведения ближней разведки, так и для выявления советского актива.

Арестованный Колесников Александр Иванович, 1897 г. рождения, уроженец хутора Чкалова Сталинской области, кустарь, в прошлом судим за растрату, по прибытии немецких войск в село Крымское Славя-

но-Сербского района Ворошиловградской области был завербован для выявления наличия частей Красной Армии в районе своего села.

Арестованная Кучеренко Прасковья Свиридовна, уроженка села Н-Красновка, в прошлом торговка, в период 1918—[19]19 гг. выдавала белогвардейцам красных партизан и их семьи, в 1930 г. совместно с мужем арестовывалась органами НКВД за к[онтр]р[еволюционную] деятельность, использовалась немецким офицером по ближней разведке в Ровеньковском районе.

Разоблаченный агент разведки Шилин Яков Дмитриевич¹⁵, 1912 г. рождения, уроженец Орловской области, в 1933 г. судим по ст. 162 УК УССР, по поручению немецкого офицера выполнял задания по ближней разведке, а также вел фашистскую пропаганду. За выполнение заданий Шилин получал от офицера вознаграждение различными вещами.

Задержанный по агентурным данным находившийся на нелегальном положении Шинкарев Тимофей Петрович показал, что, будучи завербован немецким офицером, он использовался по ближней разведке в ряде хуторов Славяно-Сербского района.

Перед отходом немецких войск Шинкарев, получив от офицера пропуск для возвращения на оккупированную территорию, был специально оставлен на несколько дней для сбора сведений о наступающих частях Красной Армии. При аресте Шинкарева у него был изъят немецкий пропуск.

Арестованный Ковалев Григорий Лукьянович¹⁶, 1905 г. рождения, уроженец и житель села Платоновки Ровеньковского района, по заданию немецкого офицера неоднократно ходил в разведку в сторону ближайшего расположения частей Красной Армии.

Арестованный Сердюков Иван Сергеевич, кулак, уроженец и житель села Н-Нагольчик Боково-Антрацитовского района, выполнял задания немецкого офицера по ближней разведке.

Перед приходом немцев Сердюков на минированных Красной Армией участках выставил фанерные щиты с надписью: «мины», чтобы на них не наткнулись немецкие войска.

Агентурно-следственными материалами устанавливается, что разведка противника в подборе лиц для вербовки агентуры активно использует местных немцев, знающих и связанных с антисоветскими элементами в захваченных немецкими войсками местностях.

Арестованный Ванча Филипп Христианович¹⁷, 1908 г. рождения, по национальности немец, являясь агентом германской разведки, совершал неоднократно ходку через линию фронта в прифронтовые населенные пункты нашего тыла и приводил к немцам через линию фронта ряд жителей из ближних населенных пунктов, которые в штабе подвергались вербовке, а затем озадачивались на проведение шпионской работы в тылу Красной Армии.

Институт старост также широко используется немецкой разведкой по подбору лиц для проведения разведывательной работы и для выявления остающихся в селах коммунистов, комсомольцев, партизан и их семей.

Арестованный в Ровеньковском районе староста Гримфель Петр неоднократно инструктировался немецким офицером, требовавшим от него лиц, могущих быть использованными для разведывательной работы.

Кроме того Гримфель был обязан по заданию этого же офицера выявлять коммунистов, комсомольцев, партизан, активистов села и членов их семей.

На случай отхода с временно захваченной территории германские офицеры подбирали себе резидентов из лиц, не скомпрометировавших себя в глазах населения в период пребывания там немецких войск, для оставления их в нашем тылу с определенными заданиями.

Характерно в этом отношении дело старосты села Дьяково Ровеньковского района Лебедева А.А.

При захвате немецкими оккупантами села Дьяково ими был назначен старостой села учитель немецкого языка Лебедев Александр Александрович, 56-ти лет.

При отходе немцев из села Дьяково Лебедев в неоднократных разговорах с крестьянами заявлял, что так как он никому из жителей ничего плохого не делал, а старостой был несколько дней по принуждению, он из села с немцами отступать не собирается.

Будучи арестован, Лебедев дал показания, что он является резидентом немецкой разведки и имел у себя на связи небольшую сетку. Остался Лебедев в селе по прямому предложению немецкого офицера, от которого получил установку о линии поведения.

Из старой агентуры, насажденной немецкой разведкой в предвоенный период, разоблачен сигнальщик Погасов.

Погасов Терентий Николаевич, 1893 г. рождения, уроженец г. Енакиеве Сталинской области, управляющий рынком гор. Боково-Антрацит, был завербован в предвоенный период для сигнализации немецким самолетам.

При аресте Погасова у него на квартире изъято 5 сигнальных ракет.

В освобожденных от противника населенных пунктах продолжаем вести активную агентурно-оперативную работу.

Подготовлены оперативные группы, которые при освобождении от немецких оккупантов временно захваченных ими территорий УССР немедленно выедут на места.

Зам. народного комиссара внутренних дел УССР,
майор государственной безопасности

Савченко

ЦА ФСБ России. Документальная коллекция.

Примечания

¹ Федотов П.В. — начальник 2-го Управления НКВД СССР.

² Судоплатов П.А. — начальник 2-го отдела НКВД СССР.

³ Кобулов Б.З. — заместитель наркома внутренних дел СССР.

⁴ Тимофеев П.П. — начальник 1-го отдела 2-го управления НКВД СССР.

⁵ *Барышников В.Я.* — начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го управления НКВД СССР.

⁶ *Правильно — Мертенс Георг Антонович* (1918—1942) — военным трибуналом войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта 29 января 1942 г. приговорен по ст. 54—1а УК РСФСР к высшей мере наказания.

⁷ *Кудин Г.П.* (1909—1941) — военным трибуналом 300-й стрелковой дивизии 17 декабря 1941 г. приговорен по ст. 54—16 УК УССР к высшей мере наказания.

⁸ *Николаев Н.И.* (1911—1942) — военным трибуналом Ворошиловградского гарнизона 20 января 1942 г. осужден по ст. 54—1а УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Отбывая наказание, умер 13 мая 1942 г. в местах лишения свободы.

⁹ *Кука Н.А.* (1912—1943) — военным трибуналом Ворошиловградского гарнизона 11 февраля 1942 г. осужден по ст. 54—10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Отбывая наказание, умер 31 марта 1943 г. в местах лишения свободы.

¹⁰ *Серомолотов П.М.* (1913—1942) — военным трибуналом Ворошиловградского гарнизона 20 декабря 1941 г. приговорен по ст. 54—16 УК РСФСР к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 13 января 1942 г.

¹¹ *Мирошник В.А.* (1915—1942) — военным трибуналом 240-й стрелковой дивизии 29 декабря 1941 г. приговорен по ст. 54—16 УК РСФСР к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 10 марта 1942 г.

¹² *Зозуля В.И.* — арестована 16 декабря 1941 г. КРО УНКВД по Ворошиловградской области. 30 декабря 1941 г. военным трибуналом Ворошиловградского гарнизона осуждена по ст. 54—1а УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

¹³ *Михальков И.Т.* (1917—1942) — военным трибуналом Ворошиловградского гарнизона 20 декабря 1941 г. приговорен по ст. 54—16 УК УССР к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 13 января 1942 г.

¹⁴ *Пономарев И.В.* (1911—1942) — военным трибуналом 395-й стрелковой дивизии 27 марта 1942 г. приговорен по ст. 54—1а УК УССР к высшей мере наказания.

¹⁵ *Шилин Я.Д.* (1912—1942) — военным трибуналом войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта 27 декабря 1941 г. осужден по ст. 54—10, ч. 2, УК УССР к 10 годам лишения свободы. Отбывая наказание, умер 2 декабря 1942 г. в местах лишения свободы.

¹⁶ *Ковалев Г.Л.* (1905—1941) — военным трибуналом 136-й стрелковой дивизии 3 декабря 1941 г. приговорен по ст. 54—1а УК УССР к высшей мере наказания.

¹⁷ *Ванча Ф.Х.* (1908—1941) — военным трибуналом 136-й стрелковой дивизии 7 декабря 1941 г. приговорен по ст. 54—10, ч. 2 и 54—2 УК УССР к высшей мере наказания.

ВОЙНА И ДЕТИ

Их приютили горьковчане. 1941—1945 гг.

С началом Великой Отечественной войны перед Советским государством встала серьезная задача — обеспечить безопасность граждан и прежде всего детей, которые оказались на оккупированной немцами территории. Детей с оккупированных, осажденных районов и городов эвакуировали в удаленные от фронтов местности.

Значительный вклад в решении проблемы приюта детей был сделан горьковчанами. В суровую военную пору Горький и область приняли и разместили, окружили заботой и вниманием тысячи эвакуированных детей. В область прибыли дети из осажденного Ленинграда, оккупированного фашистами Минска, из Москвы, Мурманска и других городов. В предлагаемой публикации содержится письмо Генерального секретаря ИККИ Г.Дмитрова М.И.Родионову с просьбой принять детей сотрудников Коминтерна и «оказать необходимое содействие для устройства детей и обеспечения их здорового, трудового и полезного пребывания в вашей области» (док. № 1).

Руководству области и районов предстояло решить множество вопросов по приему, расселению, снабжению продовольствием и одеждой, организации учебного процесса и других.

Через месяц после начала войны было проведено специальное совещание об эвакуированных детях. Ребят размещали в школьных интернатах, домах отдыха, подчас в непригодных помещениях. Поначалу не хватало самого необходимого — посуды, спальных принадлежностей, одежды, обуви, возникали проблемы с топливом (док. № 2). Однако, постепенно налаживался быт, и их жизнь входила в нормальное русло. Всего за годы войны на территории Горьковской области было создано 120 интернатов, над которыми шефствовали ведущие предприятия г. Горького (док. № 3).

Документы из фондов Государственного и Государственного общественно-политического архивов Нижегородской области проникнуты заботой и вниманием об эвакуированных детях, которых война заставила быстро взрослеть, на плечи которых выпали трудности военного лихолетья.

Публикацию подготовил В.В.СМИРНОВ.

№ 1

**Письмо Генерального секретаря ИККИ Г.М.Дмитрова¹
секретарю Горьковского обкома ВКП(б) М.И.Родионову²
о размещении в области детей сотрудников Коминтерна**

г. Москва

11 июля 1941 г.

Дорогой товарищ Родионов,

Согласно договоренности с Вами, сегодня уезжают дети сотрудников Коминтерна для устройства в вашей области.

Одновременно с детьми едут и те товарищи, которые непосредственно должны их обслуживать, в том числе детские врачи, медицинские сестры и няни.

Все матери с грудными детьми будут также включены в работу по обслуживанию детского коллектива.

Мы считаем, что все дети должны проводить здоровую трудовую жизнь, а более взрослые из них, кроме работы в детском коллективе, должны помогать в подсобном хозяйстве, а также ближайшим колхозам, по мере своих сил.

Эшелон сопровождается тт. Кузьминым, Шевельковым и Казеновым, которые отвечают за доставку детей и матерей на место.

Товарища Казенова мы назначаем нашим уполномоченным, по урегулированию всех вопросов, связанных с устройством детей на месте, для организации детского коллектива и руководства обслуживающим персоналом.

Что касается финансовой стороны дела, мы уже перевели директору дома отдыха 60000 рублей и предоставим впоследствии необходимые средства для содержания детского коллектива.

Еще раз прошу Вас, тов. Родионов, оказать необходимое содействие для устройства детей и обеспечения их здорового, трудового и полезного пребывания в вашей области. Разрешите считать Вас шефом нашего детского коллектива и примите от всего Секретариата ИККИ заранее самую горячую большевистскую благодарность.

С товарищеским приветом,

Генеральный секретарь ИККИ
Г.Димитров

ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2106. Л. 38—39. Подлинник. Машинопись.

№ 2

Из справки о состоянии детских учреждений, эвакуированных в Горьковскую область из оккупированных районов страны

1942 г.

Сосновский район

В районе 3 детских интерната с общим количеством детей школьного возраста 345 чел., эвакуированных из Красно-Пресненского и Свердловского районов г. Москвы.

Здания интернатов № 1 и 3 требуют капитального ремонта. С отоплением постоянные перебои (интернат № 1 два дня 30 и 31/XII не отапливался совсем). В интернате № 3 даже при систематической топке температура доходит 3—5° тепла. Не хватает мебели (часть детей и воспитателей^а занимаются стоя).

---

^а Слово «воспитателей» написано от руки поверх напечатанного слова «воспитанников».

Дети не обеспечены постельным и носильным бельем (одна смена у большинства). Валенками обеспечены 20—25% детей, галошами — 15—20%. Мануфактура, отпущенная для интернатов в декабре 1941 г., в интернаты не поступала.

Питаются дети сытно, но однообразно. Нет молока и овощей. Наряд Облторготдела 17/1-42 г. на продукты еще не был получен.

Медицинское обслуживание детей организовано удовлетворительно. Интернаты имеют своих врачей, необходимые медикаменты, оборудованные изоляторы.

В санитарном отношении в интернатах дело обстоит благополучно. Крупным недостатком является отсутствие при интернате бани (дети моются в помещении интерната).

Во всех интернатах неплохо поставлена воспитательная работа, особенно хорошо в Панина (интернат № 3). Все дети учатся в школе. Успеваемость за 2-ю четверть в интернате № 1 — 79%, в интернате № 2 — 100% и в интернате № 3 — 97,9%.

Вопрос о состоянии интерната обсуждался 17/1-42 г. на Исполкоме Райсовета, и решение полностью не выполнено — не оборудована баня и не выделена лошадь для снабжения интерната водой. В остальном положение значительно улучшается.

Воротынский район

В районе имеется 3 интерната школ Красно-Пресненского р-на г. Москвы с контингентом 379 чел., 2 интерната школ Коминтерновского р-на г. Москвы с контингентом 242 чел. и Московский детсад фабрики П.Алексеева с контингентом — 49 чел. детей; всего в р-не живет эвакуированных детей в детских учреждениях 670 чел.

Состояние школьных интернатов

Очень неблагополучно с топливом: были случаи, когда из-за отсутствия топлива интернаты не отапливались по 2—3 дня. Запаса топлива нет ни в одном интернате. Плохо обстоит дело с питанием детей, особенно в 1-й половине января с.г. — с 1-го по 6 января дети питались буквально только пустым супом и хлебом. За январь кроме крупы, ничего из фондируемых продуктов не получали. Директор УДОС отказывается заключать договор на питание детей в 1942 г. Из 25 тонн картофеля и 5 тонн овощей получили только 16 тонн.

По наряду интерната было выделено 9 тыс. яиц и хотя яйца были, их сначала хотели обменять на мясо, а затем, и совсем не отпустили. Пред. Исполкома райсовета т. Назаров не был в интернатах ни разу, пред. поселкового совета т. Хрусталев впервые зашел в интернаты только 25 января (хотя интернаты организованы в октябре м-це 41 г.).

27 января вопрос об интернатах впервые обсуждался на Бюро РК ВКП(б) (На Исполкоме Райсовета не обсуждался ни разу). Бюро РК ВКП(б) предупредило Пред. посел[кового] совета, вынесло решение о выделении 15 лошадей для подвозки дров интернатам, о снабжении интерната продуктами питания через колхозы и т.п. Воспитательная работа

поставлена удовлетворительно. В школе обучаются все дети. Успеваемость за 2 четверти — 89,5%. Хорошо организовано самообслуживание детей.

Кр.-Баковский район

В районе имеется интернат детей работников Исполкома Коминтерна (г. Москва) с контингентом в 516 чел. Интернат размещен в двух местах: в Лесном курорте и в с. Дмитриевском (Захарьевская дача).

В Лесном курорте интернат находится в удовлетворительном состоянии, в Дмитриевском — в очень плохом, особенно в санитарном отношении. В этом интернате нет уборных, вследствие чего загрязняется не только территория около интерната, но и темные углы в самом помещении. Вообще царит невероятная грязь: мятые скатерти, грязные полы и пр.

В этом же интернате плохо поставлена и воспитательная работа. Вопрос об интернате не обсуждался ни на Исполкоме, ни на Бюро РК ВКП(б). Никто из руководителей районных организаций (кроме зав. РОНО) в Дмитриевском интернате не был.

Городецкий район

Детсад завода № 7 из Ленинграда, 90 чел. детей. Интернат занимает помещение клуба в колхозе «12 лет Октября». В помещении проведен ремонт на 24 тыс. р. Отремонтированы полы, двери, остеклены зимние рамы, поставлено 6 печей, сделана прачечная. Бани нет. Детей моют в комнате в корыте. Топливо заготовлено — 80 тонн торфа и 50 к/м дров. В помещении тепло и чисто. Оборудование частично дано из детских садов 3-да № 92 Кагановичского р-на. (Интернат финансируется заводом № 92). Белье у детей есть 2 смены, не хватает валенок — 50 пар.

Питание хорошее. Картофеля заготовлено 3 тонны. Колхоз хорошо помогает интернату.

Интернату помогает актив женщин, который принимает участие в пошивке белья, в проведении праздников, контролирует санитарное состояние. Хорошо помогает избач т. Орешина.

Воспитательная работа поставлена хорошо. Дети веселые, задорные, окружены заботой и вниманием. Заведующая имеет высшее дошкольное образование, хорошо руководит работой воспитателей. Интернат имеет постоянную связь с родителями. Руководство со стороны зав. РОНО г. Беляевой обеспечивается.

Тоншаевский район

Пижамский детдом прибыл в июле м-це из г. Минска.

Никакого оборудования детсад с собою почти не привез. Детдом занимает два деревянных барака, которые совсем не приспособлены для детей дошкольного возраста. Ремонт в бараках не проведен. Нет вторых рам, чердак засыпанный полностью, пол холодный, двери не обшиты и закрываются плохо. Изолятор не утеплен, уборные холодные. Температура в помещении — 5—6° тепла, несмотря на то, что печи топят 2 раза в день.

Дети спят на раскладных парусиновых кроватках без матрацев, покрываются летними одеялами. Некоторые спят по двое. Детдом имеет мало белья, нет пальто. Нет бани, детей моют на кухне, там же и стирают белье. Детдом не обеспечен медикаментами.

После посещения детского дома т. Кузьминым, детдом получил 80 пар валенок, которые отвезены лично Председателем Исполкома т. Шерстневым и секретарем Райкома т. Федотовым, 1/1-42 г. приехавшими на елку в детдом. Детдом дали сатина 500 метр., стекло для 2-х рам. Принимаются меры к улучшению питания.

Голибихинский детдом

Детдом приехал из Мурманской области. Там был пионерлагерь. Всего детей 94 чел. Дети все школьного возраста. За 1-ю четверть дети все учатся и дали 84,3% успеваемости.

Дети не обеспечены бельем, не хватает всем детям пальто. Имеющиеся пальто — рваные, на 94 чел. имеются: 50 шапок, 36 бурок (уже изношенных) и валенок 16 пар.

Продукты питания отпускаются Райпотребсоюзом в очень ограниченном количестве. Совершенно не получают молока, мало жиров.

Детдом занимает 2 жилых старых дома, непригодных для детдома.

Очень бедное имеет оборудование мебелью и особенно посудой столовой и кухонной.

Нет изолятора. Кухня оборудована плохо, для каждого котла имеются печки, что забирает много дров. Служебных построек нет. В зданиях нет теплых уборных. В конце декабря Облоно сменил директора д/дома, который с работой не справился. Бывш. директор Шнейсер уехал неизвестно куда. Учет и отчетность д/дома запущены. Подсобного хозяйства детдом не имеет.

Инспектор управления по эвакуации
населения по Горьковской области
В.Исайкин

ГАНО. Ф. 5344. Оп. 1. Д. 60. Л. 53—62. Подлинник. Машинопись.

№ 3

**Из записок секретаря Горьковского обкома ВКП(б) И.М.Гурьева³
о работе в годы Великой Отечественной войны**

Январь—июль 1941 г.

[...] Особое место в работе партийных и советских органов области занимали вопросы приема и размещения эвакуированных детей в нашу область. Они стали прибывать в июле 1941 года и уже до 1-го сентября только из Москвы было эвакуировано к нам 15 тысяч 200 детей.

В четверг, 31 июля 1941 года, в обкоме партии с участием первого секретаря М.И.Родионова было проведено специальное совещание по вопросу приема эвакуированных ребят и их размещения в районах области.

В соответствии с указанием обкома ВКП(б) и исполкома областного совета в 50 районах области были организованы 120 интернатов.

Шефство над ними взяли ведущие заводы, такие как автомобильный, Сормовский, машиностроительный им. Сталина, имени Орджоникидзе и областная комсомольская организация.

Кроме того, с эвакуированными из Москвы и Московской области семьями прибыло в Горьковскую область 30 тысяч детей. Большинство из них, а в особенности из тех семей, где родители работали, были размещены в специально созданных, так и действовавших в городах и районах детских домах. Таким образом, из Москвы и области в годы войны у горьковчан находилось до 45 тысяч ребят.

Одновременно с приемом и размещением эвакуированных детей из Москвы и области в начале августа 1941 года из Ленинграда в Горьковскую область было эвакуировано 5000 детей. Для них в 18 сельских районах было организовано 42 детских дома. Шефство над ними взяли колхозы и колхозники области. В конце августа 1941 года рабочие и инженерно-технические работники ордена Ленина завода им. К.Маркса гор. Ленинграда от имени всех ленинградцев писали горьковчанам: «Большая теплая, трогательная забота о ребятах и Ваша готовность оказать нам братскую помощь одобряет нас и помогает организовать решительный отпор фашистскому чудовищу».

В августе 1941 года в обком ВКП(б) приехал представитель Коминтерна по вопросу размещения в области детей работников Коминтерна и детей немецких, венгерских, французских, румынских, английских, испанских и других антифашистов. В обкоме с моим участием шла речь о выборе места для международного детского интерната. По инициативе М.И.Родионова было решено создать такой интернат в лесах Заветлужья в Краснобаковском районе, на базе тогда действовавшего дома отдыха «Лесной» (ныне это дом отдыха «Лесной курорт»). На место выезжали два работника обкома ВКП(б) и из облоно тов. Б.И.Орловский⁴. В недельный срок интернат на базе дома отдыха был подготовлен к приему ребят.

В конце августа 1941 года поезд с ребятами прибыл на станцию «Ветлужская». Их встречали тепло, организованно и с чувством огромной сердечности, присущей горьковчанам. Будучи в то время в этом районе, хочу отметить, что большую роль в организации приема ребят и их размещении, заботе о их быте проявлял Краснобаковский райком ВКП(б) и его первый секретарь т. Овечкин. В интернате, как и в других детских домах, для эвакуированных ребят были созданы все условия для их воспитания, обучения, отдыха и лечения. И в это немало сил, энергии и заботы вложили партийные, советские, комсомольские органы. Приведу такой пример: в конце августа на заседании бюро обкома ВКП(б) было рекомендовано обкому ВЛКСМ и его первому секретарю

А.Ф.Кудряшову⁵ организовать силами молодежи сбор теплых вещей для эвакуированных ребят 3000 пальто и полушубков, 45 тысяч пар валенок и валяной обуви, 47340 пар белья, более 10 тысяч шапок, 12 тыс. килограммов шерсти и 2 млн. 100 тысяч рублей деньгами.

На деньги, собранные комсомольцами в 1942 году, по решению бюро обкома ВЛКСМ в Тяблине Городецкого района Горьковской области, в чудесном сосновом бору была открыта областная детская здравница для эвакуированных ребят и детей фронтовиков. В этой здравнице с 1942 по 1945 год отдыхали и укрепляли свое здоровье 7420 ребят.

К заботе об эвакуированных ребятах в нашу область было приковано внимание всех партийных, советских и других государственных и общественных организаций области. Над каждым детским домом и интернатом шефствовали заводы, колхозы и совхозы. Они снабжали их необходимым инвентарем, мебелью, бельем, одеждой, топливом и продовольствием.

Следует сказать, что много труда, заботы вкладывали в это дело обком ВЛКСМ и его первый секретарь А.Ф.Кудряшов, областной отдел народного образования и его заведующий Б.И.Орловский, облздравотдел и его заведующий В.С.Степанов⁶.

Секретарь Горьковского обкома ВКП(б)
в годы войны, доцент
И.М.Гурьев

ГОПАНО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 1245. Л. 22—24. Подлинник. Машинопись.

Примечания

¹ *Дмитров Г.М.* (1882—1949) — деятель болгарского и международного рабочего движения. Член Болгарской рабочей социал-демократической партии (революционно-марксистского крыла) с 1902 г., с 1919 г. — Болгарская коммунистическая партия (тесных социалистов).

В 1921 г. участвовал в работе 3-го конгресса Коминтерна. Встречался с В.И.Лениным. В сентябре 1923 г. являлся организатором и руководителем антифашистского вооруженного восстания, после его подавления эмигрировал. Заочно был приговорен болгарскими властями к смертной казни. В эмиграции был членом заграничного Бюро БКП (работал в ИККИ, Центральном совете Профинтерна). В 1933 г. арестован в Берлине по обвинению в поджоге германского рейхстага. После провала обвинения Советский Союз предоставил Г.Димитрову советское гражданство. В 1934—1945 гг. проживал в СССР. С 1935 г. до самороспуска Коминтерна (в 1943 г.) — Генеральный секретарь ИККИ. В 1937—1945 гг. — депутат Верховного Совета СССР. В ноябре 1945 г. возвратился в Болгарию. Генеральный секретарь ЦК БКП (декабрь 1948 г.) и председатель Совета Министров (ноябрь 1946 г.).

² *Родионов М.И.* (1907—1950) — с февраля 1940 по март 1946 г. первый секретарь Горьковского обкома и горкома КПСС. В 1941—1943 гг. — председатель Горьковского комитета обороны. Член Военного совета Московского военного округа. В 1946 г. назначается председателем Совета Министров РСФСР. Весной

1949 г. освобожден от должности и направлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б), однако уже летом был арестован в связи, с так называемым, «ленинградским делом». М.И.Родионов 1 октября 1950 г. был расстрелян. Решением военной коллегии Верховного суда СССР от 30 апреля 1954 г. приговор в отношении его был отменен как фальсифицированный, он полностью реабилитирован.

³ *Гурьев И.М.* (1898—1978) — секретарь обкома партии по пропаганде в 1940—1948 гг. С сентября 1941 г. до окончания войны являлся председателем Горьковского областного комитета помощи больным и раненым бойцам и офицерам Красной Армии. В 1948—1949 гг. — директор Горьковского областного театра драмы.

⁴ *Орловский Б.И.* (р. 1898) — в 1941—1942 гг. зав. школьным сектором, зам. зав. областного отдела народного образования. С 1943 по 1949 гг. — зав. Горьковским облоно, с 1949 г. — на педагогической работе.

⁵ *Кудряшов А.Ф.* (1915—1971) — в 1939—1943 гг. секретарь Горьковского обкома комсомола, с 1943 г. — в обкоме ВКП(б), затем в аппарате ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС.

⁶ *Степанов В.С.* (р. 1900) — с октября 1941 по июль 1947 г. зав. Горьковским облздравотделом. В июле 1947 г. по решению ЦК ВКП(б) был отозван в г. Москву на должность зам. министра здравоохранения РСФСР.

«РОССИЯ НУЖДАЕТСЯ В УСПОКОЕНИИ»

Дневник князя В.А.Оболенского. 1921 г.

Дневники — один из уникальных исторических источников, наиболее адекватно, по «свежим следам» фиксирующих увиденное и услышанное автором — участником исторических событий, его непосредственные ощущения и впечатления, подробности (нередко до мельчайших деталей) и атмосферу состоявшихся встреч, бесед, содержащих личные характеристики. Ценность дневника как исторического источника значительно возрастает, если его ведет человек, наделенный пытливым аналитическим умом, наблюдательностью и способностью «схватывать» существо дела, обладающий при этом литературным талантом. Именно к такого рода источникам и принадлежит нижепубликуемый дневник князя В.А.Оболенского (1869—1950) — участника земского движения в России, члена ЦК кадетской партии (1909), автора многих оригинальных статистических и публицистических работ, видного деятеля русской эмиграции (с 1920), яркого мемуариста.

Дневник В.А.Оболенского является логическим продолжением его информационно содержательных воспоминаний «Очерки минувшего» (1937) и «Моя жизнь. Мои современники» (Париж, 1988). Напомним, что свои последние мемуары автор завершил рассказом об эвакуации армии Врангеля из Крыма и своем отъезде за границу в ноябре 1920 г. Дневник же охватывает период со 2 ноября по 17 июля 1921 г., который был предельно насыщен политическими событиями как в Советской России, так и на Западе.

Будучи непосредственным и активным участником событий, происходивших в среде русской эмиграции, В.А.Оболенский ярко и образно раскрывает их внутреннюю логику, содержательную и эмоциональную сторону острейших дискуссий среди общественных и политических деятелей: о путях и методах освобождения России от большевизма; об оценке экономического и политического положения во время кронштадтского и тамбовского восстаний, переходного периода от военного коммунизма к нэпу; о помощи голодающим в Советской России; об отношении разных течений и направлений среди кадетских групп к «новой тактике» П.Н.Миллюкова; о непростых взаимоотношениях кадетских лидеров с правым и левым флангами русской политической эмиграции. Помимо описания собственно политических событий и характеристик общественных и партийных лидеров, автор предельно откровенно рассказывает о личных переживаниях и тревогах за судьбу оставшихся в Крыму жены, дочерей, других родственников и друзей; о своих раздумьях об историческом будущем Родины; о мировом значении русской культуры; о русской эмиграции.

Публикуемый дневник князя В.А.Оболенского хранится в ГА РФ (Ф. 5881). Дневник представляет собой рукописную запись, сделанную в тетради размером 15 см x 20 см на 83 страницах, причем 8 страниц остались незаполненными. Автор пользовался в основном черными чернилами, однако записи от 28 апреля и частично от 30 июня сделаны зелеными чернилами. Нумерация страниц проставлена в красном карандашом. Некоторые записи делались автором в пути (в поезде или на пароходе), поэтому отдельные слова трудночитаемы.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук Н.И.КАНИЩЕВА, К.Г.ЛЯШЕНКО, доктор исторических наук В.В.ШЕЛОХАЕВ.

Дневник эмигранта

I

Константинополь

2 января 1921 г.

Начинаю вести дневник со второго месяца эмиграции. На родине прожил жизнь, говоря без скромности, чрезвычайно интересную, полную ярких событий, которым был свидетелем или участником. И никогда ничего не записывал. А теперь, устроенный жизнью, сажусь за дневник и хочу по возможности аккуратно записывать впечатления эмигранта с опустошенной душой, а потому — тусклые и, вероятно, не мне и никому другому не интересные. Но свободного времени много. Отчего бы его не использовать?

До сих пор не могу осознать того, что случилось. Знаю, что понять всего трагизма не в состоянии. Эмигрант! *Faterlandloser, sans patrie*^a, а еще как-то унижительное — «беженец»! На сколько лет? Быть может, навсегда. Ведь еще на этих днях В.Ф.Дерюжинский, которого я встретил на Пересе, мне весело доказывал, что через год он будет в России, а через несколько дней после этого разговора его уже не стало. «Со всяким может случиться», — говорила наша кухарка Александра, когда била стаканы и чашки. Может случиться и со мной... А о том, что может случиться с моими в Совдепии, — не хочется думать. Вот уже почти два месяца ничего о них не знаю, и долго еще будет так. Сегодня я первый день не на людях. Почувствовал потребность удалиться хоть на один денек от константинопольской русской «общественности», а потому как-то чаще мысли уходят туда, к своим. Мы с Гулей все утро бродили по Константинополю, сидели в городском саду и смотрели на Мраморное море и на Босфор. И странно было думать, что вот сел на один из этих пароходов и через сутки там, у себя дома. Так близко и так недостижимо!.. И вспоминается это жуткое утро, когда решилась моя судьба. Помню, как я, после бессонной ночи, которую провел, бродя по улицам Симферополя, среди грузящихся подвод с вещами и с семьями офицеров, пришел домой с окончательным сложившимся решением остаться. И так спокойно было на душе. За себя мне не было страшно, т.к. все шансы взвесил и определил примерно, что шансов 20 из 100 на жизнь имею. Для человека моего возраста, которому вообще осталось немного жить, такие цифры в достаточной мере успокоительны. Но дома мне поставили вопрос о моем праве рисковать жизнью, когда семья еще хочет моего долголетия. Дети меня прямо выталкивали, и Ольга говорила тоже, хотя мне казалось, что думали они другое. Просто не решаюсь пойти в этом вопросе против детей. Если бы мы были с ней вдвоем, она не убедила бы меня уехать. Я это знаю. Она понимала, что там 20 шансов жить, а 80 шансов более не встретиться. Так не лучше ли рискнуть

---

^a Без родины (нем. и фр.).

80 шансами смерти тут, рядом, и, вероятно, вместе, чем принять муки разлуки и вечного страха от неизвестности. Но она сказала: поезжай... Одно только хорошо в том, что я уехал — это то, что я здесь с мальчишками, которым буду помогать наладить жизнь. Без меня им было бы труднее. А смерть гражданская как будто уже наступила. Для меня так ясно, что Россия может переродиться только изнутри и притом будет восстанавливаться частично, путем возрождения местной жизни. И я сознательно держался за местную жизнь, пустил в ней глубокие корни, приобрел влияние. И, может быть, через год уже там начнется выздоровление, начнут закладываться зачатки новой жизни. И сознательно я сидел на месте, переживал в Крыму целых две волны большевизма. И чувствовал я, что именно этой своей тактикой приобретал влияние. Такова была моя гражданская физиономия. А теперь я себе изменил... И кроме того, бежать, быть «беженцем» — и в этом все-таки есть что-то унижительное. Я еще понимаю бегство для продолжения борьбы, а просто бежать — этим возмущается моя рыцарская душа, унаследованная от французских предков, которые, впрочем, тоже бежали от французской революции. Борьба!.. Не нам, эмигрантам, суждено в ней играть сколько-нибудь заметную роль. На днях П.Б.Струве¹ очень верно сказал, что не нашему поколению суждено строить новую Россию. Для этого нужны новые люди, а не мы — люди со старорежимной психологией, которая владеет в такой же мере Врангелем², как и Авксентьевым³.

3 января

Сегодня принимал участие в совещаниях членов Думы и Гос[ударственного] совета⁴, созванного по предложению Парижской группы. Собралось человек 25, большей частью члены четвертой Думы из октябристов. Из перводумцев был, кроме меня, один И.П.Алексинский⁵. В Константинополе, впрочем, кроме нас двоих, есть еще только один перводумец — Рыжков⁶.

По ошибке были приглашены и члены Гос[ударственного] сов[ета] по назначению. И вот вместо обсуждения вопросов политического характера, начались длинные и лишние прения о том, должны ли в организацию быть включены эти бывшие сановники. Карпов⁷ и Шубинский⁸ очень пространно доказывали, что они такие же члены законодательных собраний, что они, как и выборные члены, выражали протест против включения в организацию членов Учредительного собрания и т.д. И все это говорилось в таком тоне, как будто мы в России создаем русское законодательное учреждение. В конце концов решили конституироваться по парижскому образцу и избрали бюро. Это очень обидело крайне правых, которые, очевидно, не войдут в организацию. Отказался принять в ней участие и Шульгин⁹, заявив, что он, во-первых, не верит в ее жизнеспособность, а, во-вторых, не согласен с основной целью ее, формулированной в Париже «как стремление к водворению в России правового строя на началах народного представительства». Он считает, что после большевиков в России никакого представительства народного не будет и не может быть. В общем, заседание было бледное и скучное.

Я не придаю особого значения всей этой организации, но все-таки вреда она не принесет, а может быть и крупицу пользы. Во всяком случае не понимаю, почему парижские кадеты, войдя в Совещание членов Учр[едительного] собрания, отказались вступать в Совещание членов Думы¹⁰.

5 января

Вчера вечером в бюро комитета политического объединения «ПОКа»¹¹, так его здесь называют в отличие от «ЦОКа» — Центрального объединенного комитета помощи беженцам¹². Ю.Ф.Семенов¹³ очень шумно и спутанно излагал план возможного использования врангелевских войск. План построен на предположении, что в Турции произойдет смена правительства, союзники, у которых обострились отношения с Турцией, пойдут на предоставление Турции целого ряда отнятых от нее областей, возвращение которых в настоящее время требует Кемаль-паша¹⁴. Если турецкому правительству с султаном во главе удастся добиться от союзников возвращения территорий, то популярность султана восстановится, и он тогда сможет попросить войска на усмирение Кемалья-паши. При этой комбинации войска Врангеля могли бы быть посланы в Закавказье против кемалистов и таким образом оказались бы использованными в европейской борьбе против большевиков и из союзников-кемалистов и притом начнут эту борьбу, стоя на родной земле, в бывшей России. Я высказал свои сомнения относительно этого плана чисто кабинетного измышления. Мы живем в период событий, поражающих своей внезапностью, а потому и планы военные и всякое другое нужно составлять быстро, опираясь на существующую в данный момент политическую и военную конъюнктуру и лишь с интуитивным предвидением будущего. Основывать же военный план на предполагаемых и совсем недостоверных политических комбинациях в Турции и на ее будущих отношениях с союзниками по меньшей мере легкомысленно. Между тем армия для того, чтобы существовать, особенно в тех условиях, в каких она живет в Галиполи, в Чаталдже и на Лемносе, должна иметь перед собой близкую и конкретную цель. Если такой близкой цели нет, то голодные и холодные тысячи людей, без оружия, употребляющие последние оставшиеся у них шашки для рубки хвороста, продающие револьверы и даже пулеметы для поддержания своего существования, не могут посчитаться за армию. И если тем не менее, мы продолжаем, вопреки очевидности, поддерживать иллюзию армии, то этим берем на себя моральную ответственность за страдания этих несчастных людей. Поэтому нужно откровенно признаться, что армии нет, а есть беженцы, которых нужно не кормить несбыточными надеждами на возможность восстановления их военной мощи, а всецело заняться их устройством, как эмигрантов и колонистов. Мое заявление было смазано и сочувствия не встретило. Сегодня вечером на заседании местного кадетского комитета опять встал тот же вопрос. Я ушел до конца и, хотя на этот раз я нашел поддержку со стороны молодого офицера Циолковича¹⁵, но, как всегда бывает на кадетских собраниях, прения были расплывчаты и на-верное ни к каким выводам не пришли. Как всегда Тесленко¹⁶ с видом

олимпийца произнес длинную тираду общих соображений о Европе, заинтересованной в борьбе с большевизмом (это тогда, когда Англия совершенно не интересуется нашей судьбой, а Франция объявила, что прекращает помощь русским беженцам, военным и штатским), которая в нужный момент сумеет использовать кулаки Врангеля, и т[ому] под[обные] благоглупости, Безрадецкий¹⁷ произносил длинные экзальтированные и бессодержательные речи, а милый Юренев¹⁸ старался как-то закруглить и доказать, будто у нас нет существенных разногласий.

Несчастливые эмигранты! Все еще как-то пыжались и не могут понять, что, переступив за порог Родины, они лишились даже той ничтожной силы и влияния, какое могли бы противопоставить большевикам в Совдепии, и что наша задача теперь ждать событий внутри России, понять их и осмыслить и в меру нашего разумения помочь борьбе, которая должна же в конце концов возродиться внутри России. А пока будем скромны в своих задачах, постараемся поддерживать русскую культуру здесь, вне России, чтобы те, кто вернется домой, могли бы найти приложения сил к будущему строительству русского государства. Эти мысли я тоже высказал на собрании, но получил длинную, развязную, тягучую отповедь от Тесленко, говорившего о падении энергии у русской интеллигенции при первой неудаче, о славянской натуре, проводил аналогии с 80-ми годами и проповедью малых дел и т.д.

6 января

Сегодня наш, русский, сочельник. И невольно мысли уносятся туда, домой. Три года тому назад я в этот день приехал из Петербурга в Саяны, застал в сборе шумную и веселую молодежь. Зажгли сосну вместо отсутствующей в Крыму елки. Тогда Крым еще не был большевистским, за исключением Севастополя, где царили матросы. И казалось, что эта глупая комедия, которой я был свидетелем в Петербурге, скоро кончится. Правда, уже тогда невесело было на душе, ибо в моих глазах уже поблек ореол революции. Масса разочарований было пережито^а. Но тут в Саяне, в кругу здоровой, веселой молодежи, которую давно не видел, я как-то мог на один вечер все это забыть. И мне было весело и хорошо. И не представлял себе тогда печальную судьбу, которая ожидает всех этих милых юношей и девушек. Трех уже нет в живых, а остальные разбросаны, рассеяны по разным местам: одни в Совдепии переживают рабство и голод (если живы?), а другие [—] эмигранты, Бог весть на сколько лет!

Да и здесь, на чужбине, мы не могли устроиться вместе. Двоих нет со мной. А, так как нас всего-то четверо за границей, то как-то особенно болезненно чувствовать эту разлуку уже во второй степени. Ася не пишет уже больше недели, и это меня беспокоит. Целый день сегодня занимался составлением библиотечек для рождественских подарков войсковым частям в Галиполи. Вот это все нужно делать, а политика надоела до тошноты. Хочу уйти из «ПОКа». Нельзя активно заниматься политической деятельностью, когда не веришь в возможность и целесо-

^а Так в тексте.

образность политической работы на той платформе, которую принял «ПОК». Вообще для дальнейшей политической деятельности мне необходимо временно отойти в сторону и установить свою собственную линию. В России она мне всегда была более или менее ясна, а здесь, в обстановке эмиграции, я как-то теряюсь, ибо все еще не могу понять, что я эмигрант.

8 января

Говорят, что Константинополь самый красивый город в мире. Действительно, живописен он удивительно. И не только поражают своими эффектами виды, открывающиеся с возвышенностей Стамбула, Перы и других его частей, есть более интимные красоты отдельных уголков, в особенности в Стамбуле. Эти живописные уголки как-то внезапно открываются среди нагромождений разных безобразных построек, лишенных всякого стиля и теперь, вследствие общего обнищания, обшарпанных и грязных. Эти уголки (иногда в буквальном смысле «уголки», т.е. углы фонтанов, остатки полуразвалившейся или обгорелой мечети, кусочки кладбищенских оград и т.п.) порой так поражают своей красотой, что невольно останавливаешься и смотришь, и ощущаешь давно забытые эстетические эмоции. Эмоции эти чувствуешь больше не как реальные ощущения, а как воспоминания о чем-то милом, но утерянном. Не знаю, как будет дальше, но пока ни минуты не забываешь о страшной русской трагедии, которая теперь у нас, эмигрантов, срослась с трагедией личной. И меньше всего мы способны отдаться наслаждению красотами Константинополя. Зато другие особенности Константинополя, к сожалению, мы чувствуем и чувствуем больно. Grande rue de Pera! Я ее прямо ненавижу. Ненавижу эту интернациональную толпу сытых и довольных собой торгашей и спекулянтов, среди которых, увы, неминуемо встречаешь русские физиономии. А во дворе посольства толпа серых шинелей, грязных, оборванных людей, «загоняющих» последние вещи таким же серым шинелям, посмевающим в Крыму награбленное добро превратить в иностранную валюту и теперь спекулирующим за счет своих более несчатных товарищей. Но самое ужасное и унижительное для нас, русских, в Константинополе — это отношение к нам наших союзников. Константинополь для нас — дом предварительного заключения. Мы арестованы. Нас на каждом перекрестке останавливают французские и английские полисмены, и горе тому, кто по рассеянности не положил в карман своего паспорта, или у кого паспорт окажется не в полной исправности. Ему придется познакомиться со всеми прелестями константинопольских участков. А выехать из Константинополя почти невозможно, ибо визы даются с огромными затруднениями, по протекции или за взятки. Вот так и живем в этой большой тюрьме месяцами. А те, кто с отчаяния или из-за невозможности получить средства на жизнь и передвижение, предоставляют передвигать себя в гуртах беженцев, те подвергаются не только моральным унижениям, но и страшнейшим физическим лишениям. Сегодня получил письмо от Бобровского¹⁹ из Сербии. Он около месяца провел в партии беженцев на пароходе. Валялся в грязи, завшивел, а в Катарро беженцы более месяца не сходят

с пароходов, зараженных и загрязненных, болеют сыпным и возвратным тифом... Вот когда наслышишься о всех этих мучениях, начинаешь себя чувствовать в константинопольской тюрьме на привилегированном положении.

9 января

Сегодня был на елке во вновь открытой Союзами городов русской гимназии. Было уютно и грустно. Смотрел на эти оживленные детские личики и думал о том, сколько пережил каждый из этих ребят прежде, чем попасть в чужом Константинополе в родную гимназию. А когда девочки декламировали стихи, вспоминал своих Мику и Наталью. Если бы я их вывез, и они были бы здесь, в этой гимназии, и Наталья наверное декламировала бы стихи. В каких они условиях живут теперь, бедные! Страшно подумать. Приехал Зеелер²⁰ из Чаталджи. Говорит о бодрости казаков, о их военном духе и пр. Словом, армия настоящая, хоть сейчас в поход. Слушаешь все это и, признаться, не веришь. Люди видят всегда то, что хотят видеть. Я уверен, что если бы я туда поехал, я бы получил иные впечатления. Ведь и в Крыму нам все время говорили о непобедимой армии, защищающей неприступные позиции. А оказалось, и позиции приступными, и армия нестойкой. На Чаталджи Богаевский²¹ делал парад, и казаки маршировали великолепно. Зеелер устраивал митинги и на них разговаривал с выборными от казачьих частей, которые в один голос заявляли, что желательно продолжить войну с большевиками. Верю, что все это было так, но не верю, чтобы наименее стойкие казачьи войска, столько раз бывшие виновниками поражений Деникинских армий, после стольких испытаний, сохранили свою, хотя бы малую, боеспособность. Чтобы понять настроение армии, нужно не на митингах вести беседу, а пожить среди солдат и послушать их разговоры между собой.

11 января

Вчера вечером Долгоруков (Павел)²² завлек меня и Юренева к Тесленко для того, чтобы «в интимном кругу» подлинных членов кадетского ЦК обсудить поведение нашего лидера Милюкова²³. Как всегда бедный П.Д[олгоруков] стал перед нами спутанным языком излагать свои странные мысли. Ничего конкретного он не предложил, но видно было, что ему очень хотелось сделать какой-то акт обязательства для дезавуирования Милюкова. Мы с Юренывым доказывали бессмысленность каких бы то ни было с нашей стороны выступлений, Тесленко, как всегда с видом непогрешимого в политике человека, произнес длинную речь с просмакованными перлами остроумия, в которых доказывал, что Милюков вообще всегда и при всяких обстоятельствах садился в калошу. После этого мы разошлись, проведя вечер бесцельно и неинтересно.

14 января

Сегодня русский Новый год. По этому случаю мы с Гулей с утра отправились в далекую прогулку — в Эйюб. Там чудная красивая мечеть, от которой в гору тянется бесконечное кладбище, утыканное мас-

сой головастых турецких памятников. По-видимому, кладбище очень старое, т.к. посредине его разрослись две—три деревушки, на улицах которых спотыкаешься на покосившиеся старые памятники.

Очевидно, турки не слишком почтительны к местам упокоения предков. Вышли за город, в холмистую степь, очень напоминающую Крымские предгорья. Дышали чудным воздухом и смотрели на огромный Константинополь с его причудливыми нагромождениями домов, широкими, растопыренными мечетями и почти тонкими, прямыми минаретами. Вдали, на азиатском берегу ослепительно сверкали под лучами солнца снега на высоких горах. Ехали туда и назад на пароходике по Золотому Рогу, мимо целого ряда русских судов, на мачтах которых развеваются французские флаги. Они тоже *sans patrie*, как и мы!

По дороге домой у русского офицера-газетчика купил «Последние новости»²⁴ и прочел в них описания первого дня заседающей в Париже Учредилки. Все честь честью: выборы президиума, принятие регламента, кадеты заняли места направо, эсеры — налево. Парламент, да и только! Но что он будет делать дальше? Не почувствуют ли они себя столь же ненужными, как и объединенные депутаты Думы всех созывов? Еще, если начнется раскол между кадетами и эсерами, то у них будет на некоторое время занятие. А если раскола не будет? Скажут несколько красивых речей и... опять скажут речи и т.д. Я гораздо больше значения придаю другой формирующейся общественной организации — Земско-городскому комитету помощи беженцам²⁵. Если он сумеет взять верный тон, то сможет получить деньги; получив деньги, сможет работать, а, начав работу, может приобрести не только культурное, но и политическое значение.

19 января

Вчера переехали из нашего вертепного отеля в Стамбуле в общественную квартиру. Холодно, но просторно. Чудные кровати дали американцы, чистое, свежее белье и новые одеяла. От такой роскоши мы еще в России отвыкли. Вид из окон бесподобный на Босфор. Кругом сады, что для Константинополя большая редкость. Уже не так хочется уезжать из Константинополя. А как раз ехать приходится на съезд союзов в Париж²⁶. С моей точки зрения, этот съезд может кое-что дать. Вечером был у Тесленко на заседании местных членов ЦК. Как всегда много говорили и довольно безрезультатно. Разбирали тезисы Милюкова по поводу его новой тактики. Замечательный человек Милюков! Как он умеет с видом победителя отречься от всей своей прежней линии поведения. И кадеты, те, которые около него, всегда за ним. И также, как он, отрываются от самих себя и ко всем неотречающимся относятся свысока. Зато здесь, где Милюкова нет, кадеты дали волю своему негодованию на его «новую» тактику заигрывания с эсерами. Интересных мыслей никто не высказывал, но [...] ^a все. Я все-таки не могу так относиться к Милюкову, ибо вижу всю нищету позиции здешних кадет. Впрочем, одинаково не верю и тактике Милюкова. Все дело в том, что и он и они

^a Одно слово неразборчиво.

[—] эмигранты, отчужденные от России и от ее внутренней политической эволюции. И до сих пор, пока эта эволюция не наметится в более ясных чертах, всякая эмигрантская тактика будет надуманной и безжизненной. Но я понимаю драму активного человека, изверившегося, и не без больших оснований, в возможности продолжения борьбы старыми методами. Он, естественно, ищет выхода и стремится создавать рецепты новой тактики, хотя и сам в душе признавал их сомнительными. Одной критикой не проживешь.

Мраморное море

24 января

Сижу на каботах, на мостике французского парохода, который везет меня из Константинополя в Марсель. Еду в качестве делегата Союза городов в Париж на земско-городское совещание по помощи беженцам. Если этому совещанию удастся создать деловой комитет, на создании которого настаивает французское правительство, то этот комитет явится, несомненно, центром русской общественности за границей. Поэтому я огромное значение придаю нашему совещанию. Это не *dance macabre*^a мертвой Учредилки и еще более мертвых Дум (хотя и четырех) и Гос[ударственного] совета. На пароходе не достал ни одного классного места, и если бы не помощник повара, который мне уступил за изрядную мзду свою койку, пришлось бы валяться на палубе в грязи (по части грязи французы недалеко от нас отстали). Пароход проходит Дарданеллы — кладбище великой войны. Умом понимаю, что проезжаю красивыми местами, но частички души замерли и к удивлению своему вижу, что утратили способность наслаждаться красотами природы. Я не уверен, что этот процесс депрессии эстетизма я переживаю благодаря своему эмигрантскому несчастью. Я и в Крыму уже чувствовал известное отупление души к музыке, живописи, поэзии, а главное, к природе. Это происходит во мне, как и во многих других, очевидно, под влиянием длительных переживаний. Жизнь огрубела. Когда эта жизнь изо дня в день бьет вас молотком по голове, какая уже тут эстетика! В моей поварской каюте поместилось со мной целое армянское семейство, переселяющееся в Америку. Вот это подлинные буржуи и без всякого эстетизма. Едут с деньгами, вещами, женщинами и детьми. Очевидно, буржуи настоящие, а не бывшие и при том современные, ибо малограмотные. Мне почему-то кажется, что молодой человек, являющейся главой этой армянской семьи, был когда-нибудь большевистским комиссаром, хорошо пограбил и теперь удирает от второго периода большевизма, дабы лозунг «грабьте награбленное» не был направлен против него и при том вполне справедливо.

Архипелаг

26 января

Обогнули Грецию. Стало тепло. Море синее, но не летней глубокой синевой, а бледноватой, как будто молока подлили, покачивает уже вто-

---

^a Танец смерти (фр.).

рой день подряд. Многие пассажиры, особенно женщины, часто бегают к борту или валяются в позе умирающих. Не знаю, от качки ли, или от отвратительной пищи, которой кормят нас, пассажиров 4-го класса, меня тоже слегка мутит. Пища выдается суммарно, на десяток пассажиров, которые должны образовать артель. Нас одиннадцать: инженер с женой и дочкой, три корниловца-добровольца и еще несколько молодых офицеров. Кроме нас, есть еще русские: товарищ прокурора с женой и сыном из Ялты, какой-то совсем дряхлый полковник, облезлый и обшарпанный, потерявший слуховую трубку и разговаривающий с нами при посредстве свернутого листа бумаги, который сует нам в рот, еще несколько офицеров. Все эти люди, счастливейшие из эмигрантов, ибо получили визы во Францию и Бельгию и благодаря этому вышедшие из константинопольской темницы, валяются на грязной палубе грязного французского парохода и ропшут. То ли еще приходилось переживать большинству из нас. А в первом классе, на положении существа высшего, какой-то бывший капитан коммерческого судна, мобилизованный во время войны, а теперь, где-то награбивший уйму валюты, едет в Англию покупать собственный пароход. После революции воистину всякий грабитель будет грабить только награбленное. Очень славные ребята корниловцы и, конечно, то, что они рассказывают, подтверждает мои мысли об армии, которые мне приходилось отстаивать против всех наших в Константинополе: все лучшее, идейное уходит из армии и остаются в ней лишь беспомощные, безвольные люди, все мечтающие при первом удобном случае сбежать. «Спасайтесь, кто может!» — таково настроение армии, которую наивные люди еще мечтают сделать орудием борьбы с большевиками. Между прочим, мои спутники, отступающие с фронта с корниловской дивизией, рассказывают, что весь состав ее определялся в 300—400 человек, а на «Стратове» оказалось около 2000 корниловцев, в том числе до 1200 чел[овек] штабных. Обычная история!

Средиземное море

27 января

Вечером прошли Мессинским проливом. Было уже совсем темно. Темными силуэтами выступали горы на фоне освещенного за ними восходящей луной неба. На итальянском берегу светили электрические огни прибрежных деревень и городов, на сицилийском — яркими огнями блистала Мессина, еще так недавно представлявшая собой груду развалин после страшного землетрясения. Ночь была теплая, тихая бриза несла нам ароматные запахи с итальянского берега. Должно быть, там цветут мимозы и роща апельсин. Сидел один на верхней палубе, смотрел на яркие огни Мессины и вспоминал, как некогда была красива вечером Ялта, залитая огнями. А последний раз я тоже вечером подходил к Ялте на пароходе в прошлом году. Пароход бросил якорь, не входя в порт, так как порт не был освещен. И город был погружен в мрак, т.к. за недостатком угля прекратилось электрическое освещение. И так всюду в России, ибо русское землетрясение страшнее мессинского. Но мессинские огни бодрили душу. Скоро засветят огни и в России. Скоро ли? Я в этом не сомневаюсь, но моя жизнь тоже пройдет скоро. Что скорее...

И мои армяне, равнодушные к природе, сидели в каюте и ели во-всю, пользуясь тем, что морская болезнь дала им передышку. Все-таки, я положительно заблуждался, заподозрив их хотя бы в прошлом большевизме. Просто прозаично. Оказалось, что они [—] беженцы из Ванского округа и лишь во время войны переселились в Эривань. Говорят на русском отвратительно, или, точнее сказать, — почти не говорят. Вчера они заинтересовались моими политическими убеждениями и спросили: «Скажи, пжалста, ты большевик любишь, или царицу любишь?» Я ответил, что не люблю ни большевиков, ни царицу. Они очень удивились. «Тогда кого любишь?» — спросил один из них, а другой с видом человека, вполне меня понявшего, быстро перебил брата, сказав: «Знаем, знаем, Керенский²⁷ любишь!» Я так был поражен этим открытием, что в первую минуту отрекся и от Керенского, но это их настолько огорчило, что в конце концов должен был сознаться, что именно «Керенского» я и люблю. Очевидно, мы достигли взаимного понимания, ибо армянин мне поддакнул и заявил, что тоже любит Керенского и в поисках за «Керенским», т.е. за правовым строем, эмигрирует в Америку. Стало и для меня ясно, что, сознавшись в любви к «Керенскому», я был понят именно так, как хотел и не скомпрометировал своего кадетского лица. Впрочем, это лицо столь многолико, что сам черт не разберет, чем его можно теперь скомпрометировать. Купил на дорогу «Современные записки»²⁸. Под беспартийной обложкой эсеровская начинка. Беллетристики еще не читал, а публицистика вроде хорошо приготовленного вареного мяса: есть можно, но жевать скучно. Бездарная добродетель. А впрочем, так приятно видеть, наконец, традиционный русский толстый журнал, что с голодухи и вареное мясо жуешь без раздражения. Да благо вам будет, дорогие эсэры, за воскрешение традиций!

Все больше и больше дружусь с компанией молоденьких офицеров. Все они, как на подбор, монархисты, но, когда с ними вплотную поговоришь, то убеждаешься, что они любят «царицу» гораздо меньше, чем я люблю Керенского или даже, что они тоскуют именно по «Керенскому», т.е. по правовому строю, а не по «царице», т.е. самодержавию. Они называют себя монархистами потому, что так модно было в офицерской среде деникинской и врангелевской армий. Это было естественное заострение боевых лозунгов, которыми молодежь щеголяла. Но вместе с тем та же молодежь глубоко возмущается тем духом реставрации, который царил в армии и тылу. Сегодня я вплотную разговаривал на эту тему с одним из милых мальчиков и убедился, что он такой же монархист, как я республиканец, с той лишь разницей, что я не люблю называть себя республиканцем, а он был в среде, где было признаком дурного тона не называть себя монархистом. Вот и все.

Париж

31 января

Вот и Париж. Прошли, как в кинематографе «видовые» картины Средиземного моря, такого синего или, лучше, лучезарного, проплыла розовая Кор[с]ика с ее прибрежными скалами и далекими горами, ослепительно блиставшими не сошедшими еще снегами под лучами зим-

него, но южного веселого солнца... Рано утром стали подходить к Марселю. Вся публика высыпала на палубу, и я с нетерпением ждал момента, когда после такого длинного пути, совершенного среди грязи и морской болезни, можно будет на берегу умыться, переодеться и вообще стать культурными европейцами. Но было так красиво, что, несмотря на страшное желание попасть на берег и общее эстетическое настроение, хотелось остановить пароход, остановить восходящее солнце и крикнуть розовой сказке, которая нас окружала, слова Фауста: «Verweil doch, du bist so schön!»^а. В туманном полумраке утра темными фантомами стояли прибрежные скалы Марселя на фоне задумчиво спящего еще материка. Потом постепенно туман стал окрашиваться в сине-лиловый и, наконец, розовый цвет. И сквозь эту розовую пелену все еще темный берег, с его очертаниями скал, показывающихся уже домов и громадных пиний, расправивших над морем свои громадные зонтики, казался страшным силуэтом. Была какая-то удивительная комбинация из розового и черного цветов, что очень редко встречается в природе. Увы, прошло пирование, туман рассеялся; выглянуло солнце, и мы уже не в сказке, а в огромном марсельском порту пробираемся среди бесконечного количества пароходов к пристани. Пристали. Стоим без конца. Никого не пускают на берег. На пароход поднимаются какие-то французские чиновники, садятся в рубку первого класса, и снова начинается регистрация пассажиров. Направо визируют паспорта русским, налево — прочим. «Quelle nation?» — спрашивает при входе порта полицейский. — «Russe». «Il faut attendre!»^б: указывает перстом на длинный хвост русских, ожидающих опроса.

- Quelle nation?
- Greque, arménien, polonais...
- Possez, messieurs.
- Russe.
- Faut attendre^в.

И все наши бывшие соотечественники, имеющие счастье не быть русскими, — армяне, греки, грузины, поляки — пропускались вперед нас и быстро оканчивали все формальности. А мы, некогда «господствующая» нация, часами стояли в русском хвосте, ожидая, пока французский чиновник запишет на опросном листе ни для чего не нужные подробности о том, как зовут наших отцов, жен и матерей, какую фамилию мать носила до замужества и т.д.

Марсель после шумного Константинополя с густыми толпами, заливавшими Перу и Галату, показался мне глухой провинцией...

^а «Остановись мгновение, ты так прекрасно» (нем.).

^б «Какой национальности?» — «Русский». — «Подождите» (фр.).

^в «Какой национальности?» — «Грек, армянин, поляк...». — «Проходите, господа». — «Русский». — «Подождите» (фр.).

16 февраля

Вот уже две с половиной недели, что я в Париже, и ни разу не удосужился что-либо записать в свой дневник эмигранта. А впечатлений много. Прежде всего сам Париж. Это совсем не тот веселый, шумный город, со смеющейся легкомысленной толпой, криками газетчиков и торговцев всякой дребеденью. На улицах, в битком набитом «metro» не слышно прежней картавой болтовни и так легко расточаемых похода французских остроумий. Вечерами бульвары и кафе пустуют. Мужчины и женщины сосредоточены и даже несколько спокойно угрюмы. На улицах какая-то вдумчивая сосредоточенность. Много женщин в трауре. А по place de l'Etoile, под Триумфальной аркой, около могилы «du soldat inconnu»^a с утра до вечера стоят задумчивые группы людей, старых и молодых, женщины с детьми, возлагающих венки свежих цветов на прах этого символического солдата. Война еще не забыта. Три с половиной года смерть витала над Францией, и все эти люди с маленькими ленточками в петлицах три с половиной года смотрели ей прямо в глаза. Теперь, вернувшись к своим семьям и к обычным мирным занятиям, они уже не прежние веселые, беззаботные люди. Они заглянули за черту жизни и стали другими людьми. И нет смеха в Париже, нет прежнего Парижа. А затем тревога за будущее... Промышленный кризис, безработица, неустойчивое политическое положение, глухое брожение низов. Никто не уверен в завтрашнем дне. Париж как-то притих, задавленный ужасами недавнего прошлого, темной неизвестностью будущего.

Но нам, русским беженцам, такой Париж больше по сердцу. Не мы одни несчастны. И в этой сосредоточенности парижской толпы чувствуешь себя необыкновенно хорошо после нагло-циничной толпы константинопольского интернационала. Я бы охотно пожил в Париже уединенной жизнью, вдали от русской политической эмиграции. Но «камо пойду от духа твоего?»... И, конечно, попал в центр наших политических кругов. Здесь кипят политические страсти. Из-за Учредительного собрания все перегрызлись между собой. В кадетской партии полная разногласица. В «Общем деле»²⁹ Пасманик³⁰ травит Милюкова, Милюков на кадетских собраниях в долгу не остается. Винавер³¹ тщательно старается смазать разногласия маленькими хитростями, затуманиванием резолюций и т.п. Правые злобно шипят, а эсеры, ухаживая за кадетами в Париже, в своем пражском органе³² продолжают их всячески третировать и поносить. И вместо национального дела идут партийные соглашения и партийные подвохи. Словом, никто ничему не научился. На этих днях долго беседовал с глазу на глаз с Милюковым. Он самоуверенно развивал мне свои мысли о новой тактике соглашения с эсерами. Все, что он говорит, весьма стройно и логично, но только логично. Вот человек без всякой интуиции! Логика истории ему не только доступна, но в ней он себя чувствует хозяином, но психология исторических событий ему совершенно чужда. Он ставит себе цели, подавая шары. По-

^a Неизвестного солдата (фр.).

этому так часто попадаетея впросак. Смотрит вдаль, и под ногами ничего не видит. Поэтому спотыкается на каждом шагу, а иногда падает... Но человек он неунывающий и бодрый: встал, почистился щеткой и пошел как ни в чем не бывало другой дорогой. А там опять крушение и т.д. А за ним кадеты, этот «цвет русской интеллигенции», как бараны бегут по всем тем дорогам, по каким он с такой уверенностью их ведет каждый раз к неизбежному краху. А все-таки я его очень высоко ценю и уважаю, ибо знаю, что, как бы ни была искажена его политика, он искренно стремится к благу России и каждый раз верит в правильность избранного пути. Чистота побуждений в путях, часто ошибочных, а иногда лукавых — вот что я в нем ценю. Таких людей немного, а политиков еще меньше. Большинство преследует личные цели, прикрывая их хорошими словами. Но я отвлекся. Хотел записать наш разговор с Милюковым. Милюков свою политику обосновал следующим образом: неудачи на всех белых фронтах [—] неслучайное явление. Происходили они от того, что попытки вооруженной борьбы с большевиками стихийно превращались в борьбу за реставрацию. Очевидно, есть основная порочность в самом методе вооруженной борьбы, построенной на военной диктатуре. Отсюда вывод: мы ошибались, поддерживая эти методы борьбы. Для русского народа реакция неприемлема. Поэтому нужно строить борьбу на новом основании и с новыми союзниками. Таковыми являются партии социалистические и наиболее близкая кадетам [—] эсеровская. Не подлежит сомнению, что после переворота в России власть перейдет не к правым, а к демократическим группам, которым народ еще доверяет. Нужно восстановить все наши демократические лозунги и подготовиться вместе с левыми к моменту свержения большевиков, всячески помогая им в той борьбе, которую они в России ведут. Я ему ответил, что в общем согласен с его характеристикой успехов белых фронтов, но чувствую с ним расхождение психологическое, ибо также расхожусь в прогнозе будущего. Мой прогноз иной: я прежде всего считаю, что ни эсеры, ни кадеты в Совдепии никакого влияния не имеют и поэтому их объединение в Париже России ничего дать не может. Мыслию себе возможность переворота в России только через Красную армию. Но в условиях рассыпавшейся России какой-нибудь переворот, произведенный в Москве, не может иметь того значения, который имел переворот петербургский в 1917 году. Большевики своих позиций не сдадут сразу, а следовательно, начнется снова прерванная гражданская война со всеми ее неизбежными последствиями — военной диктатурой и реакцией. И снова нам придется выбирать, к кому мы примкнем в этой борьбе. Я пойду с диктатурой и реакцией против большевиков, пойду потому, что хочу участвовать в борьбе, а затем принять участие в творчестве России. Что касается кадетов, объединившихся с эсерами, то они окажутся между двух стульев и, в лучшем случае, отстранившись от борьбы, сохранят себя как оппозицию в будущей успокоенной России. Это дело весьма почтенное, но в настоящий мо-

мент, столь критический для России как государства, для меня такая позиция психологически неприемлема. Кроме того, психологически я связан со всей той вооруженной борьбой, которая велась с большевиками до сих пор, и с армией, отдавшей столько крови, и потому не могу с таким легким сердцем просто отрясти прах от своего прошлого, вполне признавая все ошибки и преступления Деникинского и Врангелевского режима. Милюков мне ответил: «А я считаю, что, если бы Вы были также правы и в России образовался реакционный фронт, то мы к делу реакционеров не должны прилагать своих рук. Но думаю, что Вы не правы, и если говорить о творчестве в России, то мы как раз встали на дорогу, открывающую доступ к такому творчеству. А вас всех, если вы с нами не пойдете, и в Россию-то не впустят». Если доживем, то увидим, кто из нас прав.

19 февраля

Сегодня утром заходил проведать А.И.Гучкова³³. Зная все недостатки этого человека, имею к нему влечение — род недуга. А кроме того, он умен, как поп Семен. Он тоже ставил свой прогноз. Он ждет все-таки переворота весной. У него есть сведения, что большевики к весне готовят нападение на Румынию или на Польшу. Вернее, что нападут на Польшу. Исход войны для него ясен: над Варшавой разовьется красное знамя. Тогда наступит черед Германии. Она, конечно, сейчас не в состоянии вести войну на Западном фронте, но для Восточного, большевистского, фронта у нее хватит сил и военного снаряжения. Среди держав Согласия может быть одна Франция будет препятствовать такому выступлению Германии. Англия и Америка даже будут ее поощрять. Немцы, конечно, не пойдут походом на Москву, но им достаточно разбить Красную армию в Польше, чтобы этим ударом вызвать детонацию во всех большевистских войсках. Разбитая армия ринется анархическим потоком на своих властелинов, и снова в России наступит период гражданской войны. «И ведь вот, что обидно, — говорил Гучков, — мы, эмигранты, будем лишь зрителями того, что будет происходить в России, а новую Россию создавать будут те прохвосты, которые из личных выгод прислуживались большевикам». «Что делать, — ответил я ему, — ведь и Наполеон был великим прохвостом». А как раз в «Общем деле» помещен ряд статей, [...]а наших красноармейских генералов, т.е. кадры, которые должны дать спасителей отечества. Неосторожно.

21 февраля

Земско-городской комитет, на который я возлагал свои надежды, с моей точки зрения, их не оправдывает. Французы рассчитывали, наконец, в его лице опереться на русскую беспартийную организацию, приемлемую для всех русских, независимо от их политических настроений,

---

^a Слово неразборчиво.

и для всех авторитетную. Зная наши русские нравы и настроения, я представлял себе все трудности такой задачи, представлял множество трений и препятствий, но все-таки надеялся, что сами инициаторы и руководители общественного комитета будут стремиться *bona fide*^a именно к такой цели. Оказалось, что я еще не научился быть в достаточной мере пессимистом. В Париж я приехал уже к концу Земско-городского съезда, в задачу которого входило образование комитета. Застал только выборы. Увы, картина выборов мне была слишком хорошо знакома. Комитет был торжественно объявлен непартийным и деловым, но, когда нужно было в него избрать людей исключительно по признаку деловому, представителей организаций, ведающих помощью беженцам, то социалисты из всех организаций выделились в одну социалистическую группу и таким образом вынудили всех несоциалистов себя им противопоставить. Начался торг, партийные отводы, ультиматумы и вообще все приемы партийного сговора. Выборы во внепартийный комитет приобрели определенно партийный характер. А, когда после двухдневных переговоров, наконец, образовали комитет, и последнему нужно было избрать свой исполнительный орган, опять внутри «внепартийного» комитета начался партийный сговор или, вернее сказать, партийная разногласица, длившаяся тоже два дня, пока, наконец, мы не родились в качестве членов исполнительного бюро комитета. Такова была закладка здания. Теперь я сижу в этом здании уже две недели и чувствую себя плохо. Ядро комитета составляет парижская группа Земско-городского объединения³⁴, собравшаяся вокруг кн. Львова³⁵. Их длительно поносили и лягали справа, их держали в черном теле все «белые» правительства, презрением обдавая Красный Крест и даже вновь сформировавшиеся из цензовых элементов Земский и Городской союзы. Теперь они надеются стать господами положения и не могут сдержать своей злобы и злорадства. Правда, Земский и Городской союзы, которые были в последнее время тоже не в фаворе у Врангелевской камарильи, попали в милость, но все остатки органов правительства и, в особенности, Красный Крест — им объявлена война, не открытая, ибо наше учреждение «внепартийное», а война путем мелкого «подсиживанья». Когда я был в котле общественных организаций в Константинополе, то испытывал это отвратительное «подсиживанье» со стороны державшихся за власть и за оклады правительственных чиновников, а теперь денежный мешок, хотя и скудный, попал в наши руки, и пришел наш черед подсиживать. Как это все мелко и противно. Правда, не успели мы образоваться, как на нас справа пошло улюлюканье. Травит нас всякий, кому не лень. Но тут-то на нашу долю и выпадала благородная задача стоять выше всех этих мелких партийных счетов, старых обид и ненависти, порожденных революцией. А оказалось, что мы также «ведомственных» и также партийных, как и все прочие.

---

^a По совести, вполне искренно (лат.).

28 февраля

Никак не могу приучить себя ежедневно вести записи. Да и времени не хватает. Мы, русские, вопреки французским нравам, устраиваем заседания по вечерам, сидим за полночь и возвращаемся домой усталые от длинных словопрений. Во втором часу ночи садиться за дневник уже охоты нет. А между тем я вошел во вкус этого занятия и хотелось бы быть аккуратным. Сегодня был на панихиде по В.А.Степанову³⁶. Народа в церкви было много. Смотрел на старую гвардию кадетского ЦК и вспоминал об умершем. Естественной смертью (естественной относительно) умерли как будто только двое — Степанов и Шахматов³⁷, зато сколько убитых: на фронте — Колюбакин³⁸, а в гражданской смуте — Шингарев³⁹, Кокошкин⁴⁰, Щепкин⁴¹, Черносивитов⁴², Герасимов⁴³. А о скольких мы ничего не знаем! Вероятно, есть умершие и убитые. Тоска!

2 марта

Сегодня весь день был под впечатлением утренних газетных известий о восстаниях в Петербурге и в Москве. «Последние новости» поспешили поместить статьи, торжественно объявлявшие, что вот тот способ, каким можно избавиться от большевиков. Это не белая реакция, а сам народ и народ, выставивший лозунг — «Учредительное собрание». Я не верил в возможность успеха. Мы устали верить... А все-таки думалось — авось, Бог не без милости... Вечером стало известно, что восстание подавлено. Еще море крови и гибель лучших человеческих жизней. Но один результат получится несомненно: большевики, расстреливающие своих рабочих, — картина, которая не может не подействовать отрезвляющим образом на рабочих Запада, которые до сих пор не могут понять, что диктатура пролетариата уже давно превратилась в диктатуру над пролетариатом, обращенным в голодное рабство. А, кроме того, и в лагере большевиков может произойти раскол на этой почве. Ведь и там, у русских большевиков, есть люди, убежденные до сих пор, что они опираются на рабочий класс. Теперь фиговые листки отлетели. Многие, для которых белая кровь была водой, не могут примириться с пролитием красной крови. А все-таки поразительна эволюция большевиков и вместе с тем и эволюция революции (удивительное сочетание!). Круг окончательно замкнулся. От самодержавия через революцию к худшему самодержавию. История скотов не любит. Смысл революции заключается в подготовке к будущей революции, которая, я убежден, пойдет быстрым темпом, быстрым потому, что революция изменила психологию народной массы.

5 марта

Последние дни живем под впечатлением событий в Москве и Петербурге. Наверное, там погибли знакомые и друзья. И за своих тревожишься. Как бы репрессии не отразились и на них. Вчера обедал у И.П.Демидова⁴⁴. Жена его сообщила мне, будто какая-то компания в Константинополе берется в безопасности доставлять из Крыма желаю-

ших оттуда бежать за 2000 франков с человека. Обещала навести более точные справки. Плохо то, что по такой таксе мне за ввоз своих пришлось бы заплатить 12000 франков. Откуда их взять? Впрочем, если бы эти сведения оказались верными, я уже как-нибудь достану необходимую сумму. Только не верится.

В Демидове я нашел более или менее единомышленника. Он, как и я, «ни в тех, ни в сех». Поднял с ним вопрос о создании группы единомышленников, дабы совместно обсудить, куда приложить свои силы. Для меня ясно, что центр борьбы будет в России, а наша роль вспомогательная. Но как помогать? С кем связаться? А так, просто жить, ожидая, что кто-то как-то свергнет большевиков — нестерпимо. Странно, что я до старости лет сохранил ощущение 18-летней девицы и при том несколько сентиментальной. И несмотря на то, что жизненный опыт провел через ряд разочарований. Вечером был на заседании нашего Земско-городского комитета. Ох, уж эти русские заседания! Изю дня в день и непременно, вопреки французским нравам, по вечерам. Моя консьержка, вероятно, меня принимает за кутилу, ибо ежедневно почти бужу ее звонком после полуночи.

6 марта

Вчера обедал и провел вечер в семье Апун. Все время разговаривал по-французски и выходило лучше, чем я ожидал. Наблюдал, что собой представляет третье поколение русских эмигрантов. Помню дом [...] ^а в Париже на Val de Gasse. Вся жизнь была поставлена на русский лад. Русские гости, самовар не сходит со стола, бесконечные русские разговоры, споры... Второе поколение получило образование во французских учебных заведениях, но оторвавшись от русской жизни, они как-то не слились с французской. И жили себе как-то без родины. Теперь встретили Мисю после 32-х лет разлуки. На вид француженка и говорить стала по-русски с акцентом. Выйдя замуж за француза, она, по-видимому, окончательно ушла из среды русских. А племянница ее, славная девушка с красивыми глазами, уже по-русски совсем не говорит. Но есть в них что-то, отличающее их от рядовых французских девиц. Какая-то особая складка интеллигентности, и разговаривая с ними, я как-то невольно чувствовал, что это не просто француженки, а нечто мне более близкое. Может это происходило просто от того, что я знал их русскую кровь и себя соответственно настраивал, но думаю, и объективно это так. Никогда еще у меня не было обострено национальное чувство, как теперь и, как ни странно, может быть никогда я так не верил в Россию и чувствовал превосходство русского свободного духа над европейской ограниченностью. И, чем больше присматриваюсь к мечущейся мещанской душе европейца, выведенной из равновесия четырехлетней бойней, тем более, вопреки логике вещей, начинаю верить, что

---

^а Слово неразборчиво.

ex oriente lux^a и что Россия, освободившаяся от большевиков, заговорит настоящим своим русским языком, и народы Европы, презирающие ее теперь, будут к ней прислушиваться. Так будет, но когда? Дожить бы!

7 марта

Вечером пришло известие, будто большевистская власть пала⁴⁵. Некий Берлин получил такую телеграмму от своего брата из Выборга. Узнал я это, сидя в многочисленном обществе, у Винавера. Все делали вид, что не верим, а в душе верили...

8 марта

Вчера вечером проходило заседание членов ЦК к.-д. партии, проживающих в Париже⁴⁶. Собралось 12 человек. Обсуждался вопрос о созыве конференции для обсуждения вопросов тактики. Инициатором съезда является Константинопольская группа. По существу, все согласились, что конференция несвоевременна. Расхождения так велики, и эмигрантские страсти так разгорелись, что конференция может кончиться расколом. А между тем события могут совершенно стереть ту трещину, которая проходит по партии. Решили потому пока созвать в Париже Центральный Комитет. В этом, так сказать формальном, вопросе все были единодушны, но дальше, когда Милюков сообщил резолюцию, принятую «учредилкой»⁴⁷, и только стали обсуждать, нужно ли нам принять резолюцию по поводу кронштадтского восстания, сразу обнаружили разногласия. С одной стороны, Милюков и Винавер, отчасти поддержанные Демидовым, а с другой [—] Нольде⁴⁸, Маклаков⁴⁹, Карташев⁵⁰ и я. Сущность разногласий заключается в том, что парижские лидеры все больше и больше переходят на точку зрения эсеров: борьба с большевиками постольку поскольку, мы же продолжаем стоять на прежней позиции: борьба во что бы то ни стало и всеми целесообразными методами, независимо от того, кто будет наследником русской власти после большевиков. В сущности, и Милюков так думает, но по условиям момента считает нужным щеголять в эсеровских ризах. И я глубоко убежден, что он опять сядет в калошу, как садился уже неоднократно. Начинаю подумывать о выходе из Парижского комитета.

А как отвратительно сидеть в Париже, когда в России разыгрываются такие события! Теперь уже несомненно, что события огромны, хотя сообщение о падении большевистской власти во всяком случае преждевременно. Как я тысячу раз был прав, когда не хотел покидать Россию.

9 марта

Живем в тревоге и волнении, с напряжением следим за ходом восстания, переходим от радостных надежд к унынию и обратно. Сегодня

---

^a Свет с Востока (лат.).

как будто победа склоняется на сторону восставших. Красная Горка и Сестрорецк в их руках. Вчера, в заседании Земско-городского комитета читалась телеграмма Американского Красного Креста из Риги, который выражает сомнение в победе кронштадтских матросов, но заканчивает свое донесение утверждением, что, чем бы ни окончилось данное восстание, а большевикам приходит конец. Эсеры чувствуют себя именинниками, считая восстание своим, черносотенцы начали организовываться во всех городах Европы, считая, очевидно, что настает их час, кадеты в «Последних новостях» торжествуют по поводу того, что вовремя переменили политику и к моменту восстания сумели уцепиться за фалды именинников-эсеров. И все это не то, ненужно и противно. Сейчас восстание, несомненно, бесформенно и, если спросить матроса Пурина (?), который стоит во главе восставших, какого он строя добивается, этот вчерашний большевик едва ли дал бы какой-либо вразумительный ответ. Кто-то сильный должен подняться из недр восстания и скрутить матроса Пурина (?), ибо торжество Пурина (?) — это анархия, грабежи, взятки и еврейские погромы. Эсеры могут лишь украшать фасад анархии демократической фразеологией, а власти не дадут. Россия ждет настоящего диктатора народного. Не диктатура сгубила предприятие Деникина⁵¹, Колчака⁵² и Врангеля, а реставрация, т.е. отсутствие подлинной диктатуры, ибо диктатуры опирались на народные массы, а вершили дело кучки «бывших людей». Только Врангель имел волю диктатора и старался ее проявить, ища опоры в массовой психологии, но и он, сам реакционер, не мог вылезти из своей шкуры и все больше и больше подпадал под влияние людей своего круга. Подлинная диктатура должна быть прежде всего революционной, т.е. создавать новые методы управления, считаясь с изменившейся психологией народа. Но рука диктатора должна быть тяжелой.

10 марта^а

Два дня нет вестей из Кронштадта. Жуть берет. Неужели все кончено! Никогда прежде личное и общественное не переплеталось для меня так, как теперь. Прежде как-то личные радости и печали шли своим путем, а общественные — своим. А теперь ощущаю борьбу, которая завязалась с большевиками, не только как борьбу за счастье России, но и за свое личное счастье, за восстановление личной жизни в кругу дорогих людей. Ведь жить очень мало осталось. Вот уже скоро четыре месяца как я ничего о своих не знаю. Пробовал связаться с ними через Эстляндию — Петербург и через Тифлис. А теперь оба пути отрезаны. Приходится обречь себя на длительный период жизни с забронированной душой. Прежде казалось, что можно с ума сойти от такого положения, — ведь знаешь, что может быть с близкими людьми все самое страшное, — а теперь, за столько лет войны внешней и внутренней, душа привыкла облекаться в железный корсет, который ее поддерживает. Все как-то фаталистами стали. И сколько народа живет так изо дня в

^а Ошибка автора в датировке.

день, фаталистически. А молодежь, что она переживает! И какие вырабатываются типы! Все немного авантюристы разных оттенков.

Вот сейчас у Могилевских познакомился с Мусей Ризенкампф. Огромного роста, еще не сложившаяся как следует девушка 19 лет, с длинными, немного висящими и грязноватыми, как у гимназистов руками, которые она не знает, куда пристроить, но с умным, хорошеньким и энергичным личиком. Отца ее, морского офицера, убили в Севастополе матросы во время большевизма, мать умерла, и эта девочка осталась сиротой с двумя младшими сестрами на руках. На ее счастье, она немного знала немецкий язык и, когда пришли в Севастополь немцы, поступила к ним в штаб переводчицей. Ей тогда было 16 лет.

«Как Вы это место получили?» — спросил я ее. — «А просто пошла в штаб и попросила меня принять». Немецкий полковник принял участие в этой девочке с туго заплетенными косичками, и хотя на произведенном ей экзамене она наделала кучу ошибок, зачислил ее на службу.

Занимаясь у немцев, она стала для себя изучать язык и, обладая большими способностями, овладела французским, английским и итальянским. На немецкой службе она познакомилась с немецким морским офицером. Они полюбили друг друга и, вероятно, поженились бы, если бы в то время немцам не пришлось уходить из Севастополя. Пришли французы и англичане. У Муси уже было больше апломба и вот она добывает себе заработок на службе сначала у французов, а потом у англичан.

Затем идет эвакуация, реквизиция и т.д. Но у Муси, которая покоряет иностранцев своим ребячливым видом, соединенным с мужской энергией, уже есть покровители, которые не дают ей погибнуть. В Константинополе она служит у англичан и живет на свой заработок одна, т.к. вторая сестра уже выросла, достигнув 16 лет, и не захотела уезжать из Севастополя, где тоже какую-то службу имеет. Но мысли об очаровательном немце, ее первой любви, не покидают Мусю. Она пишет ему письмо, получает ответ, и они решают жениться. Муся насаждает на своих англичан и заставляет их выхлопотать себе визу в Париж, приезжает сюда, тоже через англичан, получает место в банке и вот теперь копит деньги на дорогу, чтобы нестись в Гамбург, в объятия к своему немцу, которого три года не видела. «Боюсь только, что я не такая, какой он меня представляет. Ведь он знал меня, когда мне было 16 лет», — говорит она мне серьезным, рассудочным тоном.

Я вижу ее в первый раз, но невольно проникаюсь к ней симпатией. «А не боитесь Вы, Муся, что Вы за эти три года из ребенка стали взрослым человеком и немецкий офицер, которым увлекался ребенок, теперь Вам покажется чужим?» Она не сразу ответила и, подумав, сказала: «Мы ведь с ним переписываемся, и он такой умный». Потом она стала рассказывать о всяких приключениях своих, которые теперь со всяким русским бывают, — бегство, стрельба и т.д. Я опять перевел разговор на жениха: «Как же Вы, Муся, после такой жизни, станете Грау какой-то и будете жить немецкой буржуазной жизнью?» Она улыбнулась и сказала: «Да, правда, я стала авантюристкой, но ведь и он авантюрист». И глаза ее весело заблестели.

16 марта

В Кронштадте без перемен. Матросы держатся стойко, но вчера получила телеграмма о том, что продовольствия осталось на 5 дней. И нет возможности помочь, ибо финны из страха перед большевиками не решаются разрешить снабжение Кронштадта из Финляндии. Есть все-таки надежда наладить снабжение путем контрабандистским. Однако дело плохо. Сразу получил два письма от детей из Белграда. Нервничают, бедные, ужасно. Больше меня. У меня создалась «привычка падать с колокольни».

19 марта

Кронштадт пал. Все говорят, что не сомневались в этом. Так всегда бывает. Теперь перенесли надежды на какое-то восстание в средней России, о котором сюда проникают какие-то неопределенные слухи. Во главе восставших бывший большевистский главковерх Антонов⁵³, известный своими зверствами в Харькове и Ростове. «Зверь восстал на зверя», выражаясь стилем Мережковского⁵⁴. Что ж, будем верить в Антонова, как в спасителя Отечества. Ужасно тяжело так жить одними упованиями на какие-то далекие события, в которых принять участия не можешь. Кто-то восстает, где-то льется кровь, а мы только радуемся, отчаиваемся, опять радуемся и снова впадаем в уныние, продолжая по старой памяти называть себя общественными деятелями. Противно. Нужно искать выход из такого положения. Получил от Альтшуллера⁵⁵ письмо с Крыма. Террор и голод. Выдают по 1/8 ф[унта] хлеба на человека. Бедные мои девочки, Наталья и Мила, неужели голодают? Сегодня с утра все об этом думаю, т.е. не думаю, а чувствую, как ноет что-то внутри. Приехал Зеелер из Константинополя. Рассказывал об их возне с Врангелем. Пахнуло на меня какой-то специфической затхлостью. Так это все ненужно. Зачем все эти советы и комитеты вокруг Врангеля! А люди себе из-за этого кровь портят, ведут борьбу за «общественность» и т.д.

23 марта

Вчера в Париже было большое волнение среди русских общественных и политических кругов: Врангель прислал телеграмму о том, что получил от французов ультиматум расформировать до 1 апреля армию, отправив часть ее в Совдепию, а часть в Бразилию, под угрозой прекратить выдачу пайков с 1 апреля. Вечером вопрос о том, как реагировать на такое требование французов, обсуждался у нас, в Земско-городском комитете. Решено составить меморандум и представить его от Комитета Бриану⁵⁶. Видимо, Львову очень не хотелось вмешиваться в это дело, но он не решился возражать. Составить меморандум поручено мне и Алексееву. Оказалось сегодня, что Врангель стусил краски и что письмо к нему генерала Шарпи⁵⁷ не носит такого ультимативного характера. Все-таки вопрос стоит очень остро, т.к. французы все-таки в конце концов пайки прекратят. Вообще с беженцами заходим в тупик. Деньги кончаются, а новых источников не предвидется. Страшно заглядывать вперед.

А Ленин между тем отступает от революционных коммунистических лозунгов и хочет ступить на путь эволюции. Предполагается объявить свободу торговли, признать право мелкой крестьянской собственности и право крестьян располагать «излишками урожая», т.е. от ревизии хлеба перейти к системе налогов. И не лишено вероятия, что утомленное гражданской войной крестьянство пока удовлетворится такими реформами в коммунистическом строе. А там дальше Россия постепенно превратится в обычное буржуазно-демократическое государство. В истории можно указать множество примеров того, как тираническая власть терпела крушение как раз в тот момент, когда вынуждено соглашалась пойти на уступки требованиям общества и народа. Я затруднился бы даже указать обратные примеры. Однако для России в том состоянии, в каком она сейчас находится, законы истории не обязательны. Поэтому я допускаю возможность, что новая политика большевиков будет иметь успех, и успокоенная Россия станет на путь эволюции. И вот тут опять для нас, эмигрантов, наступит тяжелый психологический момент. С одной стороны, нельзя же не признать, что Россия нуждается в успокоении, что довольно пролито крови, что продолжение гражданской войны все больше и больше разрушает государство, и, если большевики с своей стороны отказываются от коммунистических методов разрушения и готовы начать новую жизнь на нормальных экономических основах, то для начала ничего большего желать не приходится. Ведь всякая власть, пришедшая на смену большевикам, не создаст в России по шучьему велению Эльдорадо. А вместе с тем элементарное патриотическое чувство не мирится с признанием власти тех людей, которые предали и распяли Россию. Мириться с этим [—] значит мириться с потерей национальной чести и национального достоинства.

А кроме того, торжество Ленина, хотя бы и вернувшегося в лоно буржуазии, для нас, эмигрантов, связано с длительным изгнанием. И, может, перед нами стоит дилемма: сохранение национального достоинства с поддержанием государственной разрухи или постепенное создание новой государственности и бесчестие. Решить будет трудно. Пока будем надеяться, что логика и последовательность исторических событий обязательна и для России.

26 марта

Пошел в Парижский комитет партии к.-д. Давно не посещал его. Слишком остро чувствовал ненужность. На этот раз был «большой день»⁵⁸. Вопрос шел о том, какую позицию занять кадетам в Комитете Учредительного собрания по поводу заявления французского правительства о прекращении пайка для крымских беженцев. Попутно стали нападать на Милюкова за отношение к этому вопросу «Последних новостей». Этот «бог бестактности» в такой момент, когда сто тысяч русских людей стоят перед дилеммой голодной смерти в Константинополе или возвращения домой в руки палачей, продолжает заниматься очередной полемикой с «Общим делом» и травит Врангеля, доказывая, что Врангель во всем этом виноват и, таким образом, оправдывая французов.

Мы доказывали, что в такой момент вся русская общественность должна бить в одну точку и что внутренняя грызня ослабляет нашу позицию перед французами. Настаивали мы также, что Комитет Учредительного собрания обязан представить французскому правительству меморандум, устранив из него всякие обвинения против Врангеля, а некоторые требовали, чтобы русская армия не замалчивалась в меморандуме, и было бы сказано о моральных обязательствах французов перед людьми, проливавшими кровь за общее дело. Милюков выслушивал все это со спокойной улыбкой, спокойно же давал реплики и, наконец, ушел в редакцию. Оказалось, однако, что самоуверенность его была совсем нехстати. По мере развития прений выяснилось, что здоровое национальное чувство охватило всех его верноподданных кадетов, и только Винавер с Коноваловым⁵⁹ слабо и сконфуженно отбивались. Рысс⁶⁰ требовал, чтобы этот вопрос в Учредилке был поставлен ребром и, если эсеры не поймут положение, то нужно идти на разрыв с ними вплоть до взрыва всей учредилковской комбинации. А, когда Коновалов тоном обиженного ребенка заявил: «Ну, что же, тогда мы никакого заявления от Комитета Учредительного собрания не сделаем», то поднялась целая буря, и ему наговорили неприятностей. А сегодня я узнал, что учредилковцы «не сговорились» и не выступают по вопросу о судьбе беженцев.

Как и можно было ожидать, это учреждение способно выносить всегда резолюции общего, теоретического характера, а когда нужно действительное объединение для практического шага, то сразу оказывается разница в настроении двух фракций. Впрочем, если бы мы не насели на наших лидеров, то они бы, наверное, вынесли вместе с эсерами резолюцию с порицанием Врангеля. Все-таки лучше, что промолчали. Своим выступлением они повредили бы делу, а молчанием только потопили самих себя. Ну, и Бог с ними. В среду, во фракции, вероятно, будет продолжение «большого дня». Опять пойду.

28 марта

Прочел «Хромого барина» А.Толстого⁶¹. Талантливо. Немного отдает Достоевским⁶². Иностранцу такие вещи должны быть непонятны, как непонятна и русская революция, не та революция, которая проходит в протоколах III Интернационала⁶³, а подлинная революция, происходящая в душе народной. И мы ее не понимаем еще, и только в мере собственной каждому национальной интуиции ощущаем. Одно несомненно: исчезли дворянские гнезда, народилась новая алчная буржуазия, но осталась тревожная, алчущая правды, мечущаяся и неудовлетворенная русская душа. Душа Божья. О, я еще верю в возрождение России, ее государственности и мощи, но, если бы даже этого не случилось, если бы русскому народу суждено было попасть в рабство европейского «империализма» (ненавижу это слово с 1917 года), Божья душа его будет еще светить миру, и в сокровищницу мировой культуры попадет не меньше бриллиантов русского творчества, чем их попало на рынок европейских торгашей при посредничестве большевистских бесов.

30 марта

Опять был на заседании Парижского комитета к.-д.⁶⁴ Главная тема [—] подписывать или не подписывать заявление, которое подают Бриану более правые группы и организации о необходимости продолжать оказывать поддержку русским беженцам. Казалось, в чем тут может быть вопрос? Франция намерена поставить перед армией и беженцами дилемму под угрозой прекращения пайка: в Бразилию или другие заокеанские страны или в Совдепию. Т.к. Бразилия принимает только 10000 человек, а другие страны пока никого, то, другими словами, под угрозой голода гонят людей в советские застенки. Причем тут правые, левые и еще какие-нибудь группы! Вопрос общерусский, с одной стороны, и общечеловеческий, с другой. И ничего не может быть естественнее общего выступления всех русских организаций. Оказывается, однако, что эсеры могут обидеться, если кадеты подпишут документ совместно с правыми группами. Естественно сказать: «Ну, и черт с вами, если вы так обидчивы и при этом глупы». Но Милюков, Винавер и другие крепко держатся за эсеровские фалды. На наши убеждения, что документ нужно подписать, было заявлено, что это настолько нарушит тактику, с которой кровно связаны наши лидеры, что может встать вопрос о расколе. Впрочем, примиряющий выход нашелся: решили послать Бриану самостоятельное письмо с приложением уже опубликованной партийной резолюции. Пришлось согласиться, но оскомины на душе осталась. Ужасно то, что у этих умных, выдающихся людей в обстановке эмиграции утрачивается здоровое чувство патриотизма, заменяющееся иными, более мелкими. Думают не о том, что должно, а что политически выгодно. И это понятно: ведь, решаем не мы здесь, а кто-то там, в России, а отсюда естественное желание примазаться к этой скрытой, пока решающей, силе и ее отгадать.

Такое положение людей, не действующих, а примазывающихся, вытекающее из объективного положения вещей, влияет на психологию. Действующий может руководиться долгом, а примазывающийся невольно забывает о долге и ищет выгоды. Понятно это, но ужасно противно.

3 апреля

Прочел в первой книжке «Русской мысли»⁶⁵ начало автобиографии кн. Е.Н.Трубецкого⁶⁶. Между прочим он вспоминает конец 70-х годов, добровольческое движение в Сербию и русско-турецкую войну. Описывает, как воспринимало русское общество все эти события на Ближнем Востоке, как оно, все без изъятия, было проникнуто страстным чувством патриотизма, что вынудило Александра II объявить войну Турции. Пишет он и о патриотизме народа... А вот недавно мне пришлось читать «Историю моего современника» В.Л.Короленко. Юноша Короленко жил в конце 70-х годов в Петербурге, вращался в студенческих, радикальных, полуреволюционных кругах. И вот поразительная вещь: в то время, как в памяти Евгения Трубецкого этот период связывается с исключительно сильными патриотическими переживаниями, Короленко

упоминает о войне лишь вскользь, точно о событии, которое происходило где-то далеко, в другой стране. Точно войну вела не Россия, а Китай или Япония. Эта особенность воспоминаний Короленко меня поразила еще тогда, когда я их читал полгода тому назад и даже отметил это в дневнике, который тогда начинал писать. Я думаю, если обратить внимание Короленко на этот странный пробел в его воспоминаниях, он сам бы удивился, ибо теперь он, наверное, иначе думает и чувствует, но правдивость и искренность его «Современника» не подлежит сомнению. Ясно, следовательно, что Трубецкой заблуждался, когда писал, что тогда, в отличие от позднейшей эпохи, *все* русское общество, как один человек, переживало исключительный подъем патриотизма. Была только немногочисленная группа, пишет он, так называемых «петербургских космополитов» из аристократии и сановников, не хотевших войны; к ним густая масса русского общества относилась стихийно враждебно. Оказывается, что эти «петербургские космополиты» и другого рода, — и их было много, которые жили своими «космополитическими», или, точнее говоря, общечеловеческими идеалами и в которых русско-турецкая война не возбудила никаких патриотических эмоций. Нужно думать, что также неправ Трубецкой, объясняющий геройство солдат в тяжелом задунайском походе их патриотическим настроением. Ведь, если это так, то пришлось бы сделать весьма печальный вывод, что за истекшие сорок лет присущий когда-то русскому народу патриотизм как-то выветрился.

Конечно, все это не так, или не совсем так.

6 апреля

Нужно прирабатывать деньги. Поэтому в часы досуга начал писать для «Русской мысли». Попробовал писать мемуары о крымских событиях, но как-то не пишется. Вероятно, слишком еще свежо для мемуаров. Чтобы вышло хоть сколько-нибудь художественно, нужно, чтобы прошло некоторое время. Тогда лишь получается настоящая перспектива. Главное выступает в ярких картинах и подробности, которые сейчас еще так назойливо лезут под перо, становятся в тень, смазываясь в общем фоне рисуемой картины. Оставил крымские очерки до будущих времен и стал писать воспоминания о М.Е.Салтыкове-Щедрине. Но тут уже другая крайность. Со смерти Салтыкова прошло 32 года. А все-таки образы еще яркие. Может быть что-нибудь и выйдет. Только уже очень страшно писать на такую тему, столь далекую от того, о чем все думают и чем все волнуются. А Салтыков, кроме того, основательно забыт...

Вчера в Комитете Львов доложил нам ответ Бриана на наше заявление о положении русских беженцев. Простая канцелярская отписка. Мы надоели французам, ибо, во-первых, не нужны им, и, во-вторых, денег на нас они тратить не хотят. Бриан обещает, что будет кормить константинопольских беженцев и армию еще «несколько дней». А дальше что же? Черт знает, какое создается положение!

17 апреля

Безмерно тяжко жить средь русских эмигрантов,
Играющих на старый, нудный лад,
Известный всем концерт крыловских музыкантов.
Ужель навек я здесь, и нет пути назад?
Я знаю мерзко там. Удушливо-кровавым
Туманом дышат там живые мертвецы.
Но там простор полей, весною пахнут травы...
И вижу, из могил чредой встают борцы.
Кто б ни были они: пусть Стенька, пусть Пожарский,
Иоанн, Великий Петр, Емелька Пугачев,
За вольность поднялись, или за скипетр царский,
За новых ли, иль сверженных богов —
Теперь не все ль равно! Я знаю — то Россия...
Встает немытая, нечесанная рать,
И с ней ни силою, ни мудростию змия,
Ни словоблудием не совладать.
И шутовской наряд из интернационала
С могучих плеч содрав, накинёт соболя
И встанет во весь рост, как в старину бывало,
Наш богатырь Илья.

Стихотворение у меня вышло неважное, но выражает то, что думаю и чувствую. Давно ничего не записывал в дневник. Чувствую себя как-то бодрее, т.к. приехал Гуля и я не так один с моим милым мальчиком. А завтра надеюсь поехать в Белград, где повидею других двух.

Везу Асе юбку и кофточку.

Из Крыма начинают приходить письма, но от наших ничего. Вчера видел во сне Ирину. Необыкновенно был яркий сон. А, когда проснулся, вдруг разревелся, как маленький. Наяву я, однако, креплюсь.

Милан

19 апреля

Еду из Парижа в Белград в ориент-экспрессе. Цель поездки — выяснить возможность колонизации русских беженцев в Сербии. Знаю почти, что поездка моя будет безрезультатна, ибо мало верю в комбинацию с русским флотом, который якобы французское правительство готово при посредничестве Земско-городского союза передать в пользование Сербии с тем, чтобы они приютили у себя известное число русских беженцев. Из Белграда поеду по делам Союза в Софию, Константинополь и вернусь в Париж может быть через Афины. При других обстоятельствах чудное было бы путешествие. Было бы! А есть совсем другое. Гложет тоска. Сегодня утром проснулся в Лозанне, проехал с детства знакомые места — Vevey, Montreux, видел из окна вагона Шильонский замок. От всего этого веяло на меня могилкой моего детства и юности. Именно могилкой, ибо между тем, что теперь есть, и тем, что было, нарушилась преемственная связь. То, что было, похоронено навек. А впереди либо доживание и смерть, либо, в лучшем случае, еще кусочек

жизни, но жизни совсем новой, может быть богатой событиями, но не согретой теплотой того уюта, который приобретается естественным развитием жизни каждого человека, за которым до могилы тянутся серебряные и золотые нити, связывающие остаток его дней с счастливым детством и радостной юностью.

Над обычно жизнерадостным Женевским озером нависли свинцовые тучи. Шел снег. Зато после Симплома, в Италии, небо прояснилось и Лаго Маджоре приветливо улыбалось мне сквозь гирлянды цветущих глициний и [...]а. Двадцать пять лет тому назад мы с Ольгой проезжали эти места. Завтра день моей серебряной свадьбы. Тогда природа Италии гармонировала с настроением...

Юго-Славия

20 апреля

Еду по Юго-Славии, по недавно еще принадлежавшим Австрии славянским землям. До границы Юго-Славии, по Франции, Швейцарии и Италии, поезд шел по расписанию, но, стоило нам въехать в славянские земли, как сразу обнаружилось запоздание на два часа. Прямо баццлла какая-то неаккуратности и халатности во всех славянских народах. А места красивые: скалы, леса и быстро несущаяся Савва, зажатая в скалистых берегах. Смотрю в окно вагона, читаю «Современные записки», а мыслями отсутствую. Двадцать пять лет тому назад в этот день я тоже ехал в купе I-го класса с курьерским поездом и то, что я и теперь еду, слушаю мерный стук колес и смотрю на мелькающие мимо телеграфные столбы, все это как-то особенно отчетливо переносит меня к исходному моменту моей семейной жизни. *Ne sun majog dolore, que recordarsi del tempo felice vella misegria*^б, знаю, что и Ольга сейчас вспоминает о том же, если она жива. Если жива. Может быть, уже полгода нет в живых. Кто знает! Эту неизвестность можешь переносить, и так легко сравнительно, как я ее переносу, только потому, что мое личное несчастье [—] маленькая капля в целом море русского горя. А все-таки хорошо, что сегодня увижу Асю и Андрея.

Около [...]в

28 апреля

Шесть дней провел в Белграде со своими. Хорошо, что они живут, ощущая себя эмигрантами, но не беженцами. Но уж очень бедно и убого. Юра — добрый [...]б. Массу дает им умственных интересов и против их воли заставляет их знакомиться с людьми, упорно, камень за камнем, разбирая китайскую стену, которой каждый Винберг по крови окружает себя и своих близких. Это единственный путь с винбергсковской китайщиной — пробраться за сцену, в недра семейства, и разрушить стену изнутри. Я этого делать не умел и все дети китайцы.

^а Слово неразборчиво.

^б Нет большего несчастья, чем вспоминать счастливое время в нищете (итал.).

^в Слово неразборчиво.

Белград, как город, производит убогое впечатление. Напоминает видом какой-нибудь южно-русский губернский город средней руки. Грязен, некультурен, а, главное, не характерен. Нет в нем ничего национального. Ни национальной, ни интернациональной культуры. Никаких памятников искусства. Теперь, сделавшись столицей большого государства, будет украшаться и чиститься, но можно с уверенностью сказать, что примет он облик либо русский, либо шаблон европейского города, а не сербского. Ознакомился я с положением беженцев. Пока очень тяжелое. Все учреждения, ведающие помощью беженцам, осаждаются толпами просителей, но люди, желающие работать, понемногу устраиваются и почти наверное можно сказать, что в течение нескольких месяцев эти беженцы, которые теперь уже в Сербии, так или иначе утратятся. Конечно, останется неустроенным известный процент, но главным образом из категории людей, либо не желающих, либо не умеющих работать. Эти обречены на гибель или на преступление. Процент этот будет сравнительно велик, ибо немало участников гражданской войны, для которых вся эта война свелась к целому ряду больших и малых преступлений. Создались преступники и авантюристы, для которых мирная трудовая жизнь абсолютно неприемлема. Эти, либо разбогатев на мелких делах, пополняют ряды сербской новой буржуазии, либо в конце концов погибнут. Но ведь такая же участь ожидала бы их и в замиренной России. А в общем русские эмигранты своей более высокой культурой, а, главное, своим национальным гением завоюют постепенно Сербию.

Сербы не высказывают этого, но осознают превосходство русской культуры, составив довольно пестрое государство из сербской нации, большая часть которой восприняла уже от Австрии германскую культуру, они поставлены в необходимость для сплочения Сербии противопоставить германской культуре свою — сербскую. А таковой в природе не имеется или, точнее говоря, она только начинает создаваться.

И тут культура русская может им послужить большую службу. Не знаю, сознают ли они это. А вот, что они понимают безусловно: что Россия как сильное государство им необходима, нужна подпорка русской мощи. Отсюда их удивительно хорошее отношение к русским беженцам, несмотря на то, что среди этих последних много негодного и даже преступного элемента. Поезд плетется необыкновенно медленно, хотя называется «брзый веак»^а, что значит скорый поезд. Говорят, что после войны не успели обновить шпалы и много гнилых. Кроме того, мосты через Мораву, которую переезжали раз 5—6, все были взорваны, и поезд идет по временным мостам. В купе со мной немец, инженер из Bresslau, много разговариваем с ним об экономическом положении Европы, о политических и экономических результатах мировой войны. Немец имеет пришибленный вид, говорит с грустью в голосе о несправедливом отношении союзников к побежденным, но иногда вдруг про-

---

^а Сербск.

говаривается: «Deutschland über alles»^a. Иногда я осторожно его сажаю на место. В конце концов со вздохом признается: «Ja, wir haben auch grosse Fehler gemacht»^b.

Поезд стоит без конца на границе Болгарии. Это граница особая, ибо здесь двойной досмотр багажа: Сербия выпускает, а Болгария впускает. Ух, как братушки друг друга ненавидят!

Между Софией и Константинополем

30 апреля

Один день провел в Софии. После Белграда показалась очень хорошим городом. Есть стиль, стремление к украшению, известный вкус. Стилем более похожа на русский город, стремлением к опрятности [—] на немецкий. Осматривал учреждение Земского союза. Между прочим, заезжал под Софией на ферму русских беженцев, возникшую при помощи земсоюзной ссуды. Впечатление удивительно отрадное: хозяева фермы [—] три гвардейских офицера с женами. Застали всех за работой. Кто в огороде, кто по домашнему хозяйству. С гордостью заявляют, что до сих пор к наемному труду не прибегали. Домашняя обстановка почти нищая у них, но, несмотря на это, люди счастливы. Счастливы, что после стольких лет по необходимости праздной боевой жизни, после скитаний во время революции, скитаний, полных самых невероятных приключений, они, наконец, добрались до тихой трудовой жизни. Копают огород, выводят и откармливают птицу... Один из хозяев, молодой и энергичный, заведует птицеводством на ферме, с увлечением водил нас по разным чуланчикам, где рядами сидят индюшки и гусыни на яйцах и гуси-самцы в клетках, в которых их откармливают, и рассказывал о планах будущего хозяйства. К удивлению своему я узнал, что это бывший начальник киевской контрразведки. Все мы, свидетели режима Деникина, знаем, что значит начальник контрразведки. Все они в большей или меньшей степени были преступниками. Исключений почти не было. И этот, наверное, со спокойной душой отправил на виселицу не одну сотню людей, в большинстве ни в чем не повинных. А теперь в засаленном пиджачишке, с засученными над загорелыми и жирными руками рукавами, работает в огороде с раннего утра до вечера и видно, что гордится своей новой жизнью. Сознает ли он преступность прежней? По-видимому, нет. Человек-зверь и человек-дитя, очевидно, уживаются в одном и том же индивидууме не только у дикарей. Это хорошо понимал Достоевский, а мы часто забываем.

Через Татариновых⁶⁷ познакомился с видным общественным и политическим деятелем (вероятно, для болгарина правильно сказать — «дельцом») Радко Моджаровичем. Конечно, разговаривали о политике. Оказался ярым германофилом. Утверждал, что несчастье Болгарии в том, что она долгое время развивалась под русским влиянием, принимая из русских рук не только свою политику, но и свою культуру. А

^a «Германия превыше всего (нем.).»

^b «Да, мы сделали большие ошибки» (нем.).»

Россия снабжала Болгарию исключительно идеями антигосударственными. Долгое время господствовало народничество, т.е. цикл идей, если не отрицающих государство, то игнорировавших государственные интересы. Под влиянием народнических идей широко развилось в Болгарии народное просвещение, но заботились, главным образом, о низшей школе, игнорируя высшую, которая только и может создать подлинную национальную и государственную культуру. А теперь из России же нахлынули разлагающие идеи коммунизма. До русской революции в болгарском парламенте было не более 5 социалистов, а теперь фракция коммунистов насчитывает 60 человек. И вот результат русского влияния: Сербия, всегда находившаяся под австрийским влиянием и используя немецкую государственную культуру, после войны расширилась и выковывает себе новое крепкое государство, а Болгария потеряла 50% своей территории и влачит жалкое существование. В этих мыслях Моджарова, конечно, много неправильного. Сербия, правда, воспринимала немецкую культуру, но оставалась всегда слабым славянским государством, которое Болгария была всегда, когда сражалась с ней один на один. Болгария, наоборот, культурно гораздо более близкая России, создала свою государственность под немецким влиянием и даже при непосредственном участии немецкого принца Фердинанда. И, конечно, она, а не Сербия, имела все шансы стать главным балканским государством. Если случилось иначе, то тут ни при чем русское влияние, народники, большевики и пр. Если бы Болгария вступила в мировую войну в качестве союзницы «союзников», она сохранила бы Добруджу и Фракию, и может быть, и часть Македонии. Влиянием большевиков в Болгарии Моджаров недоволен, но о русских большевиках в России говорит сочувственно: «Вот вы, русские люди, неспособны к практической политике. Вам нужно было не воевать против большевиков, а войти с ними в соглашение. И теперь вы были бы уже у власти». «Вот, если у нас восторжествуют большевики, мы, болгарские демократы, поступим иначе. У нас это уже решено. Теперь мы против большевиков со Стамбулийским⁶⁸ и даже даем своих министров в его кабинет, а, если победят большевики, мы будем с ними, а не так, как вы, добровольно лишившие себя возможности жить и работать на вашей родине». Очень мудрые и циничные, чисто болгарские политические мысли, но, действительно болгарские коммунисты [—] ученики русских, то хитроумные товарищи по партии Радко Моджарова будут первые болтаться на виселицах.

1 мая

Встречаю сегодня Пасху в вагоне. Толстый добродушный серб, мой попутчик, угостил меня ветчиной, куличем и вином.

Константинополь

5 мая

Опять в Константинополе. Та же Grande rue de Pera с ее толпой международных спекулянтов. Русских точно еще прибавилось. Такие же

бродят обшарпанные, в зимних шапках, несмотря на жару, грязные, голодные и бездельные. Русская речь все больше и больше входит в обиход. В магазинах появились русские приказчики, множество уличных торговцев всякой дребеденью в русских военных рубахах и шинелях. Духота, пыль и какая-то унылая безнадежность. «Ну, что в Париже? Какие перспективы?» — закидывают меня все вопросами, как бывало расспрашивали в России, когда из Петербурга попадали в глухую провинцию. Увы! Чем могу утешить этих константинопольских узников я, «свободный», благодаря случайному счастью, эмигрант (хотел было сказать гражданин), носящийся беспрепятственно по Европе в комфортабельном *vaqon-lit*^a! Что привез я им из Парижа, куда почему-то тянет каждого беженца, как «трех сестер» чеховских тянет в Москву. «В Париж, в Париж!» А в Париже грызня и слухи, слухи и грызня. А перспективы? — их, право, в Константинополе больше. Здесь все-таки многие продолжают верить в какие-то возможные политические комбинации, при которых пригодится армия Врангеля. В Париже сам Бурцев⁶⁹, хотя еще болтает что-то в этом роде, но уже не верит в свою болтовню, ища выхода из безнадежной позиции, которую слишком долго занимал.

3-го мая для меня памятный день: получил от Гули телеграмму: «Reçu lettre [de]mère 25 mars. Tous soynou bienparents»^б. Итак, месяц тому назад мои были живы и здоровы.

8 мая

Вот уже неделя, что я в Константинополе. Душно здесь. Господствует атмосфера бессильной ненависти и злобы. Вчера с Хрипуновым⁷⁰ и Юрениным ездил на «Лукулл» к Врангелю. Делали попытку договориться о совместной по необходимости работе в деле расселения армии беженцев. Однако сразу же почувствовали враждебность, скрытую у Врангеля и открытую [—] у Шатилова⁷¹. Под конец и Врангель прорвался, наговорил резкостей Хрипунову, т.е. мы простились более чем холодно, и нужно считать «дипломатические сношения» прерванными. Здесь, больше, чем в Крыму, Врангель окутан атмосферой злопыхательства ко всякому проявлению свободного общественного творчества, чему особенно способствует «Русский совет», противопологающий свой общественный маргерил (?) всякой другой общественности. Составленный из правонастроенных болтунов с примесью свадебных генералов от социализма — братьев Алексинских⁷², Совет тужится изображать из себя не то правительство, не то парламент. Получается отвратительнейшая карикатура, унижительная для нашего национального достоинства, вместе с тем лишний гнойник накопления злобы, мелких интриг и сплетень.

Душой отдыхал при посещении наших земледельческих колоний. Трогательно видеть бывших помещиков, владельцев громадных имений,

^a Спальный вагон (фр.).

^б «Получила 25 марта мамино письмо. Все здоровы» (искаженный фр.).

которые здесь превратились в «трудовых земледельцев». Земля, до которой они добрались и которую обрабатывают с такой любовью, излечила их от человеконенавистничества, которым здесь пропитано большинство «бывших людей». Устроив себе новую жизнь на чужбине, они не в такой степени уже вожделяют к старой жизни в России. Домой они вернутся примиренные с новой жизнью, с верой в свои силы, а не в свои привилегии.

Пароход «Politikos» (Дарданеллы)

15 мая

Пробыл в Константинополе вместо пяти дней две недели. Уезжаю с грустью. Все-таки Константинополь ближе к России, и отчасти и сама Россия. В Париже мы одиночки, приспособляющиеся к чужой культуре. В Константинополь мы привезли кусочек России и нам не страшно, не мы приспособляемся, а к нам приспособляются, несмотря на все наши злоключения. Жил на «Villa kade», как ее называют, в милой, дружной компании людей по преимуществу зрелых, но которых как-то омолодила кочевая жизнь, полная приключений. Атмосфера студенческого общежития. Господствует там добродушное веселье и беззаботность. По вечерам нередко выпивка и бесконечные разговоры и споры о судьбах России до 4-х часов утра. И все это люди, из которых многие лишились семей, и все почти из богатых и, во всяком случае, людей с прочными заработками превратились в нищих, живущих изо дня в день без всяких перспектив в ближайшем будущем. Только русские способны в такой обстановке сохранить душу живую и бодрость духа. Европейским мещанам, которые с таким презрением к нам относятся, считают нас, не без некоторого основания, разбойниками и хулиганами, не понять этого величия русской души. Для мировой культуры душа русского «анархиста» представляет большую ценность. Даже лишившись национально-государственной почвы, она обладает свойствами своего национального лучеиспускания. Если бы даже России не суждено было возродиться, русская душа не утратит своей красоты и оплодотворяющей силы. Как мы ни отличны от евреев, но тут есть некоторое сходство...

Принимал участие в кадетских собраниях. Проводил точку зрения, что все наши заграничные разногласия яйца выеденного не стоят, что бессмысленно строить политику на заграничных комбинациях и нужно ориентироваться на Россию, изучать процессы, там происходящие, и все внимание сосредоточить на организации связи с революционными антибольшевистскими течениями внутри, а не вне России. Константинопольские кадеты сильно продвинулись в этом направлении, хотя не вполне подошли к моей точке зрения. Все еще продолжают говорить о возможности сохранить «кадры» врангелевской армии для борьбы с большевиками, однако в глубине души понимают всю безнадежность своей прежней позиции и постепенно от нее отходят.

Везу в Париж резолюцию, долженствующую примирить Константинополь с Милюковым. Этим много будет достигнуто. Центр должен проявить некоторую уступчивость. А выходит так, что в политических группировках центр постепенно исчезал: Милюков равняется по правым

эсерам, правые эсеры [—] по левым эсерам, а те все время колеблются между оппортунистической и революционной тактикой по отношению к большевикам. С другой стороны, Бурцев с Пасмаником совсем облеплены крайне правыми. А нужно как раз обратное: должно быть организовано притяжение к центру. Для меня неважно, кадеты его составят или кто-либо другой, хотя, очевидно, по преимуществу кадеты. Важно, чтобы создалась организация из людей, ясно осознавших, что Россия будет совсем новой, что одинаково старорежимное черносотенство и эсерство, готовые пожертвовать многими своими прежними традициями и принять новую Россию такой, какой она выйдет из революционного огня. Вот такая организация может поставить себе задачу действительно войти в связь с антибольшевистским движением в России.

Архипелаг

17 мая

Пароход заходил в Смирну, но на берег нас не пустили. Эх меня носит! И зачем это все? Смирна, Афины, Константинополь! Вот уже не чаял, не гадал, что когда-нибудь буду носиться по этим местам. А красиво. Если бы ездить тут туристом, а не беженцем!

Не пишется сегодня. Мысли как-то обрываются и распливаются. До завтра.

Пароход «Екатерина». Коринфский залив

19 мая

День в Афинах. Повидал милых Вернадских⁷³. Чувствую к ним большую нежность. Так мало совсем, совсем хороших людей-идеалистов. А эти такие. Не мог только понять их неукоснительного православия. Т.е. ее понимаю, у нее это цельно, из нутра, по-бабьи, а потому красочно, а у него как-то надуманно. Водили меня в лунную ночь по Афинам, через благоухающий парк, сидели на ступеньках храма Тезея. Хорошо было. Давно так не наслаждался красотой. А сегодня утром один пошел к Акрополю. Очень торопился, чтобы не опоздать к отходу парохода, а потому в сильнейшую жару лез в гору напрямик, через какие-то вонючие проулки. И несмотря на то, что дошел до Акрополя, высунув язык, был совершенно подавлен красотой. Не представлял себе, что такое получу впечатление. Мне кажется, что никогда ничего величественнее не видел. Главное — ощущение гармонии. Гармония человеческого творчества с природой. Смотрел через раму колонн на голубое море и фиолетовые горы и казалось, что не будь этих колонн, не было бы такого моря и таких гор. Это подлинно божественное искусство. Люди уподобились богам и дополнили их творчество в природе... А мысли все возвращаются в Россию. Мы не создали Акрополя, но все-таки творили великую русскую культуру и неужели она оборвется, как оборвалась культура Древней Греции, которую использовали другие народы, и меньше всего эти маленькие юркие черные человечки, заполняющие афинские кафе, жестикулирующие и тараторящие о коммерции и политических дрязгах. Что им Акрополь? Там пусть бродят длиннозубые англичанки с бедекерами.

Средиземное море

22 мая

Подходим к Марселю. Три дня и четыре ночи плыли по морю от Афин. Провел их незаметно и как-то отдохнул душой. Помог Акрополь, открывший снова красоты природы и жизни, доступы к моей душе. Всю дорогу любовался удивительными красотами Средиземного моря, скалистыми, но вместе с тем приветливыми и красочными берегами Греции, уютно зелеными и глубоко жизненными склонами Калабрийских гор, величественно курящихся Этной и стройным конусом Стромболи, суровыми и дикими зубчатыми скалами Сардинии и Корсики. Охотно бы еще так ехал да ехал. Это вроде приятного сна. Если бы проснуться в России! Из спутников почти ни с кем не познакомился. [...] ^a да кроме того, так чужда вся эта космополитическая публика I класса, где я единственный русский. А в третьем есть, конечно, русские. Подружился в особенности с одним бывшим помещиком, бывшим студентом, бывшим офицером, бывшим счастливым мужем, любимым молодой женой. Теперь он вдовец (жена умерла во время какой-то передрыги в России от сыпного тифа), а по профессии матрос. За год своего заграничного пребывания плывал на польских, французских и английских коммерческих судах, исколесил Черное и Средиземное моря, пережил кораблекрушение... Теперь едет в Марсель в надежде устроиться на океанский пароход. В будущем мечтает, заработав деньги, оплатить образование и, конечно, вернуться в Россию. Сильный человек. Не пропадет. А сколько таких людей теперь за границей! Вот это настоящая будущая Россия, Россия американизированная. Пробовал говорить с ним о политике. Ну, на этот счет слабо. Полная каша в голове. Обрывки мыслей, вычитанных в газетах самого разного направления, случайно попавшихся ему во время скитаний. Прочел два французских романа. Полезная вентиляция души. А завтра Париж с его «политикой». С удовольствием промедлил бы еще где-нибудь здесь, на юге.

II

Париж

27 июня 1921 г.

Больше месяца ничего не записывал. А было что: съезд членов ЦК кадетской партии, обсуждавший «новую политику» Милюкова⁷⁴, Национальный съезд⁷⁵, много политических разговоров и споров. И все это следовало бы записать для того, чтобы впоследствии убедиться, как все ошибались и как не нужны были эти длинные речи и горячие споры. Но я ничего этого не записал. Schwamm darüber^б, как говорят немцы.

Вчера читал пересланное Тырковой⁷⁶ письмо Д.Д.Протопопова⁷⁷ из Петербурга. Письмо без подписи, но по стилю сразу можно узнать Д.Д.[Протопопова]. Пишет, что эмигранты ничего не понимают в событиях, происходящих в России, в которой под покровом большевизма

^a Два слова неразборчивы.

^б Оставим (забудем) это (нем.).

слагаются кадры новой буржуазии, будущей нашей хозяйки. Процесс этот развивается, и, когда новые хозяева окрепнут — большевикам конец. А в этот промежуток времени, конечно, возможны случайные вспышки восстаний, которые случайно могут иметь успех, чем сократится господство большевиков, но на такую случайность рассчитывать нельзя. И нельзя на ней строить политических планов. Я все больше и больше прихожу к таким же печальным для нас, эмигрантов, выводам. Но свои соображения изложу завтра.

28 июня

Каковы перспективы для России? Долго ли продержатся большевики? Кто их сменит? Как произойдет эта смена? Эти вопросы служат постоянной темой разговоров среди эмигрантов, и от того и другого ответа на них только и может строиться так называемая «тактика» людей и групп, считающих себя реальными политиками.

Мне представляется теперь весьма возможным и даже вероятным путь эволюции. Эволюция большевизма уже началась. Ленин с товарищами постепенно отступают от своих коммунистических позиций и возвращаются к капиталистическому строю. От реквизиций перешли к налоговой системе, начали денационализировать торговлю, признали пока еще ограниченное право собственности, допустили существование мелкой промышленности, а иностранцам предоставили концессии, восстановив таким образом и крупную промышленность, русским пока еще запретную. Словом, экономическая «реакция», если это слово здесь применимо, на всех парах.

В области политической все пока остается по-старому, не только потому, что здесь реакция уже завершилась, но и потому, что большевики [—] люди властные и отлично понимают, что малейшее послабление в этой области явится для них гибелью. Экономическая необходимость заставила их вернуться к капитализму. Уступками в этой области они надеются удержать свою власть до того момента, когда «революционный пролетариат всего мира встанет под знамена 3-го Интернационала и т.д.». Но именно поэтому ждать от них уступок в области политической невозможно.

Возможно, конечно, что план большевиков не удастся и что население настолько мало ощутит благо экономических уступок, что существующее недовольство будет расти и завершится революцией. Но возможен и другой исход. Возможно, что истощенное голодом и забитое население, если не удовлетворится этими уступками, то примет их с удовлетворением. (Ведь ни одно правительство, будь оно семи пядей во лбу, не смогло бы сейчас накормить голодных в России). Что же произойдет тогда? Тогда закончится цикл революции. Россия вернется к самодержавному строю с кучкой большевиков вместо царя во главе. Останется только возглавить построенное здание. И, конечно, такое возглавление, рано или поздно, произойдет. Большевики, как постороннее тело, будут устранены, а на уготованное для себя ими место, без особых потрясений, гражданских войн и т.д. сядет «помазанник Божий».

Ибо, если сейчас большевиков поддерживают люди, пользующиеся благами коммунистического строя, а такие все-таки пока имеются, — тогда же их более не окажется. В самодержавном строе, построенном на капиталистическом фундаменте, Ленин не сможет конкурировать с Романовыми.

И тогда мы вернемся на старые позиции. Опять начнется борьба с реакцией, борьба за права человека, представительный строй, социальные реформы и т.д., борьба значительно более легкая, чем в дореволюционное время, ибо революция нарушила традицию самодержавия и сквозь царскую порфиру народ всегда будет видеть царя голеньким.

Если так будет разворачиваться история России, то тактику Милюкова придется признать правильной, т.к. для борьбы с будущим самодержавием нужны будут организованные кадры и необходимым будет левый фронт. Но ставить так вопрос — это значит в сущности отказаться от борьбы с большевиками, и не только от борьбы, но и от участия в воссоздании новой России. Все это будет происходить помимо нас, а мы (и наши идейные потомки) начнем борьбу после падения большевиков и в России, построенной не нашими руками. Милюков так вопроса и не ставит. Он хочет в содружестве с эсерами вести борьбу на два фронта: и против большевиков, и против правых. Его «новая тактика» строится в расчете не на ту политическую конъюнктуру, при которой она имеет шансы на успех, а предполагает как раз наличие той обстановки (вооруженной борьбы с большевиками), в которой она может только мешать осуществлению цели, к которой стремится. В самом деле, если большевики будут свергнуты насильственно, путем восстания, теперь, в ближайший период времени, то нельзя мыслить, чтобы такое свержение произошло мгновенно. Российская большевистская республика недаром именуется федеративной. Несмотря на весь централизм большевиков, общее государственное расстройство по необходимости создаст автономии большевистских властей в провинции. Большевики — это многоголовая гидра, которой нужно разбить все головы поочередно, а, следовательно, насильственный процесс свержения большевиков можно мыслить лишь под более или менее длительную гражданскую войну, т.е. возвращение к тем же методам, которые столь неудачными оказались на Дону, в Крыму, Сибири и т.д. Каждому овощу свое время. А раз появятся фронты, появятся их начальники, появится и военная диктатура. Но даже, если допустить, что большевики уступят легче, то дело ограничится мгновенным переворотом. Придется кому-то брать власть над голодной, изнуренной страной, привыкшей к перманентным восстаниям, с одной стороны, и к неукоснительно террористическому режиму — с другой. Возможно ли управление такой страной на основе принципов народовластия? Конечно, нет. Чтобы заставить крестьян платить подати, а чиновников и рабочих работать, необходим режим весьма суровый. Эсеры на такой режим никогда не согласятся и вечно будут совать палки в колеса. И вот тут-то и начнется порочность «новой тактики». Нужна не левая политика правыми руками, а правая политика левыми руками. Левые руки, способные делать правую поли-

тику, найдутся и среди эсеров, но эсеровская партия на это абсолютно неспособна.

3 июля

Вчера были с Гулей в театре «Vieux Colombier». Напоминает наш Художественный театр. Хорошо очень. Никогда французская игра меня так не удовлетворяла. Действительно подлинное искусство. С гордостью думал о том, что это наше влияние «des sales russes»^a.

Опять тоска засосала. Месяца два нет вестей из Крыма. А в газетах о Крыме всякие ужасы. Если бы не дети, которым нужно здесь учиться и которые без меня пропадут, не усидел бы и каким-нибудь способом добрался бы до Крыма. Если кончится мой заработок, так и поступлю. Тогда все равно я Гуле бесполезен. Придется его отправить к Юре в Белград. Там, авось, как-нибудь выкрутятся. А сам на турецкой фелюге домой. Иногда даже хочется, чтобы так вышло.

12 июля

В эмигрантской общественности развал невероятный. Разваливается и наш Земско-городской комитет, разваливается изнутри из-за царящего в нем духа политиканства, который питается окружающей его снаружи ненавистью. Львов изолгался, и ему никто не верит. Надеемся, что выставивши из Комитета Васеньку Вырубова⁷⁸, прочистим атмосферу, но что-то она не прочищается. Трудно работать, когда нет доверия к товарищам по работе. Я абсолютно неспособен к политиканству от всяких «комбинаций», а потому никакого влияния на дела не имею. Ушел бы из Комитета, если бы... Величайшее счастье в моей жизни была бы возможность стоять выше материальных соображений. Никогда не помню случая, чтобы пришлось делать компромиссы не только с совестью, но и даже с ощущением душевной эстетики, ради заработка. И теперь с совестью я компромисса не делаю, но с душевной эстетикой я в конфликте. В Комитете мне не по себе. А уйти нельзя, некуда, «дэнга нема», как говорят татары.

В кадетской партии тоже развал. До сих пор, заняв в ней центральное положение, я надеялся, что фланги подтянутся и раскола не произойдет. Увы, у центра в эмигрантщине нет опоры. Сiju в согласительной комиссии, но с Милюковым каши не сварить. Черт с ними, пусть раскалываются. Я останусь в стороне.

14 июля

Сегодня 14 июля — день взятия Бастилии. Париж празднует. Уже вчера вечером улицы Парижа были переполнены, на площадях танцевали. Сегодня уличные танцы будут всю ночь. «Последние новости» напечатали соответствующую передовую, в которой, конечно, проводят параллель между 14 июля и 27 февраля. Как это банально и несвоевременно! Может быть, когда-нибудь и улицы Петербурга или улицы Мо-

^a Грязных русских (фр.).

сквы будут украшаться флагами в даты русской революции не по приказанию из большевистского участка, а в порыве настоящего патриотизма. Может быть... Но, во-первых, кто знает, какая дата будет преимущественным праздником — 27 февраля или 25 октября, а, во-вторых, когда читаешь в газетах о толпах голодных людей, блуждающих по России, превращающейся в пустыню, начинаешь вообще сомневаться в том, что дни такой революции будут когда-либо праздноваться по той простой причине, что деградация русской культуры может нас привести к соответственно упрощенному государственному строю или к денационализации и превращению в колониальную область. Не хочется допускать таких возможностей, но объективно они не исключены. И тогда какие уже там даты!.. Вчера целый день был под впечатлением газетных сведений о голоде в России. Ощущаю моральную потребность звать на помощь. Ведь голодают не комиссары, а миллионы людей, своих, близких. Думаю, что Земгору следовало бы составить воззвание к Европе и Америке. Вел по этому предварительные разговоры. Львов отнесся сдержанно-сочувственно, Зеелер наговорил трафаретные фразы о том, что я хочу кормить комиссаров. Только со стороны Долгополова нашел горячую поддержку. Помимо моральной потребности кричать о голоде, думаю, что в этом есть и политический смысл. Судя по газетам, Кишкин⁷⁹, Кускова⁸⁰ и Прокопович⁸¹ стали во главе организации помощи голодающим. Это первая победа внутри России антибольшевистской общественности. Мы обязаны с ней связаться и связаться на определенном деле. Большевикам, во всяком случае, наше воззвание будет неприятно. А если, паче чаяния, оно будет иметь успех и пойдут жертвования не им, а вновь возникшей общественной организации, то их положение будет сугубо трудным.

Вечер вчера провел у Милюкова в переговорах о сохранении единой Парижской группы. Милюков и его «молодцы» абсолютно непримиримы. Выяснилось, что они вступили в переговоры с нами в расчете на то, что мы с ними объединимся, и «правых» кадет выбросим. Другими словами, хотели под видом уступок нам, т.е. среднему течению, усилить свою гегемонию в Париже. На это мы, конечно, не пошли. Вчера я развил свою точку зрения. По-видимому, многие удивились, что у «центра» есть «своя» точка зрения, ибо считали нас просто «колеблющимися».

17 июля

Опять бурное кадетское собрание и опять переговоры с Милюковым. На этот раз от переговоров я устранился. Ведет их Юренев. Совершенно ясно, что произойдет раскол, и кадеты потянут в разные стороны, оставив в центре политического фронта эмигрантскую пустоту. В этой пустоте останемся мы, несколько упорных кадетов, не желающих поддаваться эмигрантским настроениям и стремящихся ориентироваться только на Россию.

Примечания

¹ *Струве П.Б.* (1870—1944) — в 1906—1915 гг. член ЦК кадетской партии. С апреля 1920 г. начальник управления внешних сношений правительства генерала П.Н.Врангеля. После эмиграции осенью 1920 г. входил, в качестве представителя Врангеля, в Деловой комитет. Член «Народного братства освобождения России». Принял участие в созыве съезда Русского Национального объединения в июне 1921 г., был избран членом Бюро Русского комитета Национального объединения.

² *Врангель П.Н.* (1878—1928) — генерал-лейтенант, барон. В марте 1920 г. назначен главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (в дальнейшем армия была переименована в Русскую). После разгрома в Крыму эвакуировался в ноябре 1920 г. вместе с частями армии в Константинополь. Возглавил Русский совет, созданный в апреле 1921 г. при участии общественности для разрешения вопросов содержания армии в изгнании. Претендовал на преемственное представительство российской государственной власти. С 1924 г. — председатель РОВС (российский общевоинский союз).

³ *Аксентьев Н.Д.* (1878—1943) — один из лидеров эсеровской партии, член Заграничной делегации; возглавлял группу правых эсеров-эмигрантов. Участник Совещания членов Учредительного собрания; вошел, наряду с кадетами-милюковцами, в Исполнительную комиссию Совещания, что вызвало резкий протест со стороны руководства партии, находящегося в России. В январе 1921 г. постановлением ЦК был исключен из партии, однако это решение стало известно только в апреле 1922 г. Вскоре это решение было отменено. Сопредседатель Российского общества защиты Лиги народов. Член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам.

⁴ Имеется в виду одно из серии совещаний, предшествовавших образованию Русского парламентского комитета за границей. Первое заседание членов Государственной думы 4-х созывов и Государственного совета по выборам состоялось 30 ноября 1920 г. На нем присутствовали и все находившиеся в Париже депутаты-кадеты, включая милюковцев во главе с М.М.Винавером и А.И.Коноваловым, однако последний в своем выступлении высказался против создания организации из бывших членов палат, так как в силу неопределенности и случайности своего состава она способна только запутать политическую ситуацию и повредить делу объединения. (См.: «Последние Новости». 1920. 1 декабря). В дальнейшем милюковцы заняли позицию невхождения в Парламентский комитет, который был окончательно конституирован в Париже 12 декабря 1920 г. Политическая позиция Комитета зафиксирована в специальном Меморандуме, в котором говорилось, что борьба против большевизма «по-прежнему будет вестись с оружием в руках», а сохранение армии является «непременной и неотложной задачей». (См.: «Общее Дело». 1921 г. 26 января).

⁵ *Алексинский И.П.* (1871—1945) — профессор, возглавлял группу народных социалистов в Константинополе. В отсутствие Н.Н.Львова возглавлял Русский Парламентский комитет в Константинополе. Товарищ председателя Русского совета при ген. Врангеле. Член «Народного братства освобождения России» и местного отделения Национального комитета. После переезда в Париж вошел в Русский эмигрантский комитет, в Объединение патриотических деятелей, сформировавшееся в 1925 г. на основе положений, высказанных вел. кн. Николаем Николаевичем. Возглавлял Общество русских врачей им. И.И.Мечникова;

вице-председатель Совета Русско-Французского госпиталя; продолжал активную врачебную практику.

⁶ *Рыжков С.М.* (1874—?) — из крестьян; народный учитель. Депутат I Государственной думы от Екатеринославской губернии. Примыкал к кадетской фракции.

⁷ *Карпов В.И.* (1859—?) — действительный тайный советник; член постоянного совета съездов Объединенного дворянства. Член Государственного совета (1907, 1912). Член правой группы, в 1915 г. перешел в правый центр.

⁸ *Шубинский Н.П.* (1853—?) — присяжный поверенный; член III—IV Государственной думы от Тверской губернии; беспартийный, примыкал к октябристам.

⁹ *Шульгин В.В.* (1878—1976) — депутат II—IV Государственной думы. В эмиграции вошел в состав Русского парламентского комитета в Константинополе, но после первого заседания отказался от дальнейшего участия. Член Русского Совета по назначению, считал генерала Врангеля преемственным носителем русской государственной власти, а Совет — законным русским правительством.

¹⁰ Совещание членов Учредительного собрания было созвано по соглашению кадетов-милюковцев и правых эсеров. Его заседания проходили в Париже с 8 по 21 января 1921 г. Предполагалось, что Совещание сможет создать единый «авторитетный для союзных держав орган» представительства интересов Зарубежной России. Однако, участникам не удалось договориться об избрании «постоянного органа», была создана лишь Исполнительная комиссия смешанного состава. Совещание рассматривалось как форма реализации милюковского курса на сотрудничество с левыми союзниками, прежде всего эсерами.

¹¹ Политический объединенный комитет (ПОК) был создан в Константинополе в конце 1920 г. Объединял в своих рядах кадетов, народных социалистов, представителей Земского союза, Союза городов, Красного креста, кооперативных организаций. Выступал за продолжение вооруженной борьбы с большевизмом, сохранение русской армии, признавал в лице главнокомандующего преемственного носителя русской государственности, однако настаивал на участии с решающим голосом общественных деятелей в гражданском управлении. Через посредство своего бюро находился в контакте с генералом Врангелем. ПОК протестовал против попыток придания другим объединениям (в частности, Парламентскому комитету, Совещанию членов Учредительного собрания) статуса органов власти, представляющих за границей интересы России. Возглавлял ПОК кадет П.П.Юренев. (См.: ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 279. Л. 1—5).

¹² Официальное название ЦОКа — Центральный объединенный комитет общественных организаций. ЦОК был сформирован в Константинополе 7 декабря 1920 г. усилиями трех русских организаций: Земского союза, Союза городов, Красного креста. Его цель заключалась в координации работы по оказанию помощи беженцам. Оставаясь самостоятельными в своей деятельности, эти организации распределили между собой функции следующим образом: Союз городов взял на себя заботу о детях, Красный крест — медицинскую помощь больным и раненым, Земский союз — обеспечение беженцев работой.

¹³ *Семенов Ю.Ф.* (1873—1947) — секретарь Комитета парижской группы кадетов. На съезде Русского Национального объединения был избран секретарем созданного Русского Национального комитета. Член правления Русского Общества пароходства и торговли.

¹⁴ *Кемаль-паша Мустафа* (1880—1938) — возглавил турецкую национально-освободительную революцию в Турции в 1919—1923 гг.

¹⁵ *Циолкович В.А.* — член Константинопольской группы кадетов.

¹⁶ *Тесленко Н.В.* (1870—1942) — юрист, член ЦК кадетской партии, председатель Константинопольской группы кадетов. Входил в бюро ПОКа и местного отделения Национального комитета. Один из руководителей Союза русских адвокатов в Константинополе.

¹⁷ *Безрадецкий А.Г.* — член бюро Константинопольской группы кадетов.

¹⁸ *Юренив П.П.* (1874—1943) — инженер. Эмигрировал в Сербию, где возглавлял бюро югославянской кадетской группы, а также Временный Главный комитет Всероссийского союза городов. Затем переехал в Константинополь, был председателем ПОКа, входил в Российский Земско-городской комитет помощи беженцам.

¹⁹ *Бобровский П.С.* (1880 — после 1931) — юрист, общественный деятель. В 1918—1919 гг. краевой контролер Крымского правительства. В 1920 г. эмигрировал, проживал в Югославии, Франции, Германии, с 1924 г. — в Чехословакии; имел адвокатскую практику. Входил в Объединение русских юристов в Праге.

²⁰ *Зеелер В.Ф.* (1874—1954) — член Константинопольского отделения ЦК кадетской партии, товарищ председателя Временного главного комитета Всероссийского Земского союза, руководил работой Российского Земско-городского комитета помощи беженцам за границей, член бюро ПОКа.

²¹ *Богоевский А.П.* (1872—1934) — генерал-лейтенант, Донской войсковой атаман; входил в Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека.

²² *Долгоруков П.Д.* (1866—1927) — князь; член ЦК кадетской партии. В Константинополе был кооптирован в местное отделение ЦК. Представлял кадетов в бюро ПОКа, вошел в президиум Русского Парламентского комитета в Константинополе, член бюро Союза городов. Стремился к оказанию всемерной помощи Русской армии, первым из общественных деятелей посетил военный лагерь в Галиполи. Член Русского Совета при генерале Врангеле. Один из инициаторов создания «Народного братства освобождения России».

²³ *Милюков П.Н.* (1859—1943) — лидер кадетской партии, возглавил в эмиграции парижскую группу кадетов. В конце 1920 г. выдвинул программу «новой тактики», предусматривавшую пересмотр не только тактических, но и ряда программных положений, выбор нового (левого) союзника. С 1 марта 1921 г. редактор «Последних Новостей».

²⁴ «Последние Новости» — русскоязычная газета, выходила в Париже с 27 апреля 1920 г. под редакцией М.Л.Гольдштейна. С 1 марта 1921 г. перешла в ведение кадетской общественной группы в составе П.Н.Милюкова (редактора), М.М.Винавера, А.И.Коновалова, В.А.Харламова.

²⁵ Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей был создан на земско-городском съезде, который заседал в конце января в Париже под председательством Г.Е.Львова. В его состав вошли 30 видных земских и городских деятелей.

²⁶ Имеется в виду земско-городской съезд, открывшийся в Париже 27 января 1921 г. 30 января съезд принял Положение о Земско-городском комитете помощи русским беженцам за границей, его Устав и определил его состав.

²⁷ *Керенский А.Ф.* (1881—1970) — адвокат; с марта 1917 г. эсер. В 1-м и 2-м коалиционных кабинетах Временного правительства (май—сентябрь) военный и морской министр, с 8 июля также министр-председатель; с 30 августа одновременно верховный главнокомандующий. Возглавил 3-й коалиционный кабинет. В эмиграции принял участие в Совещании членов Учредительного собрания, вошел в состав Исполнительной комиссии Совещания.

²⁸ «Современные записки» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Выходил в Париже в 1920—1940 гг. Активное участие в его издании принимали Н.Д.Авксентьев, И.И.Бунаков, М.В.Вишняк, В.В.Руднев.

²⁹ «Общее дело» («La cause commune») — общественно-политическая газета. Издатель-редактор В.Л.Бурцев. Выходила в Париже в 1919—1922, 1928—1931, 1933—1934 гг., сначала еженедельно по субботам, а с № 94 (1920) — ежедневно. На ее страницах велась полемика с Милюковым и его единомышленниками по вопросам сотрудничества с эсерами, отношения к вооруженной борьбе и интервенции.

³⁰ *Пасманик Д.С.* — профессор, член Союза русских литераторов и журналистов в Париже, входил в редакцию газеты «Общее дело». Член Комитета Парижской группы кадетов. В марте 1921 г. вошел в Бюро Временного русского комитета Национального объединения.

³¹ *Винавер М.М.* (1863—1926) — юрист; товарищ председателя парижской кадетской группы, после ее раскола товарищ председателя парижской демократической группы Милюкова. Участвовал в Совещании членов Учредительного собрания, вошел в Исполнительную комиссию Совещания, возглавил ее юридическую комиссию. Член Российского Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей. Член ЦК Российского общества Лиги Народов. Член местной Русской Академической группы, читал курс «Русское гражданское право» в Русском юридическом институте. Основатель и редактор журнала «Еврейская трибуна», сотрудничал в газете «Последние новости».

³² Имеется в виду «Воля России» — ежедневная газета, издававшаяся в Праге в 1920—1921 гг. и представлявшая взгляды эсеровской эмиграции. Издатель Е.Лазарев. В газете активно сотрудничали В.М.Зензинов, В.И.Лебедев, О.С.Минор.

³³ *Гучков А.И.* (1862—1936) — председатель Русского Парламентского комитета в Париже, член бюро Национального комитета.

³⁴ Речь идет об «Объединении земских и городских деятелей», которое конституировалось в Париже 30 июня 1920 г. Его целью являлось оказание всесторонней помощи российским эмигрантам за границей, в частности, во Франции. Членами Объединения могли быть бывшие земские и городские деятели по избранию общего собрания, а бывшие городские головы, председатели земских управ и члены Главных комитетов Земского и Городского союзов — без избрания, по их письменному заявлению. Деятельностью Объединения руководил Совет во главе с кн. Г.Е.Львовым. Объединение имело статус местной общественной организации относительно Российского Земско-городского комитета помощи беженцам за границей, выполнявшего функции центрального органа.

³⁵ *Львов Г.Е.* (1861—1925) — князь, глава русской Политической делегации. Председатель Российского Земско-городского комитета помощи беженцам за границей.

³⁶ *Степанов В.А.* (1873—1920) — горный инженер; член ЦК кадетской партии. С целью координации действий входил одновременно в состав Правого центра и Союза возрождения России; член Национального центра. Занимал пост государственного контролера в Особом совещании при генерале А.И.Деникине. В феврале 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Константинополь. В конце мая 1920 г. выехал вместе с М.М.Федоровым в Крым для информирования ставки генерала Врангеля о настроениях парижских политических кругов. Возвращаясь в Париж, скончался на пароходе «Св. Николай» 28 августа 1920 г.

³⁷ *Шахматов А.А.* (1864—1920) — филолог, академик Петербургской Академии наук, председатель Отделения русского языка и словесности академии; член ЦК кадетской партии (1906—1908, с 1917 г.). Октябрьскую революцию не принял, но вместе с тем отказался эмигрировать. Стремясь сохранить Академию наук, участвовал в составлении ее нового устава, работал над созданием нового учебника русского языка для университетов.

³⁸ *Колубакин А.М.* (1868—1915) — офицер, общественный деятель; член ЦК кадетской партии. Депутат III Государственной думы от Петербурга. С 1910 г. председатель Петербургского городского комитета кадетов. С началом 1-й мировой войны настойчиво добивался разрешения отправиться в действующую армию, и в ноябре 1914 г. был направлен на фронт. Убит во время ночного сражения, ведя роту в атаку.

³⁹ *Шингарев А.И.* (1869—1918) — врач, общественный деятель; член ЦК кадетской партии, депутат II, III, IV Государственной думы, лидер кадетской фракции Петроградской городской думы. После Февральской революции министр земледелия и финансов Временного правительства. Активно сотрудничал с «Всероссийским обществом русских врачей в память Н.И.Пирогова»; осенью 1917 г. избран в Учредительное собрание. 28 ноября арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В связи с ухудшением состояния здоровья был переведен в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь с 6 на 7 января 1918 г. был зверски убит ворвавшимися в палату красноармейцами.

⁴⁰ *Кокошкин Ф.Ф.* (1871—1918) — юрист, публицист, общественный деятель; член ЦК кадетской партии. Автор первого воззвания Временного правительства. В марте 1917 г. возглавил Юридическое совещание, председательствовал в специальной комиссии по выработке закона об Учредительном собрании. В июле 1917 г. вошел во 2-й коалиционный кабинет Временного правительства, получив портфель государственного контролера. Депутат Учредительного собрания. 28 ноября 1917 г. арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Вследствие обострения болезни был переведен, вместе с А.И.Шингаревым, в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь с 6 на 7 января 1918 г. был зверски убит ворвавшимися в палату красноармейцами.

⁴¹ *Щепкин Н.Н.* (1854—1919) — общественный деятель, член ЦК кадетской партии. Депутат III и IV Государственной думы. После Февральской революции отправлен особоуполномоченным на Западный фронт, затем с апреля, председатель Особого туркестанского комитета. После Октябрьского переворота участвовал в организации ряда подпольных антибольшевистских организаций: Московской «Девятки», Правого центра, Союза возрождения России. Возглавил Московское отделение Национального центра. Вошел в руководство Тактического центра. Готовил вооруженное восстание в Москве. 28 августа 1919 г. был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке. Предполагалось, что он был расстрелян в числе 67 человек в подвалах ВЧК, однако, по уточненным данным, Щепкин покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

⁴² *Черносвитов К.К.* (1865—1919) — присяжный поверенный; член ЦК кадетской партии. Депутат I—IV Государственной думы. После Февральской революции был назначен комиссаром почтового ведомства; советник Временного правительства по думским вопросам. После Октябрьской революции возглавлял некоторое время возглавлял Петроградское отделение ЦК партии кадетов. Член Национального центра. В октябре 1918 г. арестован в Петрограде, затем переведен в Москву и 1 сентября 1919 г. приговорен к смертной казни за сбор и пере-

дачу разведывательных данных в расположение Добровольческой армии. Расстрелян в сентябре 1919 г. вместе с В.П.Герасимовым.

⁴³ *Герасимов П.В.* (1877—1919) — присяжный поверенный. Депутат III—IV Государственной думы. На 8-м съезде кадетской партии избран в состав ЦК. Входил в военную организацию партии. После Октябрьской революции входил в руководство Петроградского отделения Национального центра; переправлял в Финляндию генералу Н.Н.Юденичу разведывательную информацию. В августе 1919 г. арестован и в сентябре расстрелян.

⁴⁴ *Демидов И.П.* (1873—1946) — член ЦК кадетской партии. В эмиграции поддержал милюковский курс; помощник редактора газеты «Последние новости», казначей Российского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России.

⁴⁵ Речь идет о Кронштадтском восстании, вспыхнувшем 28 февраля 1921 г. и проходившем под лозунгом «Советы без большевиков». Подавлено 18 марта частями Красной армии при участии делегатов X съезда РКП(б).

⁴⁶ Текст протокола заседания Совещания членов Центрального комитета партии народной свободы в Париже (7-го марта 1921 г.) см.: Протоколы зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 4. Май 1920 г. — июнь 1921 г. М., 1996. С. 212—229. На заседании присутствовали: П.Н.Милюков, М.М.Винавер, М.С.Аджемов, Н.К.Волков, П.П.Гронский, И.П.Демидов, А.В.Карташев, А.И.Коновалов, В.А.Маклаков, Б.Э.Нольде, В.А.Оболенский, В.А.Харламов.

⁴⁷ В резолюции, принятой Исполнительной комиссией Совещания членов Учредительного собрания по поводу Кронштадтского восстания, говорилось, в частности, что это выступление является результатом не внешнего воздействия, а чисто внутренних процессов, направленных к достижению демократических свобод и по своим лозунгам близким к началу, провозглашенным Совещанием; Исполнительная комиссия призвала демократию всех стран помочь движению и «оберечь его от воздействия реакционных сил».

⁴⁸ *Нольде Б.Э.* (1876—1948) — барон, профессор, специалист по международному праву; член ЦК кадетской партии. В эмиграции активно участвовал в работе Российского общества Лиги народов, член главного управления Русского Красного Креста, один из учредителей Общества Трудового кредита для русских беженцев. Член Банковского комитета в качестве приглашенного лица. Член бюро съезда Русского Национального объединения. Сотрудничал в газете «Последние новости». Читал курс «Русское государственное право» в Русском юридическом институте при Парижском юридическом факультете.

⁴⁹ *Маклаков В.А.* (1870—1957) — адвокат; член ЦК кадетской партии. Временное правительство назначило его российским послом во Францию, однако он не успел до Октябрьского переворота вручить верительные грамоты. Товарищ председателя Совещания послов.

⁵⁰ *Карташев А.В.* (1875—1960) — профессор, богослов, историк церкви; член ЦК кадетской партии. Член бюро Временного Русского комитета Национального объединения.

⁵¹ *Деникин А.И.* (1872—1947) — генерал-лейтенант, главнокомандующий Добровольческой армией (1918—1919) и Вооруженными силами Юга России (1919—1920). 4 апреля 1920 г. сдал командование генералу П.Н.Врангелю и эмигрировал.

⁵² *Колчак А.В.* (1874—1920) — адмирал, руководил борьбой с войсками советского правительства в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. 18 ноября 1918 г.

провозгласил себя Верховным правителем России, 6 января 1920 г. сложил это звание, передав его генералу Деникину. 7 февраля 1920 г. расстрелян по решению Иркутского ВРК.

⁵³ *Антонов А.С.* (1888—1922) — эсер с 1906 г., руководитель крестьянского восстания в Тамбовской и частично Воронежской губерниях в 1920—1921 гг.

⁵⁴ *Мережковский Д.С.* (1866—1941) — русский писатель. Романы проникнуты религиозно-мистическими идеями. В 1920 г. эмигрировал. Выступал с антисоветских позиций.

⁵⁵ *Альциуллер И.Н.* (1870—1943) — врач в Симферополе; председатель Ялтинского комитета кадетской партии. Эмигрировал вместе с Русской армией Врангеля. Член Константинопольской группы кадетов.

⁵⁶ *Бриан (Briand) Аристид* (1862—1932) — премьер-министр Франции и министр иностранных дел до падения кабинета 12 января 1922 г.

⁵⁷ *Шарни* — французский генерал, командующий французским оккупационным корпусом в Константинополе.

⁵⁸ Очевидно, имеется в виду заседание парижского комитета кадетской группы 24 января 1921 г., в повестке дня которого стояло обсуждение вопроса о намерении французского правительства прекратить с 1 апреля помощь эвакуированным из Крыма армии и гражданского населения. Текст протокола см.: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 246—257.

⁵⁹ *Коновалов А.И.* (1875—1948) —предприниматель; член ЦК кадетской партии. В 1918 г. эмигрировал во Францию. В мае 1920 г. избран председателем комитета парижской группы кадетов, позднее уступил руководство приехавшему в Париж Милюкову. Сопредседатель Российского общества Лиги народов. Член Совета Объединения российских земских и городских деятелей за границей. Участвовал в работе Совещания членов Учредительного собрания, был избран в его Исполнительную комиссию. Председатель правления Франко-русского общества торговли и промышленности, член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза.

⁶⁰ *Рысс П.Я.* — публицист, член Союза русских литераторов и журналистов в Париже. Сотрудничал в газете «Последние новости», секретарь редакции.

⁶¹ *Толстой А.Н.* (1882/83—1945) — писатель, общественный деятель, академик АН СССР (1939).

⁶² *Достоевский Ф.М.* (1821—1881) — писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1877).

⁶³ III (Коммунистический) Интернационал — в 1919—1943 гг. международная организация, объединявшая компартии различных стран.

⁶⁴ Текст протокола заседания Парижского комитета партии народной свободы, состоявшегося 30 марта 1921 г. см.: Протоколы заграничных групп кадетской партии. С. 258—263.

⁶⁵ «Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал. издавался в 1880—1918 гг. в Москве. После закрытия журнала по постановлению советского правительства П.Б.Струве возобновил его выпуск за границей: с начала 1921 г. в Софии; конец 1922 г. — начало 1924 г. — Прага—Берлин; в 1927 г. — Париж). В I—II книгах (1921) были опубликованы I—V главы «Воспоминаний кн. Евгения Николаевича Трубецкого».

⁶⁶ *Трубецкой Е.Н.* (1863—1920) — князь, философ, юрист, публицист. Один из основателей кадетской партии. В 1906 г. был в числе создателей партии мирного

обновления. После Октябрьского переворота выехал в распоряжение формирующейся Добровольческой армии. Член Совета Государственного объединения России. Летом 1919 г. был назначен начальником управления исповеданий Особого совещания при генерале Деникине.

⁶⁷ Очевидно, имеется в виду семейство Ф.В.Татарина — члена софийской кадетской группы, члена Общества единения русских в Болгарии.

⁶⁸ *Стамболийский (Стамбулийский) А.* (1879—1923) — лидер Болгарского земледельческого народного союза. В 1919—1923 гг. премьер-министр правительства Болгарии.

⁶⁹ *Бурцев В.Л.* (1862—1942) — публицист, издатель, историк. В мае 1918 г. бежал через Финляндию в Стокгольм. Затем перебрался в Париж, где был редактором-издателем газеты «Общее дело». Инициатор созыва съезда Национального объединения, с этой целью возглавил Бюро Временного Российского комитета Национального объединения. Поддерживал Русский совет генерала Врангеля, видя в нем орган правительственной власти.

⁷⁰ *Хрипунов А.С.* — главноуполномоченный Всероссийского земского союза, член ПОКа, председатель Константинопольского комитета помощи голодающим России, представитель Главного управления Красного Креста в Константинополе. Член Национального комитета (от Константинополя).

⁷¹ *Шатилов П.Н.* (1881—1962) — генерал от кавалерии (ноябрь 1920 г.), с июня 1920 г. до 1922 г. начальник штаба Русской армии генерала Врангеля. В эмиграции член Русского совета. В начале 1921 г. ездил в Сербию и Болгарию с целью переговоров о принятии этими странами части Русской армии.

⁷² Имеется в виду *Алексинский Г.А.* (1879—1967) — член ЦК социал-демократической организации «Единство». Сотрудничал в газете «Общее дело». Поддержал план генерала Врангеля по созданию Русского совета и был назначен им в состав Совета, где заведовал пропагандой. Приветствовал инициативу по созыву съезда Национального объединения.

⁷³ Речь идет о семье Г.В.Вернадского. *Вернадский Г.В.* (1887—1973) — историк; член кадетской партии. Начальник отдела печати в администрации генерала Врангеля в Крыму. В ноябре 1920 г. эмигрировал в Константинополь, через три месяца переехал в Афины, где изучал источники и литературу по византиноведению в библиотеке Греческой археологической ассоциации. В феврале 1922 г. был приглашен в Чехословакию; в качестве профессора Русского юридического института в Праге читал курс по истории права Российской империи.

⁷⁴ Имеется в виду Совещание членов ЦК партии народной свободы, проживающих за границей. Совещание проходило в Париже с 26 мая по 2 июня 1921 г. Съезд осудил «новую тактику» Милюкова. Тексты протоколов заседаний Совещания см.: Протоколы заграничных групп кадетской партии. С. 380—472.

⁷⁵ Съезд Русского национального объединения открылся в Париже 5 июня 1921 г. и продолжал свою работу до 12 июня. Призывая к скорейшему свержению большевиков, съезд подчеркнул «глубокое национальное, моральное и политическое значение верности принципу вооруженной борьбы и неизменной связи с русской армией». (См.: «Общее дело». 1921 г. 13 июня).

⁷⁶ *Тыркова-Вильямс А.В.* (1869—1962) — журналистка; член ЦК кадетской партии. После поражения Деникина выехала вместе с мужем, английским журналистом Гарольдом Вильямсом в Лондон, была в числе инициаторов создания Комитета освобождения России, возглавляла Общество помощи русским беженцам. Член бюро съезда Русского Национального объединения, вошла в со-

став избранного Национального комитета (от Лондона). Председатель Русского колонизационного общества в Лондоне для сбора сведений о местах, пригодных для расселения русских беженцев, обеспечения их правовой и материальной поддержкой.

⁷⁷ *Протопопов Д.Д.* (1864, по др. данным 1865 или 1866—?) — предприниматель, присяжный поверенный, издатель; член ЦК кадетской партии.

⁷⁸ *Вырубов В.В.* — земский деятель. В июне 1920 г. был принят в парижскую группу кадетов, входил в исполнительное бюро Делового комитета, член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам (зав. отделом колонизации и труда) и Совета «Объединения российских земских и городских деятелей за границей». В кадетских группах обсуждался факт покупки Вырубовым именина на свое имя, в связи с чем В.Ф.Зеелер и В.А.Оболенский ультимативно потребовали отставки Вырубова.

⁷⁹ *Кишкин Н.М.* (1864—1930) — врач; член ЦК кадетской партии. Участвовал в деятельности Союза возрождения России, Тактического центра. После разгрома Центра в начале 1920 г. привлечен к суду военного трибунала, но оправдан. В начале 1921 г. вошел в руководство Всероссийского комитета помощи голодающим с целью привлечь помощь из-за границы, после его роспуска арестован и сослан в Вологду.

⁸⁰ *Кускова Е.Д.* (1869—1958) — общественный деятель, публицист. В 1921 г. одна из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, после его роспуска отправлена в ссылку. В 1922 г. доставлена в Москву и выслана за границу.

⁸¹ *Прокопович С.Н.* (1871—1955) — экономист, общественный деятель, публицист. После Октябрьской революции читал курсы лекций в Московском университете, Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1921 г. выступил одним из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, после его роспуска вместе с Е.Д.Кусковой был сослан, затем возвращен в Москву и в 1922 г. выслан за границу. В 1922 г. основал в Берлине Экономический кабинет.

«...ГРАНИТ ОДЕЛА СИНЕВА»

Из интервью Б.И.Николаевского Л.Хеймсону. 1963 г.

Одной из самых значительных акций в рамках американского межуниверситетского проекта по истории меньшевистского движения (Inter-University Project on the History of Menshevik Movement), стали интервью с видными деятелями меньшевизма. В их организации и проведении принимали участие Анна Михайловна Бургина, Ладис К.Д.Кристоф, Аллан Уайлдман и др., но, конечно, главная роль принадлежала руководителю проекта профессору Леопольду Хеймсону. Разработанная им специальная система вопросов акцентировала внимание на узловых проблемах и событиях, сводила воедино различные свидетельства, комментарии, мнения, перекрестным путем подтверждая или опровергая широко бытующие в общественном мнении, а, порой, и в исторической науке, версии и оценки.

Как правило, первые беседы касались биографических данных — рассказ о родителях, родственниках, учебе, о том, как и когда тот или иной из опрашиваемых пришел в революционное движение. Далее единых сценариев не существовало и быть не могло, и очень часто, нарушая общий замысел, на первый план выходили вроде бы мелкие детали и факты, с которыми, на самом деле, врывалась жизнь, с ее музыкой, красками и неожиданными поворотами.

Ценность ответов была различна по насыщенности и характеру. Их новизна и важность напрямую зависели не столько от места, которое интервьюируемый занимал в партийной иерархии, сколько от общих масштабов личности, системы взглядов, умения трезво понимать и оценивать виденное и слышанное, подняться выше своего субъективного отношения к происходившему вокруг и к тем, с кем сталкивалась его судьба. Наиболее значительными в этом отношении оказались интервью, взятые профессором Л.Хеймсоном у Л.О.Дан, Б.И.Николаевского и Ю.П.Денике. Недаром именно из них позже был составлен сборник «The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik past» (Paris, 1987). В его подготовке, кроме Хеймсона, приняли участие Зива Галили и Ричард Уортман. Именно Галили, по просьбе Хеймсона, редактировала и комментировала вошедший в книгу материал, как до этого обрабатывала и систематизировала исходные записи на магнитофонных лентах, первичные расшифровки интервью, определив в качестве основы для дальнейшей работы именно те экземпляры многочисленных распечаток, что имели правку самих интервьюируемых.

При составлении указанного сборника в него вошла лишь часть интервью, касающаяся начального этапа меньшевистского движения, до 1905 года. Между тем, материалы 23-х интервью того же Б.И.Николаевского, которые с интервалом в два—три месяца записывались на протяжении трех лет, с 1960-го по 1963-й г., остались до сих пор по-настоящему неиспользованными. В них содержится много неожиданных и весьма любопытных фактических данных, личностных характеристик, отдельных ключевых эпизодов за весьма обширный период отечественной истории: от начала XX века до середины 20-х гг. Что касается географии, то рассказы Николаевского практически охватывают всю территорию бывшей Российской империи: Поволжье и Центральную Россию, Север, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Закавказье, Украину, Прибалтику, Среднюю Азию. Весьма обширен и круг вопросов, прямо не касающихся истории меньшевизма и посему уводящих в сторону от основной цели интервью, но от этого не теряющих своей ценности для нас. Один из

них, касающийся первых шагов по организации архивного хранения широкого круга важнейших документов российских политических партий и ведомств, мы выделили из двух последних интервью Николаевского, к тому времени уже тяжело больного и явно желавшего выговорить все, что хотелось ему, даже вопреки направляющим вопросам интервьюера. В публикации полностью сохранена авторская речь, сделана лишь новая, по сравнению с машинописным вариантом магнитофонной записи, разбивка на абзацы. Материал, добавляющий весьма колоритные штрихи в хорошо известный в целом сюжет об архивном строительстве в первые месяцы и годы советской власти¹, публикуется с любезного разрешения Леопольда Хеймсона, в личном архиве которого в Гарриманском институте Колумбийского университета находятся полные тексты всех сохранившихся на сегодняшний день интервью, взятых в рамках указанного выше проекта. Каждое из них заслуживает и своего исследователя, и своего публикатора. Остается надеяться, что время, необходимое для полного вовлечения в научный оборот этого ценнейшего источника, окажется более благоприятным для этого, чем было до сих пор.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.П.НЕНАРОКОВ.

Из интервью 21-го от 16 февраля 1963 г.

Я, значит, после Съезда¹, после июльских дней ушел работать в архив, который начал еще раньше организовывать.

Помню разговор с Константином Михайловичем Ермолаевым². Он так сказал:

— Или он видит дальше нас, или он ничего не видит.

Ну, конечно, я ничего не видел! Казалось, что это все случайное. Пройдет это большевистское поветрие и все восстановится. Однако не прошло.

Со 2-го съезда³ я уходил рядом с Мартовым. Слышал, как к нему, почти у выхода из зала, обратился кто-то из делегатов, сказав, что многие рассчитывали на то, что кто-кто, а Мартов пойдет с большевиками. Тот, обернувшись, ответил:

— Вы не знаете, что совершили и к каким бедам все это приведет страну⁴.

Было ясно, что все обрушилось и идет к гибели.

Тогда же стало ясно, что надо спасти архив партии, который может погибнуть в грядущем безвременье. Начался роман с Академией наук, где старик Всеволод Измайлович Срезневский⁵ всегда помогал, всегда прятал все.

Boris I. Nikolaevsky. Interview № 21. Inter-University Project on the History of Menshevik Movement. New York. P. 2,7. Из личного архива Л.Хеймсона.

---

¹ См.: Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970; Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Декрет об архивном деле 1918 г. // Вопросы истории. 1991. № 7/8; Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918) // Отечественные архивы. 1993. №№ 3—4; Хорхордина Т.И. История отечества и архивы. 1917—1980 гг. М., 1994 и др.

Из интервью 22-го от 6 мая 1963 г.

Я украл из Смольного при помощи Енукидзе⁶ весь архив первого Совета, т.к. получил от него грузовик, и Срезневский, заведующий архивом Академии, предложил мне использовать его, чтобы перевести все к нему.

Мы перевезли архив Преображенского полка, Кавалергардского полка...

Все это складировали в новом здании библиотеки Академии наук, которое, когда было закончено, оказалось занято под лазарет, а тут его освобождали. Там у меня была особая комната и ключ от нее был, и я привозил, складывал...

Затем я наши, меньшевистские, архивы привез. Архив Дана. Привез еще какие-то архивы.

Ну, все это попало к большевикам, хотя бы уцелело, когда-нибудь, может быть, будет известно⁷.

А Церетели говорил:

— Нет, это нехорошо!..

Его архив погиб.

Ну, а потом, в начале марта, или в конце февраля, большевики переезжали в Москву. Этот переезд был внезапный.

Мы знали.

Когда в газетах появилось, то рабочие говорили, что мы бы разобрали рельсы, не пустили бы переезжать, но это, конечно, были пустые разговоры.

Большевики держались тем, что ни у кого не было какой бы то ни было воли к борьбе, ни у кого!

Апатия!

Я помню, когда уже Мартов уехал на съезд и Дан уехал на съезд⁸, Лидия Осиповна⁹ сказала:

— Пойдемте, там рядом образовался клуб какой-то.

Какие-то графья или баронесса дали свой особняк под клуб, который назывался каким-то ультрадемократическим именем, но это была танцулька и карты, и все иное.

Мы пошли туда. Но впечатление, значит, было — самого такого развала — и в том мире. Это значит офицерство гвардейское и, очевидно, все титулованные барышни — впечатление, помню, полного развала!

Что было у нас в организации?

Устроили клуб.

Там был, значит, у нас мартовец — это Илья Климов — Эренбург, это двоюродный брат писателя Ильи Эренбурга¹⁰. У него родные уехали в Харьков, целая квартира. Вот эту квартиру, значит, устроили.

Открытие клуба!

Тоже самое — человек сорок—пятьдесят.

Но, надо сказать, что я слышал, что и у большевиков было довольно пусто!

Эта весенняя сцена...

Шеголев¹¹!

Мы с ним вышли из архива и на Неву...

И вот, значит, картина: март, лед, начинающий подтаивать...

Снег на граните немного оттаял, спал, и навоз выступил.

Это он цитирует:

— Гранит одела синева!

И, значит, меняет это слово — гранит на навоз, соответствующим образом, который, значит, и одела синева.

И действительно, запустение было полное.

...Движение уполномоченных, я думаю, началось вот именно в эти февральские дни. Но мне это надо посмотреть у себя в записях.

С ними возился тогда не столько Дюбуа¹², а был такой Владимиров¹³.

Владимиров?...

Я не знаю, что с ним случилось...

Это тоже 905 год. Большевик 905 года. Очень активный тогда. Сохранивший такую революционную активность и в это время¹⁴.

Но с большой такой надточинной...

Ермолаев!

...У Ермолаева вообще скепсис был очень силен еще с самого начала.

Я даже помню разговор...¹⁵

Апрель 1918 года. Организация была интернационалистская официально, но в то же самое время, как тот же самый Астров¹⁶ в июне, в июле¹⁷ горел, значит, на демонстрации звал, прокламации писал чуть ли не левее большевиков! Теперь... Вечера просиживал за преферансом с Даном. Дан увлекался преферансом. И Мартов тоже увлекался преферансом. Он был, значит, постоянным партнером. Играли все не особенно хорошо...

...Я писал довольно много. Я следил за провинцией, составлял обзоры того, что делается в провинции. Но интересовало меня это сравнительно мало, и я повторяю, я больше сидел в архиве, и писал в это время, и мои статьи появлялись тогда и в «Русском богатстве», и в «Былом», в каждом номере по две, по три статьи.

Л.Х.: Что Вы вспоминаете по поводу взаимоотношений правых интернационалистов в это время, значит — март, апрель?

Б.Н.: У меня сейчас не осталось никакого конкретного факта в голове. Отношение Мартова определенно было такое заблокированное — пессимизм... Статьи остальных были против большевиков — все. Я не помню в статьях этой ноты веры в надвигающиеся в Европе события. Боюсь, что эту веру он потерял еще в 917 году и довольно рано, потому что была там одна моя статья в «Рабочей газете» без подписи, с такой верой, а он скептически о ней отозвался, об этой вере.

...Тогда я ждал охранную грамоту. Они подписались на моей старой грамоте все, и затем, значит, месяца два это держалось... Нет, больше, потому что я пошел уже в самые первые дни после Октября. Чуть ли не второй десяток был номер исходящий. А потом я пошел, уже весна была, это был март.

И вот тогда, значит, было такое маленькое совещание.

В архиве департамента полиции тогда работали народовольцы — Тютчев Николай Сергеевич, затем, значит Влиблев, нет, забыл его фамилию, Селюк — эсер и еще кто-то.

И вот, значит, приехал тогда Щеголев.

Я думаю, что делать, а Щеголев говорит:

— Я был только что в Союзе архивных деятелей и там говорили, что все остальные архивы в худшем положении: нет ни денег, ни средств и нет спокойствия насчет будущего, что не растащат архивы, не разгромят! Надо что-то делать...

Я с Мартовым говорил еще раньше об этом. И он говорил, что надо Рязанова¹⁸ брать за бока, что никто как Рязанов не может понять этого дела.

У меня были разговоры раньше на эту тему и с Енукидзе, и с Каменево¹⁹, которая как раз подошла, встала и вместе говорили.

Она говорила, что у нас, у большевиков то есть, есть свои люди, что к нам приходят и предлагают свои услуги, и Лемке²⁰ хочет с нами работать, но нам не нужно...

А Енукидзе?

Его это мало интересовало, но он все же мог бы помочь... Все делал охотно, но сам на себя инициативы не брал.

А тут, значит, я пошел к Рязанову...

Да, нет! Еще до этого было собрание архивных деятелей. Я предложил кандидатуру Рязанова вот этому самому Щеголеву. Щеголев пошел, там говорил. Было собрание у них небольшое архивных деятелей, их бюро. И они, сам Лаппо-Данилевский²¹, идти отказался почему-то. Но избрали комиссию²².

Комиссия была в составе князя Голицына от Государственного архива, Глазкова...

Нет, Голицына от иностранных дел, а Глазкова от Государственного архива...

И Добромыслова — от архива Синода, и Щеголева — от архива департамента полиции...

Ну вот, Щеголев говорит мне, что надо идти — идите, говорите с Рязановым!

Ну, я пошел.

Рязанов сразу же загорелся:

— Немедленно! Немедленно! Немедленно! Садитесь в автомобиль и едем!

Ну, я позвонил Щеголеву и где-то встретились с этими тремя остальными. Кажется, в архиве Министерства иностранных дел.

И вот эта комиссия вся, значит, рассматривает архив Министерства иностранных дел... Секретная комната там, где мы были. Она была распечатана.

Там хозяйничал, значит, Троцкий. ...Кто-то из служащих указал, и они вскрыли... Он — этот старикашка-служащий указавший — не швейцар, а он, как-то... вахтером был!

Мы стояли у окна.

Теплый день.

Там, значит, под аркой были какие-то бумаги. Валялись.

Я спрашиваю, что это такое?

— А это, — отвечают, — господин Маркин²³ приказали ненужные бумаги продать!

Маркин был тот самый матрос, который погиб при штурме Казани. Матрос, который был в воспоминаниях у Троцкого. Фигурирует как дядька, добровольный дядька у его сыновей.

И Лев Львович²⁴ о нем вспоминал очень тепло.

Ну вот, он говорит — ненужные бумаги!

А что такое ненужные бумаги?

— А там, — говорит, — почта пришла, и вот они выбрали все, что им нужно, а остальное приказали продать.

Ну, значит, мы были в этом архиве, а затем в Государственном архиве, и были в архиве Синода, который помещался за Невской Лаврой.

И, значит, Рязанов тут же сказал, что он беретя.

Тогда он хотел, хотел обязательно и был уверен, что войдет Рожков²⁵. Рожкова он хотел взять своим помощником. Рожков отказался.

Меня он хотел назначить секретарем. Я уже собирался куда-то уезжать, но в действительности не уехал, но тоже отказался.

И он рвал, и метал.

У него голос огромный:

— Что же такое? Вравили меня в это дело? И сами уезжают!

Ну, это не помогло ему.

Это было, значит, до отъезда Мартова. Потому что я с Мартовым говорил. Это было, значит, в конце марта 1918 года.

Да, в конце марта!

А я, значит, в начале апреля уехал.

Ну, вот это, значит, Петербург...

Петербург!

...Быть Петрограду пустым!

...В гранит оделась Нева!

...Спасать архивы!

Boris I. Nikolaevsky. Interview № 22. Inter-University Project on the History of Menshevik Movement. New York. P. 3—5, 7—10. Из личного архива Л.Хеймсона.

Примечания

¹ Речь идет об объединительном съезде РСДРП(о), который проходил с 19 по 26 августа 1917 г. в Петрограде. В период предшествующий съезду Николаевский в составе группы петроградских меньшевиков-интернационалистов выступил против возможного раскола в партии между основными ее фракциями и течениями — революционными оборонцами, оборонцами (включая и плехановскую группу «Единство»), объединенцами и меньшевиками-интернационалистами (включая новожиизненцев, т.е. тех, кто группировался вокруг газеты «Новая жизнь»).

² *Ермолаев К.М.* (подпольная кличка — Роман) (1884—1919) — социал-демократ меньшевик со 2-го съезда партии. В 1904—1905 гг. работал в Петербурге и Донецком бассейне. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, где был избран в состав ЦК от меньшевиков, впоследствии — бессменный член центральных партийных учреждений меньшевиков. В 1912 г. приговорен к ссылке на поселение, освобожден Февральской революцией. В 1917 г. был членом ВЦИК первого созыва. В одном из интервью Хеймсону Николаевский рассказал о том, как в 1919 г. добился того, чтобы М.В.Фрунзе, который пригласил его проехать из Уфы до Самары на поезде командующего, взял с ними и Ермолаева. Последний из Самары отправился к сестре на Украину, где заболел тифом и умер. Николаевский без малого через полвека с горечью сетовал на то, что произошло в итоге его активности: дескать, останься Ермолаев в Уфе, может, не заболел бы и не скончался.

³ Имеется в виду Второй съезд Советов, провозгласивший 25 октября 1917 г. переход всей полноты власти в центре и на местах в руки Советов, а также образовавший в ночь с 26 на 27 октября первое, чисто большевистское Советское правительство во главе с В.И.Лениным.

⁴ Мартов выступал на Втором съезде Советов дважды и оба раза предлагал сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса и создания власти, которая могла бы быть признанной всей демократией.

⁵ *Срезневский В.И.* (1849—1937) — сын академика И.И.Срезневского, филолога и этнографа, занимался исследованиями в области научно-технической фотографии. В машинописном варианте ошибочно назван Слизневским.

⁶ *Енукидзе А.С.* (1877—1937) — в революционном движении с 1898 г., большевик, в 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК.

⁷ Сохранившийся архив РСДРП(о) лег в основу трехтомной публикации в четырех книгах: *Меньшевики в 1917 году*. В 3 томах, четырех книгах. Под общей редакцией З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона. М., 1994—1997.

⁸ Четвертый чрезвычайный Всероссийский съезд Советов проходил в Москве 14—16 марта 1918 г. и рассматривал вопрос о ратификации Брестского мирного договора.

⁹ *Дан (урожденная Цедербаум) Л.О.* (1878—1963) — сестра Ю.О.Мартова, в революционном движении с начала 1890-х гг., агент «Искры», с 1903 г. меньшевичка.

¹⁰ *Эренбург И.Г.* (1891—1967) — писатель и общественный деятель.

¹¹ *Щеголев П.Е.* (1877—1931) — историк революционного движения в России, литературовед.

¹² *Дюбуа А.Э.* (псевдоним Горский) (1882—1959) — в революционном движении с 1900-х гг., участник стачечного движения, первоначально большевик, с 1906 г. — меньшевик, сторонник ликвидаторства, активный участник создания рабочих профессиональных союзов, сотрудник ряда меньшевистских изданий, член редакции газеты «Наше дело». Входил в ОК. Во время войны оборонец. После Февральской революции на фронте, затем товарищ министра труда. Входил в правую фракцию партии, принимал активное участие в работе партийных организаций Петрограда и Москвы. Во время восстаний на Волге и в Сибири (Самара, Уфа, Омск) выезжал туда по распоряжению ЦК. Арестовывался ВЧК в 1918 и 1921 гг. В 1922—1923 гг. был сослан в Сибирь, потом выслан за границу. Участвовал в качестве представителя правых на партийном совещании 1924 г. В начале второй мировой войны примкнул к «новому пути», определенному Даном.

¹³ Вероятно, речь идет о *Владимирове М.К.* (Шейнфинкель М.К., псевдонимы — Л. Вл., Лева, Фрэд) (1879—1925) — член РСДРП с 1903 г., большевик. Вел партийную работу в Петербурге, Гомеле, Одессе, Луганске и Екатеринославле.

Участник революции 1905—1907 гг. В 1908 г. из ссылки бежал за границу. В 1911 г. отошел от большевиков. В 1917 г. вернулся в Россию, был межрайонцем и вместе с ними на VI съезде вновь стал членом большевистской партии. После октябрьских событий 1917 г. занимал ряд ответственных государственных должностей.

¹⁴ Имеется в виду 1918 г.

¹⁵ Николаевский, внезапно оборвав тему, больше к ней так и не вернулся.

¹⁶ *Астров* (псевдоним *Исаака Сергеевича Повеса*) (умер в 1922 г.) — меньшевик-интернационалист, член заграничного секретариата Организационного комитета в 1914—1917 гг., в последующем — член ЦК партии. В советской России подвергался неоднократным арестам. Весной 1922 г. сослан в Туркестан, по дороге заразился тифом и умер в Самаре.

¹⁷ Имеются в виду июньские и июльские события 1917 г.

¹⁸ *Рязанов Д.Б.* (1870—1938) — в революционном движении с 1889 г., организатор и руководитель группы «Борьба», выступавшей накануне 2-го съезда партии в 1903 г. за объединение всех направлений российской социал-демократии. В последующем находился вне фракций и группировок, один из крупнейших исследователей литературного наследия К.Маркса и Ф.Энгельса. В 1917 г. с группой межрайонцев вступил в большевистскую партию. В марте 1918 г. — комиссар по реорганизации и ликвидации архивов в связи с эвакуацией правительства из Петрограда в Москву, затем председатель Центрального комитета по управлению архивами (ЦУКА), который возглавлял до 1920 г. В 1921—1931 гг. директор Института Маркса и Энгельса. Лауреат Ленинской премии 1927 г. за научную деятельность по истории общественной мысли и участие в подготовке к изданию первых томов сочинений Маркса и Энгельса. С 1929 г. — академик.

¹⁹ *Каменева О.Д.* (1883—1941) — жена Л.Б.Каменева, заведующая одного из отделов Народного комиссариата просвещения.

²⁰ *Лемке М.К.* (1872—1923) — историк, публицист.

²¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* (1863—1919) — историк, академик с 1899 г.

²² См. об этом и о составе и деятельности комиссии Хорхордина Т. История отечества и архивы. 1917—1980 гг. М., 1994. С. 7—61.

²³ *Маркин Н.Г.* (1893—1918) — член большевистской партии с 1916 г., в 1917 г. член ВЦИК, организатор издания секретных документов царского и Временного правительств. В 1918 г. комиссар и помощник командующего Волжской военной флотилией. Погиб в бою.

²⁴ *Седов Л.Л.* (1906—1937) — старший сын Л.Д.Троцкого, литературный псевдоним Н.Маркин был взят им в знак глубокого уважения и памяти к Н.Г.Маркину.

²⁵ *Рожков Н.А.* (1868—1927) — историк, до и в период первой российской революции большевик, затем меньшевик, в 1917 г. — член ЦК. С 1922 г. отошел от партийной деятельности.

«ПОЧТИ ВСЕ ПОЖЕЛАНИЯ РИМСКОЙ КУРИИ... ПОЛУЧАЮТ НЫНЕ ПОЛНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ»

Из секретной переписки Русской миссии в Ватикане.
Февраль—октябрь 1917 г.

Принятие Русью христианства в качестве государственной религии в 988 году произошло до разделения церквей на Западную и Восточную (1054 г.). Поэтому вплоть до начала XIII столетия «латинство» не воспринималось как нечто чуждое и враждебное. Представители Римско-католической церкви неоднократно посещали Русь и принимались с почестями. Устанавливавшиеся дипломатические и торговые отношения с Западом привели к появлению в русских городах постоянного европейского населения, пользовавшегося фактической религиозной свободой. Католические храмы строятся и открываются в Киеве, Великом Новгороде, Смоленске, Ладоге, Переяславле и других городах.

В последующие столетия: во времена монголо-татарского нашествия и феодальных княжеских междоусобиц, после падения Константинополя (1453 г.) и превращения Московской Руси в «Третий Рим», в период Смутного времени начала XVII в. — последователи католицизма воспринимались на Руси как еретики и враги православия. Доступ иностранцам-католикам в Русское государство был запрещен. Это объяснялось и внешнеполитическими обстоятельствами — ожесточенным противостоянием Московского православного царства европейским католическим государствам — Ливонскому ордену, Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой из-за западнорусских земель, отторгаемых от Русского государства, и антиправославной Брестской унии (1596 г.)

Лишь в эпоху царствования Петра I, в окружении которого было немало лиц католического вероисповедания, наступает «потепление» в отношении католической церкви. Иностранцам-католикам дозволяется въезд в Россию, разрешается строительство костелов и организация католических общин. Значительно возросло число католического населения во времена Екатерины II, приглашавшей иностранцев на жительство в Россию и обещая им при этом сохранение свободы веры. Именно тогда первые католики появились в Среднем Поволжье, на юге Украины, в Крыму и Предкавказье, а позже — в Южной Сибири, Северном Казахстане и на Алтае. И все же число лиц католического вероисповедания составляло среди жителей России незначительный процент. Положение коренным образом изменилось после разделов территории Речи Посполитой и потери ею государственной самостоятельности (XVIII в.). В состав России вошли земли, где проживало несколько миллионов католиков. Именно при Екатерине начали складываться, а в последующем продолжали развиваться официальные отношения России с Ватиканом. В 1847 г. между Ватиканом и царским правительством заключен был конкордат — соглашение о правах и положении католической церкви в России. Папский нунций (посол) был ак-

кредитован в России, а в Ватикане учреждена была Российская духовная миссия при Св. Престоле и направлен туда российский посланник.

Отношения государства и религиозных организаций в Российской империи складывались в соответствии с Основными законами. В них, в главе «О вере» называлась «первенствующей» и «господствующей» верой — «Христианская православная католическая восточного исповедания» (ст. 40). Российская православная церковь была государственной церковью, а император российский являлся ее главой. Ряд религий объявлялись «терпимыми», а некоторые относились к числу «нетерпимых» и «гонимых».

Католицизм относился к категории «терпимых религий». Хотя в Основных законах и провозглашалось, что: «Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» (ст. 44), но в действительности их деятельность обставлялась массой ограничений.

Любопытное свидетельство этому мы обнаруживаем в переписке народного комиссара иностранных дел СССР Г.В.Чичерина¹. В 1924 г., в период интенсивных переговоров об урегулировании советско-ватиканских отношений, в письме председателю Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) Е.М.Ярославскому², ссылаясь на многочисленные опубликованные источники, нарком так характеризовал положение католиков в Западном крае: «Даже разрешенные генерал-губернаторской властью разъезды епископа в епархии обставлены всевозможными отягчительными условиями. Епископ уведомляет о дате своей поездки, причем исправники лично сопровождают епископов «для предупреждения всяких недоразумений»... Члены полиции при этом во все вмешиваются, воспрещают выносить при встрече епископа хоругви на паперть, приказывают снимать арки из живых цветов, воспрещают посыпать цветами епископский путь, приказывают выдергивать елочки вдоль того же пути и т.д.... За деятельностью католического священника в Западном крае установлен бдительный полицейский надзор. Ксендзы штрафуются за самовольную отлучку в другие приходы, за произнесенные проповеди собственного сочинения без предварительного одобрения цензуры, за сборы денег на предметы, неизвестные местному началству, за необъявление о высокаторжественных днях, за совершение крестных ходов в костельной ограде в дни, не означенные в особой табели, составленной губернатором и утвержденной генерал-губернатором. Ксендзы штрафуются до 400 рублей... Ксендзы обязывались сообщать народу о воспрещении петь при погребении покойников духовные песни на польском языке. Приводятся случаи оштрафования ксендза за то, что, будучи приглашен похоронить покойника, ксендз приходил к дому покойника в облачении с преднесением деревянного креста. Имеются примеры оштрафования ксендза за то, что он разрешил покрасить крышу костела без разрешения властей. По всевозможным поводам происходили закрытия костелов, например, на основании того, что будто бы их количество в какой-либо местности превышало потребности населения. Значительная часть преследований, которым подвергалось католическое вероучение, было связано с народным образованием и школьным делом»³.

¹ Чичерин Г.В. (1872—1936) — нарком иностранных дел СССР.

² Ярославский Е.М. (1878—1943) — председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б).

³ АВР РФ. Ф. 04. Г.В. Чичерин. Оп. 13. П. 80. Д. 57626. Л. 13—15.

В начале XX века население Российской империи, традиционно исповедовавшее католицизм, проживало на территории Царства Польского, в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине, хотя насчитывалось и некоторое число католиков в центральных губерниях России. Крупные католические общины действовали, к примеру, в Санкт-Петербурге и в Москве. Всего действовали более пяти тысяч костелов и каплиц, в которых служило более четырех тысяч священников, а также восемь мужских и шестнадцать женских католических монастырей, где проживало свыше 700 монахов и монахинь. В церковно-административном отношении католики разделены были на 12 диоцезий, семь из которых охватывали территорию Царства Польского. Общее число лиц католического вероисповедания насчитывалось более 10,5 миллионов человек.

В числе основополагающих принципов отношения российской власти к Римско-католической церкви на территории России можно выделить: личная религиозная свобода для иностранцев-католиков при условии их полной политической лояльности; дозволение, при существенном ограничении, деятельности католического духовенства в границах этнических территорий; запрет прозелитической деятельности среди славянского населения и иных народов и народностей, традиционно не исповедовавших католицизм. И даже после принятия Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17.04.1905 г.) и Манифеста 17 октября 1905 г. о свободах, заметных изменениях к лучшему в положении католицизма в России не наблюдалось.

Сложными оставались отношения России с Ватиканом. Зачастую многие положения конкордата царским правительством не исполнялись. Связи Римской курии с католическими обществами и католическим духовенством в России были поставлены под жесткий контроль министерства внутренних дел. Подвергались жесткому преследованию греко-католики (униаты) и «русские католики». Ватикан дважды в 1912 и 1913 гг. в специальных меморандумах царскому правительству указывал на те стеснения, которые испытывали католики, и просил об отмене наиболее жестких законоположений законодательства, касавшегося Римско-католической церкви в России. Но царское правительство отказывалось идти на какие-либо уступки. Все это дает право современным исследователям, характеризуя положение римско-католиков в императорской России, писать: «Деятельность католической церкви в стране была поставлена под столь жесткий контроль правительства, что...она фактически превратилась в схизматическую по отношению к Риму церковь»⁴.

В течение нескольких дней февраля 1917 г. православная монархия в Российской империи рухнула. Уже 3 марта образовавшееся Временное правительство опубликовало Декларацию с разъяснением своего политического курса и задач, к разрешению которых намеревалось приступить немедленно. Обещались и «религиозные свободы», как для граждан России, так и для всех законно действующих религиозных организаций, исходя из того, что Российское государство отныне не есть «христианско-православное», а — «внеконфессиональное» государство, равноудаленное от всех религиозных организаций. Предполагалось: объявить амнистию всем, кто был осужден по «религиозным делам»; отменить вероисповедные ограничения; обеспечить равенство религий, а также граждан независимо от их отношения к религии; отменить обязательное преподавание в государственных учебных заведениях Закона Божьего; передать в ведение министерства народного образования церковно-приходские школы; снять ограничения на деятельность старообрядческих, католических, протестантских и иных религиозных объединений⁵.

⁴ См.: Овсиенко Ф.Г. Католицизм в России // История религий в России. М., 1999. С. 266.

⁵ См.: Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 32—46.

Для разрешения вопросов, касавшихся положения католической церкви в России, при министерстве внутренних дел была образована специальная комиссия под председательством комиссара Временного правительства С.А.Котляревского⁶. В ее состав были приглашены представители католического духовенства, работники ряда министерств, деятели науки и специалисты в области вероисповедных вопросов. Итогом ее работы стал законопроект «Об изменении действующих законоположений по делам римско-католической церкви в России», представленный на рассмотрение Временного правительства 10 июля и утвержденный им 25 августа 1917 г.

Закон существенным образом изменял положение Римско-католической церкви в России⁷. И это не могло не сказаться положительно на российско-ватиканских взаимоотношениях. О настроениях в Римской курии, в связи с революцией и изменениями в политическом и общественном строе Российского государства, о просьбах и пожеланиях папы Римского Бенедикта XV⁸, относительно улучшения и развития ватикано-российских отношений, о планах и ожиданиях Римско-католической церкви по распространению католицизма в России сообщали Временному правительству, центральным министерствам и ведомствам в своих секретных телеграммах, письмах, донесениях и информациях советник Российской миссии при Ватикане Н.И.Бок⁹, а позднее и российский посланник при Ватикане А.И.Лысаковский¹⁰.

Многие десятилетия большая часть этой переписки, хранящейся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), оставалась вне внимания российских исследователей. Для настоящей публикации отобраны документы из фондов — «Особый политический отдел» (ОПО. Ф. 135) и «Ватикан» (Ф. 136), отражающие три круга основных проблем, актуальных для российско-ватиканских отношений в период от февраля к октябрю 1917 года: изменение и совершенствование законодательства, непосредственно и практически касавшегося католических объединений; восстановление в правах и назначение на должность видных католических архиереев — Э.Роппа¹¹, И.Цепляка¹²; освобождение из заключения греко-

---

⁶ Котляревский С.А. (1873—1941) — юрист, политический деятель, профессор права. Один из лидеров кадетской партии. Комиссар Временного правительства, позднее — товарищ (заместитель) министра исповеданий Временного правительства.

⁷ См.: Редькина О.Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль—октябрь 1917 года). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук — М., РАГС. 1996.

⁸ Бенедикт XV (Джакомо делла Кьеза) (1854—1922) — с 1914 по 1922 гг. папа Римский.

⁹ Бок Н.И. (1880—1962) — с 1912 г. секретарь, советник Русской Духовной миссии при Св. Престоле. С 1917 г. в эмиграции. В 1945 г., после смерти жены, при содействии папы Римского Пия XII поступил в Русскую семинарию в Риме. В 1948 г. рукоположен был в сан католического священника и вступил в Общество Иисуса. Затем переехал в США и служил в храмах Нью-Йорка, Сан-Франциско.

¹⁰ Лысаковский А.И. (1879—?) — российский посланник при Св. Престоле. См. о нем: «Доверительно сообщаю Вам...» Письма российского посланника в Ватикане А.И. Лысаковского. 1919—1921 гг. // Исторический архив. 1994. № 2.

¹¹ Ропп Э. (1851—1939) — рукоположен в священники Римско-католической церкви в 1886 г. С 1902 г. — епископ Тираспольский, с 1903 г. — епископ Виленский. В 1917 г. возведен в сан митрополита.

¹² Цепляк И.Г. (1857—1926) — римско-католический епископ Виленский.

католического митрополита Андрея Шептицкого¹³ и легализация в России Греко-католической церкви. Кроме того, привлечены некоторые документы их фонда «Канцелярия Временного правительства», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 1779).

Тексты публикуемых документов переданы с сохранением стилистики оригиналов. Некоторых из упоминаемых в документах лиц установить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И.ОДИНЦОВ.

№ 1

Н.И.Бок — МИД России

№ 106

19 марта 1917 г.

Получил Вашу телеграмму № 968 и вчера же сообщил ее содержание кардиналу статс-секретарю, после чего передал ему копию с нее. В последующей беседе кардинал Гаспарри¹ не скрыл от меня удивления и радости по поводу беспримерного в истории совершившегося переворота и незначительности его жертв, и высказал уверенность в том, что отношения между Россией и Святейшим Престолом укрепятся при новом строе. Залог этого улучшения он усматривает, между прочим, в программе нашего правительства и провозглашенном нами уничтожении всех вероисповедных ограничений.

Н.Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 113. Л. 16. Машинописная копия.

№ 2

Н.И.Бок — П.Н.Милюкову²

№ 518

31 марта 1917 г.

Милостивый государь, Павел Николаевич

В течение последнего года Ватикан с большим вниманием следил за происходившим в России. Во время своих приемов кардинал статс-секретарь неоднократно возвращался к нашим делам. Разлад между властью и страной, образование Прогрессивного блока, его программа, частые смены министров, ноябрьские заседания Думы, убийство Распутина³ и постановления съездов служили очередными предметами его расспросов, от коих я не считал нужным уклоняться.

Нет сомнения, что в Ватикане были подготовлены к совершившемуся у нас перевороту, и что известие о нашей революции не явилось для него совершенно неожиданным, хотя и время ее и форма, в кою она вылилась, вряд ли могли быть предугаданы им.

Как подсказывают мне мои наблюдения, наша революция произвела здесь смешанное впечатление. Преобладающим чувством явилось

---

¹³ Шептицкий Андрей (1865—1944) — митрополит Римско-католической церкви. С 1901 г. — глава Униатской (греко-католической) церкви в Галиции, митрополит Львовский и Галицкий.

чувство эгоистической радости за интересы католической церкви. Падение прошлого строя означало уничтожение всех вероисповедных стеснений, и открытие новой эры свободы католичества в России. При первом же свидании кардинал статс-секретарь не скрыл от меня этой своей радости. Еще ярче и искренне проявил мне ее его помощник, монсиньор Пачелли⁴, знаток русско-католических дел, слышущий, не смотря на свою неизменную сдержанность, за друга России.

Второе чувство, замеченное мною за эти дни в Ватикане — чувство опасения за крайность нашего движения. Впечатление это я вынес и из бесед с здешними иерархами и из чтения католической печати. Мало знакомое с Россией и русским народом, здешнее духовенство, и в особенности наиболее консервативные его представители, не только поражены быстротою и радикальностью небывалого в истории переворота, но и обеспокоены за дальнейшее его развитие, причем именно незнакомство с Россией заставляет их сравнивать ее с Францией 18-го века и опасаться, как бы наша революция не уподобилась бы в последствии французской и не увлекла бы за собою и другие страны.

Третье чувство, вызванное здесь известиями из России — чувство разочарования. Мечтая о мире во что бы то ни стало и, домогаясь его всеми доступными им средствами, Ватиканские миролюбцы лелеяли надежду, что российский переворот ускорит дело мира. Обнаруживающаяся все ярче ошибочность их расчетов не могла, конечно, не пробудить в них разочарования.

Как я упомянул выше, преобладающим из трех замеченных чувств является первое чувство, чувство радости, испытываемое особенно глубоко и искренно теми, кто ближе знаком с Россией, и кому более понятны значение и необходимость происшедшего.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Н. Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 122. Л. 24—25об. Подлинник.

№ 3

Н.И.Бок — П.Н.Милюкову

№ 6

18/31 марта 1917 г.

Милостивый государь, Павел Николаевич

Получив 5/18 сего марта телеграмму Вашу от 4/17 марта за № 968, коей Вы поручили мне известить Ватикан о совершившемся у нас перевороте, я не преминул в тот же день лично передать кардиналу статс-секретарю ее содержание, и оставить ему копию с нее в виде прилагаемой при сем ноты.

Как я телеграфировал Вам, кардинал, выслушав мое сообщение, выразил свое удивление и удовольствие по поводу беспримерной быстроты величайшего переворота и сравнительной ничтожности его жертв, и высказал свою радость по поводу отмены у нас всех вероисповедных ограничений и уверенность, что отношения между Россией и Св. Пре-

столом улучшатся при новом строе. Кардинал присовокупил, что сообщил эту же мысль папе при первом же известии о нашей революции. Тут же кардинал Гаспарри вспомнил о Шептицком, выразив предположение, что провозглашенная нашим Временным правительством амнистия, по всем политическим и религиозным делам коснется и Львовского митрополита.

Копию упомянутой телеграммы Вашей я облек в торжественную форму ноты, не только вследствие исключительной важности ее содержания, но и с целью получения на нее письменного ответа, каковой должен быть означать официальное признание Св. Престолом нашего нового строя. Ответ Ватикана, как я тогда же телеграфировал, последовал 12/25 марта, в виде прилагаемой при сем же короткой ноты, помеченной 22 марта нов[ого] ст[илия], днем Консистории. Фактически Св. Престол и не прерывал с нами сношений, сносясь со мною, и в промежутках между моим сообщением и его ответом, по текущим делам.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Н. Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 122. Л. 26—27. Подлинник.

№ 4

Н.И.Бок — МИД России

№ 18

20 марта / 2 апреля 1917 г.

Секретно

Вследствие интереса, проявляемого Ватиканом к комиссии, образованной будто бы у нас для пересмотра русско-ватиканских отношений и в целях правильного освещения ее трудов, был бы весьма признателен за сообщение миссии сведений о ней. Продолжаю по-прежнему считать самым верным способом разрешения католических вопросов путем соглашений с Ватиканом, как единственно дающий нам возможность извлекать выгоды из наших уступок, и полагаю, что отмену у нас вероисповедных ограничений можно было бы использовать для вопросов, удовлетворительное решение которых до сих пор не могло быть достигнуто. К таковым вопросам, по моему мнению, следует отнести: признание безусловного равноправия русского языка с польским и литовским в дополнительном богослужении латинского обряда и распространение на Россию положений конституции «Pro vida» взамен декрета «Ne temere» в смешанных браках.

Н. Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 128. Л. 2. Машинописная копия.

№ 5

П.Н.Милюков — Российской миссии в Копенгагене

№ 1253

21 марта 1917 г.

Секретно

Благоволите чрез испанского посла в Вене осведомить Австро-Венгерское правительство, что мы освобождаем графа Шептицкого без всяких условий и компенсаций.

Были бы признательны Кастро, если бы он нашел возможным от себя указать при этом Австро-Венгерскому правительству на судьбу вполне невинных священника Рыжкова и диакона Соловьева, томящихся в плену с начала войны, тем более, что само Австро-Венгерское правительство еще недавно предлагало нам освободить этих священнослужителей в обмен на Шептицкого.

АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 161. Л. 170. Машинописная копия.

№ 6

Н.И.Бок — МИД России

№ 23

18 апреля / 1 мая 1917 г.

Секретно

Получил ноту, в коей кардинал статс-секретарь сообщает о радости, испытанной по поводу освобождения Шептицкого Ватиканом, усматривающим в означенном мероприятии начало осуществления в России свободы католической церкви и ее служителей.

Далее в этой же ноте кардинал Гаспарри обращает внимание Временного правительства на дело Виленского епископа Роппа, и просит, в доказательство доброго расположения нашего к католической церкви, разрешить ему вернуться в родную епархию, с коей он разлучен почти 10 лет. В ноте говорится, что Ватикан никогда не прекращал оспаривать справедливость действий Русского правительства по отношению к Роппу и никогда не терял надежды на пересмотр его дела и что «ныне, когда все взоры устремлены на Великую и благородную Россию в ожидании наступления для нее эры политической и религиозной свободы, он уверен, что справедливость нынешних правителей не преминет совершить означенный акт, отвечающий искренним чаяниям виленской паствы и который будет встречен всеобщим сочувствием и одобрением». В заключение кардинал прибавляет, что как только наше правительство сочтет возможным выполнить его просьбу, Ватикан поспешит снестись с германским правительством по поводу проезда Роппа в Вильно.

Со своей стороны считал бы наше согласие на возвращение епископа Роппа в его епархию логичным и последовательным, ввиду несостоятельности прежних его обвинений. Быстрое разрешение настоя-

шего дела с своевременным уведомлением Ватикана о нем, произвело бы здесь отличное впечатление и могло бы быть выгодно использовано нами в политическом отношении.

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 131. Л. 1. Машинописная копия.

№ 7

Справка департамента духовных дел МВД о бароне Э.Роппе

[Апрель 1917 г.]

В сентябре 1905 г. в министерстве внутренних дел возникло предположение о назначении на освободившийся пост митрополита р.-к. церкви в России Виленского р.-к. епископа барона Эдуарда Роппа.

Однако, затем означенное министерство отказалось от своего предположения в виду нижеследующих обстоятельств.

В конце 1905 г. в Вильно была организована «конституционно-католическая партия для Литвы и Белоруссии», поставившая целью своей деятельности, между прочим, изменение правил об отбывании воинской повинности, достижение автономии Царства Польского и других областей, ограничение власти государя путем введения широкой конституции, и «передачу в опытные и чистые руки управления краем в случае дальнейшей дезорганизации существующего управления и окончательной потери авторитета существующими органами управления». Инициатором этой партии был барон Ропп, который и руководил ее деятельностью в качестве активного председателя на партийных собраниях.

Независимо от сего, и в управлении епархией барон Ропп стал проявлять особую резкость по отношению к правительству и к правительственным мероприятиям.

Так, в письме на имя прокурору Виленской Судебной палаты по поводу отказа одного ксендза от привода католиков к присяге на русском языке, бар[он] Ропп позволил себе крайне дерзкий отзыв об указе Правительствующего сената, разрешившим вопрос о присяге в нежелательном для епископа смысле. Затем в официальном письме министру внутренних дел бар[он] Ропп также позволил себе заявить о необязательстве для него указа Сената, которым разъяснено о недопустимости совмещения соединенных с штатным содержанием духовных должностей с званием члена Государственной думы. Наконец, в пастырском послании своем, говоря об отношении католиков к правительственной школе, высказался в том смысле, что эти школы не могут приносить какой-либо пользы в виду различия в вере учителей и учеников; поэтому он не запрещает посылать в эти школы только в том случае, если их посещает ксендз.

Помимо того, министерство внутренних дел признало его деятельность не соответствующей интересам церкви, в виду того, что он, в числе 49 членов думы, подписал заявление о необходимости допущения

непринадлежности ни к какой религии и права выхода из исповедания без присоединения к другому.

Возникшее в министерстве внутренних дел предположение о наложении на бар[она] Роппа дисциплинарного взыскания не получило осуществления, вследствие избрания его в Государственную думу и необходимости, по государственным соображениям, считаться с его особым положением.

В конце 1906 г. были получены сведения о том, что деятельность бар[она] Роппа направлена к ополячиванию литовской и белорусской народностей Северо-Западного края, в виду чего было предположено перевести его в Келецкую епархию, а в случае противодействия Ватикана, уволить его на покой. Курия, действительно, не согласилась на перевод бар[она] Роппа и заявила, что не находит канонических оснований для его отставки. Вызванный в министерство внутренних дел бар[он] Ропп согласился добровольно обратиться к папе с просьбой об увольнении на покой. В виду того, однако, что в течение двух месяцев этого им не было сделано, он 1 сентября 1907 г. был Высочайшим указом уволен от должности.

АВПРИ. Ф. 136. Оп.890. Д. 131. Л. 4—6. Машинописная копия.

№ 8

А.А.Нератов⁵ — Н.И.Боку

№ 481

17 мая 1917 г.

Секретно

Можете сообщить курии, что Временное прав[ительство] восстановило барона Роппа в должности Виленского епископа и разрешило ему возвратиться в свою епархию⁶.

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 131. Л. 8. Автограф.

№ 9

Н.И.Бок — МИД России

№ 333

25 мая / 7 июня 1917 г.

Секретно

Ссылаюсь на телеграмму Нератова № 2279.

В ответ на передачу ее содержания кардиналу статс-секретарю получил от него ноту, в коей он сообщает, как высоко ценит папа удовлетворение нами ходатайства Святейшего Престола о возвращении епископа Роппа в Вильну, и просит меня довести о таковых чувствах Его Святейшества для сведения Временного правительства.

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 131. Л. 9. Машинописная копия.

№ 10

**Письмо председателя Ликвидационной комиссии
по делам Царства Польского А.Р.Ледницкого — М.И.Терещенко⁷**

№ 894

22 мая 1917 г.

Конфиденциально**Милостивый государь, Михаил Иванович**

С начала августа 1914 года важный для римско-католического мира России пост могилевского архиепископа, митрополита всех римско-католических церквей в государстве, остается незамещенным. Если эта высшая в России иерархическая должность римско-католической церкви оставалась в течение значительного промежутка времени на положении вакантной, то этому могли быть причины исключительно политического свойства, отражавшиеся на зависимом и в высшей степени тягостном положении римско-католической церкви в России. Этим причинам в настоящее время, когда провозглашены и осуществлены в государстве принципы свободы и равенства граждан без различия их национальности и веры, места быть не может. И граждане России католического исповедания ждут от Временного правительства этой меры, замещения должности римско-католического архиепископа Могилевского в согласии с чаяниями всей римско-католической паствы России.

Римско-католическое общество в лице трех своих выдающихся иерархов — Виленского епископа барона Эдуарда Роппа, епископа-суффрагана Иоанна Цепляка и ректора римско-католической духовной академии ксендза Идзия Радзишевского — видит достойнейших кандидатов, которые по праву могли бы занять этот высший пост.

Я со своей стороны нахожу всех названных лиц одинаково высокодостоинными деятелями римско-католического духовного мира и, с этой точки зрения, было бы трудно оказать кому-либо из них предпочтение. С общественной же точки зрения я бы, однако, мог высказаться в пользу барона Э.Роппа.

Личность, выдающаяся по характеру и уму, демократ по убеждениям, приверженец идей веротерпимости и гуманизма, епископ Э. Ропп пользуется громадной популярностью в обширнейших кругах польского и вообще римско-католического общества. Имя и роль его, как члена первой Думы, хорошо известны и русскому обществу. Всем памятно выступление его за отмену смертной казни. За свою политическую деятельность он, по настоянию министра П.А.Столыпина⁸, лишился епископской кафедры, подвергся целому ряду лишений и лишь недавно Временным правительством восстановлен в своих правах.

В виду этого, назначение епископа Э.Роппа на ответственную и высокую должность архиепископа и митрополита всех римско-католических церквей России было бы встречено в широких кругах католического населения России с чувством полного удовлетворения и в

то же время такое назначение явилось бы по отношению к нему и актом справедливости.

Полагая, что возможно незамедлительное замещение вакантной должности римско-католического архиепископа в России весьма важно не только в интересах польских и вообще католических кругов населения, но также и в интересах государственных, я считал бы необходимым разрешение этого важного и неотложного вопроса в благоприятном смысле в кратчайший, по возможности, срок, для чего и войти в сношение по сему предмету с Святейшим Престолом.

Аналогичное сему письмо мною вместе с сим препровождаю министру-председателю князю Г.Е.Львову⁹.

Примите уверение в истинном уважении и глубокой преданности.

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 137. Л. 3—4. Подлинник.

№ 11

Н.И.Бок — МИД России

№ 37

27 мая / 9 июня 1917 г.

Секретно

Ссылаюсь на мою телеграмму от 29 марта № 18 и на мое отношение от 30 апреля № 9.

Кардинал статс-секретарь предупредил меня сегодня о намерении Св. Престола вслед за благоприятным разрешением дела Роппа поднять целый ряд принципиальных вопросов, по коим Ватикан не мог придти с нами к соглашению прежде. Кардинал упомянул при этом о переписке русских католиков с папой и о катехизации, т.е. о вопросах, подробно изложенных в первом и двенадцатом пунктах меморандума курии 1913 г.

Н.Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 140. Л. 3. Машинописная копия.

№ 12

А.А.Нератов — Г.Е.Львову

№ 526

3 июня 1917 г.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич

Отъезжающий в ближайшем времени из России в Австро-Венгрию Галицийский униатский митрополит граф Шептицкий обратился ко мне с ходатайством о содействии к выдаче ему его архива, секвестрованного во время войны нашими оккупационными властями во Львове и хранящегося ныне в Академии наук.

Из переговоров м[инистерства] и[ностранных] д[ел] с графом Шептицким выяснилось, что он не настаивает ныне на выдаче ему архива теперь же, а удовлетворился бы лишь выдачею ему удостоверения в том, что архив будет ему возвращен по окончании войны.

Сообщая о вышеизложенном, им[ею] ч[есть] пок[орнейше] просить Вашего заключения по этому делу.

Одновременно мною запрашивается также и заключение а) Министра юстиции, б) М[инистра] вн[утренних] д[ел].

Примите и проч.

АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 161. Л. 268. Рукописная копия.

№ 13

Г.Е.Львов — А.А.Нератову

№ А 2182

7 июня 1917 г.

Милостивый государь, Анатолий Анатольевич,

Письмом от 3 июня с.г. Вы обратились ко мне с просьбой высказать свое заключение по поводу ходатайства униатского митрополита графа Шептицкого о выдаче ему удостоверения в том, что секвестрованный у него нашими оккупационными властями во Львове архив будет ему возвращен по окончании войны.

По поводу этого считаю своим долгом сообщить Вам, что этот вопрос, по моему мнению, в принципе должен быть решен в положительном смысле, если по ознакомлении русских властей с содержанием архива, со стороны министра юстиции не встретится каких-либо препятствий.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении и преданности.

АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 161. Л. 270. Подлинник.

№ 14

Н.И.Бок — МИД России

№ 42

10/23 июня 1927 г.

Секретно

Во время недавней аудиенции папа выразил мне, как высоко он ценит удовлетворение Временным правительством его ходатайства за Шептицкого и Роппа, а также намерение наше предоставить свободу католической церкви, и высказался далее за желательность замещения ныне пустующих епископских кафедр. Последнее желание папы было повторено мне сегодня в статс-секретариате.

В виду вышеизложенного, прошу не отказать известить меня, как относится наше правительство к этому вопросу и, в случае нашего со-

гласия, сообщить мне имена наших кандидатов. Вакантные сейчас: кафедра Могилевского епископа-митрополита и кафедрального Люблинского епископа. По поводу последней, по назначении епископа, Святейший Престол взял бы на себя необходимые переговоры с австрийцами.

Н. Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 137. Л. 5. Машинописная копия.

№ 15

№ 47

17/30 июня 1917 г.

Секретно

Ссылаюсь на мою телеграмму от 27 мая.

Получил от кардинала старт-секретаря ноту с приложением меморандума, в котором подробно изложены вопросы, пересмотра коих добивается Ватикан. В ноте сказано, что переход у нас власти в руки правительства, подняв[шего] знамя свободы и равенства, пробудил в Святейшем Престоле надежду на наступление эры справедливости и свободы также и для русских католиков, что образ действий Временного правительства по отношению к Шептицкому и Роппу лишь укрепил эту надежду и что Св. Престол совершенно уверен, что правительство наше «проникнутое чувствами высокого беспристрастия и горячей любви к свободе, справедливости и праву» не преминет в самом скором времени исправить те тяжелые условия, в коих находилась католическая церковь в России при прежнем строе из-за исключительной строгости к ней нашего законодательства, усугубляющегося еще административными мерами.

Далее в ноте говорится, насколько важно и полезно для России в настоящее историческое для нас время как можно скорее уничтожить все стеснения для католиков, и приобщить их к дружному и мирному сотрудничеству всех русских граждан, а равно прочно согласовать действия нашего государства и католической церкви, и затем перечисляет в 9 пунктах разработанные в меморандуме те ограничения, упразднение коих ожидает Св. Престол.

- 1) Запрещение католикам непосредственных сношений с папой,
- 2) Цензура «Актов Св. Престола» министерством внутренних дел,
- 3) Запрещение применения некоторых постановлений декрета «Не темере» по смешанным бракам,
- 4) Стеснения вопреки манифесту 17 апреля 1905 г. перехода в католичество,
- 5) Запрет епископам покидать пределы своих епархий без разрешения министерства внутренних дел,
- 6) Стеснения в вербовке католического духовенства,

7) Затруднения, чинимые монашеским орденам и католическим союзам,

8) Запрещение внешней и внутренней катехизации и стеснения в выборе языка преподавания Закона Божия и

9) Затруднения, чинимые при постройке церквей и церковным сборам.

Во время сегодняшнего свидания я сказал кардиналу статс-секретарю, что не замедлю переслать меморандум по назначению, прибавив, что, в сущности, как ему, однако, известно из беседы со мной, а равно из разговора с недавно приезжавшим сюда бывшим членом Государственного совета Скирмутом, Св. Престол в данном случае стучится в открытую дверь. Меморандум и копию ноты вышлю с ближайшим курьером.

Н.Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 140. Л. 4—5. Машинописная копия.

№ 16

Н.И.Бок — М.И.Терещенко

№ 13

22 июня / 5 июля 1917 г.

Господин министр,

При сем препровождаю, в дополнение к телеграмме своей от 17/30 сего июня, за № 47, меморандум Св. Престола по вопросам, пересмотра коих добивается в настоящее время Ватикан, а равно копию приложенной к нему ноты, краткое содержание коей уже сообщено мною по телеграфу.

Стремление Ватикана к разрешению поднятых им теперь вопросов и пересмотру по ним нашего законодательства — понятно, так как соответствующие законы наши не только противоречат положениям католической церкви, но являются настолько стеснительными, что почти совершенно подрывают ее деятельность в России. Многие из этих вопросов имеют столетнюю и более давность и неоднократно служили уже предметом домогательств Ватикана. Естественно поэтому, что он старается использовать нынешнее время для их разрешения. О том, что они будут подняты теперь, я был предупрежден кардиналом статс-секретарем еще в мае, о чем тогда же телеграфировал.

Менее понятной кажется форма, в кою облек Ватикан свой настоящий шаг. Не довольствуясь перечислением своих пожеланий в ноте, он составил, и передал нам новый меморандум. В объяснение, кардинал статс-секретарь в ноте выражает предположение, что лица, стоящие во главе нашего правительства, не знакомы с условиями католической церкви в России, и вот в целях их осведомления и сообщена пространная записка. Та же мысль повторена им мне при свидании.

Думаю, что в данном случае была и другая побудительная причина — желание приписать себе, своему почину и своей заботливости успех дела. Как мне кажется, Ватикан, осведомленный уже о пересмотре нашего законодательства, касающегося католической церкви в России, послал свой обширный меморандум не только для того, чтобы поддержать ходатайства наших епископов и чтобы подтолкнуть, если возможно, настоящее дело, но и для того, чтобы иметь возможность сказать, что оно удалось благодаря его настоянию и энергии.

Небезразличную роль могло сыграть здесь и честолюбие бывших помощников монсиньора Пачелли, временно его замещающих. В то время, как сам монсиньор Пачелли, знаток русско-католических дел и автор действительно замечательного меморандума 1913 г., смотрел после нашей революции на наши католические дела, как на уже разрешенные, и говорил, что отныне все труды его по ним имеют лишь архивное значение, его помощники, в сущности, еще раз использовали их, составив нынешний меморандум, представляющий в сущности наскок сделанный сколок с труда Пачелли.

Насколько в свое время имели значение меморандумы 1912 и 1913 гг., настолько нынешний документ кажется излишним, и производит впечатление стучания в открытую дверь.

Не может быть действительно сомнения в том, что ограничения и стеснения, на которые жалуется Ватикан, будут отменены, как несовместимые со строем свободной России. Ведь первый, например, пункт меморандума — запрещение непосредственной переписки между папой и русскими католиками — представлял собой оскорбление католической церкви, никогда в сущности не достигал своей прямой цели. По свидетельству агентов по духовным делам, не более одного процента этой переписки проходило через их руки. Сам директор департамента духовных дел г. Менкин в 1913 г. сознавался мне, что 17-ая статья нашего Устава иностранных исповеданий имеет лишь историческое традиционное значение, но не соглашался, однако, с моим мнением, что сохранение ее, при фактической невозможности настаивать на ее точном исполнении, является бессмысленностью и даже унижительным для нас.

Еще хуже было дело с вопросом, коему посвящен второй пункт меморандума — с цензурой министерством внутренних дел над «*Acta Apostolicae Sedie*». Действия наших властей в данном случае не имели оправданием историческую давность, и основывались лишь на распространительном толковании той же устарелой 17-ой статьи. Впоследствии ли небрежности или просто из-за неосведомленности цензоров выходило, нередко, что совершенно безобидное распоряжение католической церкви не пропускалось министерством внутренних дел, в то время как распоряжения ее, действительно противоречащие нашим законам, проходили гладко, получали визу верховной власти и применялись у нас, пока министерство внутренних дел не замечало своей ошибки. Тогда начинались преследования епископов и духовенства за исполне-

ние распоряжения, одобренного цензурой и всеми остальными инстанциями. Как пример напрасной строгости можно привести судьбу энциклики Пия X¹⁰ «De diebus festis», обратным примером может служить декрет того же папы «Ne temere». Во время войны наши цензоры умудрились из 18-ти выпусков «Acta Apostolicae Sedis» за 1915 г. не пропустить 6-ти, то есть третьей части. Не только не была пропущена новая папская молитва о мире, но слова «рах» преследовались даже в старинных молитвословиях. Все недоумения и запросы миссии по сему поводу, конечно, оставались без ответа.

Чтобы не злоупотреблять вниманием Вашим и не повторять того, о чем неоднократно доносила миссия, я воздержусь от дальнейшего перечисления и разбора отдельных пунктов меморандума. Позволю себе, однако, остановиться на двух вопросах, уже дважды затрагивавшихся мною со времени революции, в телеграмме от 20 марта / 3 апреля, за № 18 и в донесении от 30 апреля / 13 мая, за № 89, и быстрое разрешение которых, по моему мнению, представляется крайне необходимым с точки зрения наших государственных интересов. Я говорю о русском языке в дополнительном богослужении и о смешанных браках. Трудно представить себе более удобный случай для их положительного разрешения. Связь их с меморандумом подсказывается не одним только желанием получить выгоду за выгоду и уступки за уступки, но также и тем, что третий пункт меморандума как раз касается смешанных браков и жалобы на запрещение применять у нас некоторые постановления «Ne temere», а восьмой пункт — языка преподавания Закона Божия, тесно связанного с языком молитв и богослужения.

Позволить же у нас действие декрета «Ne temere», требующего, чтобы все дети от смешанных браков были бы непременно католиками, значит поставить католическое вероисповедание в привилегированное по отношению к другим религиям положение, и нарушить этим принцип равенства. Лучшим выходом поэтому было бы распространение на Россию постановлений «Pro vida», то есть введение принципа, согласно которому религия детей определяется соглашением родителей.

Не менее важным для нас было бы допущение русского языка и его наречий в дополнительном богослужении. Покуда не будет достигнуто это, трудно предположить, чтобы родители, при выборе языка Закона Божьего для детей своих, останавливались на «нецерковном» и «небогослужебном» русском языке, хотя бы он и являлся для детей их родным.

Вот почему равноправие русского языка и его наречий с другими языками земного шара, и равноправие всех вероисповеданий при смешанных браках представляется мне той ценой, которую мы должны и можем получить от Ватикана за уступки ему по всем остальным затронутым в меморандуме вопросам.

Н. Бок

№ 17

**Письмо вице-директора департамента
духовных дел МВД России Тарановского
в Особый политический отдел МИДа России**

№ 3428

30 июня 1917 г.

В отношении от 21 сего июня, за № 598 Особый политический отдел сообщил о выраженном Римским папою российскому поверенному в делах при Св. Престоле пожелании замещения ныне же вакантных кафедр Могилевского р.-к. митрополита и Люблинского епископа. В связи с сим, поверенный в делах, согласно уведомления отдела, осведомляется об отношении Русского правительства к этому вопросу и просит сообщить ему имена наших кандидатов.

Вследствие сего Департамент духовных дел, по приказанию комиссара Временного правительства, профессора С.А.Котляревского, считает долгом поставить в известность Особый отдел, что вопрос о замещении кафедры Могилевского митрополита в настоящее время получил уже надлежащее движение, а именно министерство внутренних дел обратилось во Временное правительство с ходатайством о выяснении, путем дипломатических сношений, взгляда Римской курии относительно предоставления упомянутой должности Виленскому р.-к. епископу барону Роппу¹¹.

Что касается затем Люблинской кафедры, то в виду предстоящего в ближайшем времени рассмотрения Временным правительством законопроекта министерства внутренних дел по делам р.-к. церкви, каковым законопроектом предполагается назначение епископов предоставить власти Св. Престола, по сношению с русским правительством из кандидатов, избираемых местными духовными властями, представлялось бы более соответственным вопрос о замещении упомянутой кафедры оставить открытым, впредь до утверждения установленного указанным законопроектом нового порядка замещения епископских должностей.

И.д. директора, вице-директор
Тарановский

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 137. Л. 7—8. Подлинник.

№ 18

Н.И.Бок — М.И.Терещенко

№ 6

4/17 июля 1917 г.

Господин министр,

Едва ли существует другое собственное имя, которое встречалось бы так часто в донесениях миссии за последние годы, как имя Шептицкого. После нашей революции и освобождения Шептицкого, имени его все же суждено будет часто повторяться миссией, и не только пото-

му, что крутая перемена в нашем отношении к нему явилась первым и самым ярким признаком резкого перелома наших взглядов на католичество, но, главным образом, вследствие тесной связи Шептицкого с вопросами униатскими, самую жизнь поставленными ныне на очередь.

В прежнее время вопрос этот разрешался крайне просто. «Законодательство наше знает лишь римско-католиков и армяно-католиков, о греко-католиках оно не упоминает» — говорил г. Менкин, закрывая униатские храмы и не допуская въезда в Россию русско-подданных католических священников из-за принадлежности их к восточному обряду. Довод, что фактические русские униаты существуют, и что поэтому следует определить положение их в России, не признавался убедительным. Все красноречие миссии оставалось втуне, вопросы ее принимались за риторические.

Нынешнее правительство наше, как подтверждает отношение его к Шептицкому, не могло, конечно, остаться на прежней точке зрения и, очевидно, не преминет принять соответствующие решения для устройства униатских дел и создания их епархиального управления. Естественным для сего выходом казался бы путь соглашения с Ватиканом.

Вместе с тем, не имея по сему поводу никаких официальных данных, я читал, как в наших, так и во вражеских газетах, известие, повторенное также и здешней печатью и подтвержденное в частных письмах, о том, что Шептицкий использовал последнее время своего пребывания в России для организации у нас Униатской церкви, рукополагая священников и посвятив в сан епископа отца Федорова¹².

Известие это крайне смутило здешних русских католиков и подвергло тяжелому испытанию и русский их патриотизм, и преданность их Св. Престолу.

Патриотизму их непонятно, как может австриец во время войны организовать Русскую церковь, подчинять себе русское духовенство и русских мирян и, как говорилось в старинных актах, «отправлять над ними епископскую расправу», тем более, что австриец этот не только набожный пастырь, но в то же время сенатор вражеской монархии и глава политической партии, доброжелательство которой к России весьма сомнительно.

Не менее темен для них вопрос об его полномочиях или основаниях. Католическая церковь знает, правда, примеры широких полномочий ставить епископов и священников упрощенным, апостольским способом, но все примеры эти восходят к весьма древним временам и относятся к самым отдаленным, полудиким странам и, конечно, не могут применяться к России, связанной с Римом телеграфом и имеющей официальное представительство при Св. Престоле. Одинаково призрачна, кажется, ссылка на старинные полномочия по отношению к югу России, данные Урбаном VIII¹³ в первой половине XVII века, ибо с тех пор в корне изменилась вся политическая обстановка: в то время Львов и Киев находились в том же государстве, в несуществующей ны-

не Польше, с тех пор Киев более 250 лет принадлежит России, а Львов более 100 лет Австрии.

Ватикан не рассеял сомнения здешних русских католиков, ответив, что ничего не знает о деятельности Шептицкого в России, и что никогда не давал ему никаких по отношению к ней прав.

Что касается вообще отношений Ватикана к Шептицкому, то о них миссия в разное время писала довольно много. Насколько мне известно, Шептицкий никогда не был здесь на особенно хорошем счету, и, отдавая должное его заслугам, Ватикан не переставал осуждать его увлечений политикой. Только преследования и ссылки, коим мы его подвергали, сделали его временным героем в Ватикане и во всем католическом мире. Но даже и в то время, на декабрьской аудиенции, в разговоре со мною, папа строго осуждал его за прошлую политическую деятельность.

Последняя, действительно, не может не причинять беспокойства Св. Престолу. Ведь, как ни как, но на Россию Ватикан никогда не перестанет смотреть, как на тучную ниву, которая может дать ему когда-нибудь обильную жатву. Игра же Шептицкого способна сильно повредить таким расчетам. Слишком ярко клеймо его на прививаемом им католицизме, клеймо, если не австрофильства, то украинского сепаратизма, клеймо, дающее сильное оружие против католичества всем врагам его.

В самое последнее время мне пришлось слышать предположение здешнего польского публициста г-на Лорета, повторенное затем г-ном Скирмунтом, что из-за религиозных выгод Шептицкий, будто был бы готов ладить с новым русским правительством. Стать более русским, чем австрийцем. Но и такое «превращение» вряд ли могло бы быть одобрено Ватиканом, который в таком случае был бы поставлен в крайне неловкое положение по отношению к Австрии.

До некоторой степени знаменательна, по-моему, фраза, сказанная мне папой во время последней аудиенции моей, в начале прошлого месяца, о том, что он так рад благополучному разрешению дел Шептицкого и Роппа, в особенности дела Роппа. Та же фраза, с тем же подчеркиванием, была повторена им на днях при приеме одного русского гражданина. Предпочтение, отдаваемое Ропповскому делу, конечно, не может быть объяснено тем, что о разрешении его мы известили Ватикан своевременно, тогда как об освобождении Шептицкого сообщили с большим опозданием, а должно, как мне кажется, понимать так, что дело Роппа доставляет Св. Отцу исключительно радость, в то время как дело Шептицкого, кроме радости, причиняет известное беспокойство.

Откровеннее был со мною кардинал статс-секретарь. Когда вслед за освобождением Шептицкого появилось в газетах известие о намерении его прибыть в Рим, кардинал не скрыл от меня своего недовольства по этому поводу, сказав, что, по его мнению, Шептицкий должен был бы вернуться после столь долгого отсутствия в свою епархию, от-

дохнуть там, поправиться и затем, ознакомившись со всеми местными делами, мог бы, как полагается епископам, приехать в Рим *ad limita*, то есть для доклада епархиальных дел. Тут же кардинал прибавил, что он не видит причин к его приезду в Рим теперь и что приезд этот способен поднять напрасные толки и пересуды, тем более, что Шептицкий, хотя бы по внешнему виду, нигде не может пройти незамеченным.

Так говорил кардинал Гаспарри тогда. Теперь же, осведомленный о его самозванной деятельности в России, он говорит иначе. Он ждет его с нетерпением, чтобы осудить его за превышение власти и чтобы пресечь его вмешательство в русские дела. Как сказал мне кардинал Гаспарри еще сегодня, никаких полномочий Ватикана для России Львовский митрополит не имеет. Ссылка его на устное разрешение, будто бы данное ему покойным Пиетом X, ни для кого неубедительна и, по объяснению кардинала Мерри дель Валя, ошибочно им понято. После свидания с Бенедиктом XV, заключил кардинал статс-секретарь, Шептицкий, конечно, перестанет ссылаться на это разрешение и должен будет вернуться в свою епархию, чтобы заниматься там исключительно делами действительно вверенными его ведению.

Н. Бок

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 122. Л. 59—61об. Подлинник.

№ 19

Н.И.Бок — МИД России

№ 56

7/20 июля 1917 г.

Секретно

Ссылаюсь на отношение от 4 сего июля № 16.

Лично и совершенно доверительно.

Ватикан строго осуждает Шептицкого за его деятельность в России: полномочия его считаются несуществующими. По приезде в Рим ему будет внушено заниматься делами собственной епархии и не вмешиваться впредь в русские дела.

АВПРИ.Ф. 135. Оп. 474. Д. 161. Л. 193. Машинописная копия.

№ 20

**Представление департамента духовных дел МВД
«О назначении епископа Роппа Могилевским архиепископом
и об ассигновании средств на расходы по преконизации
и на выдачу пособия названному епископу на обзаведение»**

№ 3690

15 июля 1917 г.

Озабочиваясь замещением вакантной с 1914 года кафедры Могилевского архиепископа-митрополита римско-католической в России церкви, министерство внутренних дел остановилось на предложении

представить эту кафедру Виленскому римско-католическому епископу барону Эдуарду Роппу.

По сообщению министерства иностранных дел, кандидатура названного епископа на означенную кафедру встречает полное сочувствие и со стороны Римской курии.

В виду изложенного, вменяю себе в обязанность обратиться ко Временному правительству с ходатайством, не признает ли оно возможным поручить министерству иностранных дел вступить в официальные сношения с Ватиканом о назначении епископа Роппа Могилевским архиепископом-митрополитом.

Преконизация римско-католических епископов сопряжена с уплатою в пользу Римской курии так называемых «аннат». По соглашению правительства нашего с папою 1842 года для Российского государства установлена такса на «аннаты» в размере 1300 скуди (примерно 2800 руб[лей]) за преконизацию архиепископа. Вместе с тем, по установившейся практике, духовным лицам, возводимым в сан архиепископа, выдается пособие в размере 2000 руб[лей] на расходы по обзаведению и устройству облачения по сану.

Вследствие этого, и во избежание замедления в получении папских булл для помянутого духовного лица, считаю долгом испрашивать разрешение Временного правительства на ассигнование ныне же 2800 руб[лей] — на расходы по преконизации в распоряжение нашей миссии при Апостольском Престоле для передачи по принадлежности и 2000 руб[лей] — в пособие на обзаведение, с отнесением расхода в 4800 руб[лей] на остатки от содержания римско-католического духовенства в государстве.

За министра внутренних дел

Комиссар Временного правительства
С.А.Котляревский

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1414. Л. 14—14об. Подлинник.

№ 21

Письмо департамента духовных дел МВД в МИД России

№ 3691

15 июля 1917 г.

При отношении от 11 сего июля, за № 682, министерство иностранных дел препроводило копию секретной телеграммы российского поверенного в делах при Св. Престоле от 17 мин[увшего] июня, за № 47, излагающую содержание ноты и меморандума курии, в коих последняя перечисляет те ограничения католической церкви в России, упразднения которых она ожидает.

Ограничения эти, как видно из помянутой телеграммы, сводятся к следующим девяти пунктам:

- 1) запрещение католикам непосредственных сношений с папою,
- 2) цензура «Актов Святейшего Престола» министерством иностранных дел,

3) запрещение применения некоторых постановлений декрета «не темере» по смешанным бракам,

4) стеснения вопреки манифесту 17 апреля 1905 года перехода в католичество,

5) запрет епископам покидать пределы своих епархий без разрешения Министерства внутренних дел,

6) стеснения в вербовке католического духовенства,

7) затруднения, чинимые монашеским орденам и католическим союзам,

8) запрещение внешкольной и внецерковной катехизации и стеснения в выборе языка и преподавания Закона Божия, и

9) затруднения, чинимые постройке церквей и церковным сборам.

Вследствие сего считаю долгом сообщить Вам нижеследующие сведения по содержанию высказанных Святейшим Престолом пожеланий.

С воссозданием в России нового строя государственной жизни, Временное правительство вменило себе, между прочим, в обязанность укрепить на незыблемых основаниях начала полной вероисповедной свободы. В видах согласования с этими началами действующих по делам веры законоположений при министерстве внутренних дел образовалось под председательством комиссара Временного правительства, профессора С.А.Котляревского, Особое совещание по вопросам общим для всех исповеданий и специальная комиссия по пересмотру законодательства, определяющего положение р.-к. церкви в России. В состав этой Комиссии приглашены были представители р.-к. духовенства с Виленским р.-к. епископом бароном Роппом и управляющим Могилевской р.-к. архиепархией епископом Цепляком во главе, некоторые члены законодательных палат, представители ведомств православного исповедания, военного, министерства юстиции, внутренних и иностранных дел, народного просвещения, представители науки, общественные деятели и другие лица, известные своими познаниями в области вероисповедных вопросов.

Результатом работ помянутых Особого совещания и Комиссии, приступивших к занятиям еще в первых числах мая сего года, явилось составление законопроектов: «О свободе совести» и «Об изменении действующего законодательства по делам р.-к. церкви в России», внесенных 10 июля с.г. на уважение Временного правительства.

По существу затронутых курией вопросов, означенными законопроектами предположено издание нижеследующих правил:

1 и 2) В отношении сношений католиков с папою и цензуры министерством внутренних дел «Актв Святейшего Престола».

Отменяется ст[атья] 17 Уст[ава] ин[остранных] исп[оведаний] Т. XI, ч. 1, изд. 1896 г., в силу коей сношения католиков с Римской курией допускались не иначе, как через министра внутренних дел, а для приведения в действие в России актов папского управления требовалось высочайшее разрешение.

4) В отношении вероисповедных перемен.

Каждому гражданину обеспечивается свобода совести. Поэтому пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры. Узаконяется вневероисповедное состояние.

Вероисповедание малолетних до 9-летнего возраста определяется их родителями. При отсутствии соглашения родителей малолетние следуют вероисповеданию матери. Для перехода, достигших 17-летнего возраста, из одного вероисповедания в другое или признания себя непринадлежащим ни к какой вере, не требуется разрешения какой-либо власти. Правовые отношения, вытекающие из принадлежности к данному исповеданию, прекращаются письменным или устным заявлением оставляющего это исповедание подлежащему органу местного самоуправления.

Переход в другое исповедание совершается путем прямого обращения к подлежащим духовным лицам или общинам. Лица, не достигшие 17-летнего возраста, но имеющие более 14 лет, могут осуществлять такие права не иначе, как с согласия родителей, усыновителей, попечителей или опекунов.

Малолетние до 9 лет могут быть обращаемы в другое вероисповедание при переходе в таковое обоих родителей или родителя, оставшегося в живых. При переходе же одного из родителей в другое исповедание и отсутствии между родителями соглашения, малолетние, не достигшие 9-летнего возраста, остаются в прежнем исповедании.

Малолетние в возрасте свыше 9 лет не могут быть переводимы в другое исповедание без их согласия.

Акты гражданского состояния лиц, не принадлежащих ни к какому вероисповеданию, ведутся органами местного самоуправления.

5) В отношении отлучек р.-к. епископов из пределов своих епархий.

Отменяется прим[ечание] 1 к ст[атье] 97 Уст[ава] ин[остранных] исп[оведаний] по прод[олжению] 1906 г., подчиняющее отлучки р.-к. епархиальных начальников в другие епархии разрешению министерства внутренних дел.

6) В отношении замещения р.-к. духовных должностей.

Право замещения духовных должностей в капитулах, консисториях, Академии, семинариях и в приходах предоставляется р.-к. епархиальным начальникам с доведением о том лишь до сведения местной гражданской власти: предварительное соглашение с русским правительством требуется лишь при назначении курией р.-к. епархиальных начальников и архиепископом-митрополитом ректора Академии. Законоучители р.-к. исповедания всех учебных заведений по всем ведомствам определяются подлежащею учебною властью, не иначе, как по предложению местного р.-к. епархиального начальника.

7) В отношении р.-к. монашеских орденов и католических союзов.

Р.-к. религиозные общества, братства, конгрегации и монашеские ордена в отношении их возникновения и регистрации подчиняются общему порядку, установленному постановлением Временного правительства от 12 апреля 1917 г. для всякого рода обществ и союзов. Вме-

сте с тем допускается беспрепятственный въезд в пределы государства иезуитов на общих основаниях.

8) В отношении катехизации и выбора языка преподавания р.-к. Закона Божия.

Устройство школ р.-к. духовенством, приходами и монастырями допускается на общих основаниях, устанавливаемых законами для всех частных учебных заведений.

Обучение Закону Божию р.-к. исповедания производится на родном языке учащихся, определяемом письменным заявлением родителей или опекунов учащихся.

9) В отношении костелостроительства и сбора добровольных пожертвований.

Разрешение постройки и ремонта р.-к. церквей, каплиц и подвижных алтарей, а равно допущение богослужений на переносных алтарях, предоставляется власти р.-к. епископов. При этом постройка новых церквей и ремонт обветшавших и разрушенных производится по планам, утверждаемым органами техническо-строительного надзора.

Равным образом, в руках подлежащих р.-к. епархиальных начальников сосредотачивается вся полнота власти по выдаче разрешений на производство сбора добровольных пожертвований, на храмостроительство и на другие религиозные нужды.

Что касается, наконец, пожелания Римской курии об отмене запрета, относящегося к некоторым постановлениям декрета «не темере» (п. 3 меморандума), то таковое будет принято в соображение при предстоящем пересмотре действующего законодательства о смешанных браках.

Принимая во внимание, что приведенным выше перечнем не исчерпываются все намеченные министерством внутренних дел мероприятия по делам р.-к. церкви, считаю долгом препроводить при сем копию внесенного министерством 10 мин[увшего] июня на уважение Временного правительства законопроекта «Об изменении действующего законопроекта по делам р.-к. церкви в России» на случай, если бы Вами было признано соответственным довести таковой до сведения Римской курии.

За министра внутренних дел

Комиссар Временного правительства
С. Котляревский

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 140. Л. 12—14об. Подлинник.

№ 22

**Представление департамента духовных дел МВД
«О назначении управляющего Могилевскою р.-к. архиепархией
епископа Цепляка Виленским р.-к. епископом»**

№ 3879

29 июля 1917 г.

В представлении от 20 мая с.г., за № 2510 министерство внутренних дел обратилось к Временному правительству с ходатайством о вступлении в дипломатические сношения с Ватиканом, между прочим,

о назначении Виленского р.-к. епископа барона Роппа митрополитом р.-к. церквей¹⁴.

Согласно телеграмме запрошенной по этому предмету нашего поверенного в делах при Св. Престоле, кандидатура епископа барона Роппа на митрополичью кафедру встретила полное сочувствие Римской курии, в связи с чем возникает вопрос о замещении имеющейся открыться вакансии кафедры Виленского р.-к. епархиального начальника.

Озабочиваясь скорейшим замещением этой кафедры, министерство остановилось на предположении предоставить ее управляющему Могилевской р.-к. архиепархией, епископу-суффрагану Иоанну Цепляку.

По окончании курса наук в Келецкой р.-к. духовной семинарии и р.-к. духовной академии, епископ Цепляк в течение 26 лет, с 1882 по 1908 г., состоял профессором догматического богословия в р.-к. духовной Академии, где проявил свои выдающиеся научные и педагогические способности, в уважении которых удостоен степени доктора богословия; в период времени с 1904 г. по 1907 г. Он был заседателем р.-к. духовной Коллегии от Келецкой епархии, а в 1908 г. получил назначение на должность епископа-суффрагана Могилевской архиепархии и члена р.-к. духовной Коллегии. С самого начала своей епископской деятельности Цепляк обнаруживал весьма ревностное попечение о делах архиепархии, и по кончине в 1909 г. митрополита Внуковского, предпринял объезд восточной ее части, причем посетил отдаленные местности Сибири и остров Сахалин. После сложения сана в августе 1914 года митрополитом Ключинским, епископ Цепляк был утвержден в должности управляющего Могилевской архиепархией, каковую должность занимает поныне.

Соединяя высокую образованность и ортодоксальность с тонким тактом и испытанными административными способностями, епископ Цепляк, благодаря личным свойствам его характера, пользуется уважением и симпатиями подведомственной ему католической паствы.

Оценивая выдающиеся дарования и заслуги епископа Цепляка, министерство внутренних дел 19 [инувшего] июня, за № 1936, вошло к Временному правительству с представлением, в коем ходатайствовало о склонении Римской курии к возведению епископа Цепляка в почетный сан архиепископа, в видах справедливой служебной компенсации его в случае принятия Апостольским Престолом предложенной правительством кандидатуры епископа Роппа на пост митрополита.

В виду изложенного, вменяю себе в обязанность просить Временное правительство, не признает ли оно возможным, путем дипломатических сношений, осведомиться в папском статс-секретариате относительно мнения курии о предоставлении кафедры Виленского р.-к. епископа управляющему Могилевской архиепархией, епископу-суффрагану Иоанну Цепляку¹⁵.

За министра внутренних дел

Комиссар Временного правительства
С. Котляревский

№ 23

А.А.Нератов — Н.И.Боку

№ 794

7 августа 1917 г.

Милостивый государь, Николай Иванович

В заседании 26 мая мин[увшего] июля Временным правительством был принят законопроект «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католических церквей».

В основу этого законопроекта положены начала полной вероисповедной свободы и автономии римско-католической церкви в России.

В соответствии с этими началами подверглись отмене все ограничения этой церкви, существовавшие до сего времени в нашем законодательстве.

Как Вы усмотрите из означенного законопроекта, Вам при сем препровождаемого, почти все без исключения пожелания Римской курии, высказанные в меморандумах 1912 и 1913 гг., и повторенные в ее последнем меморандуме от 10/23 июня с.г. — получают ныне полное удовлетворение.

Вырабатывавшая законопроект комиссия по делам римско-католической церкви приступила к своим занятиям 5 мая с.г., и уже 10 мин[увшего] июня законопроект был внесен министерством внутренних дел на уважение Временного правительства. Считаю нужным отметить эти даты, дабы установить тот факт, что инициатива коренного пересмотра нашего законодательства по делам римско-католической церкви принадлежит всецело Временному правительству, и что побуждением к таковому пересмотру никак не мог явиться вышеупомянутый 3-й меморандум курии, лишь на этих днях полученный в министерстве. Таким образом, вполне подтверждается высказываемое Вами (в Вашей депеше от 22 мин[увшего] июня, № 13) предположение о том, что этот меморандум является, в сущности, уже излишним документом и что самое составление его Ватиканом, прекрасно осведомленным о ходе пересмотра нашего законодательства, объясняется скорее всего желанием курии приписать себе успех дела и без того обеспеченный.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Нератов

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 140. Л. 17—17об. Рукописная копия.

№ 24

Севастопуло¹⁶ — МИД России

№ 874

21 августа / 3 сентября 1917г.

Секретно

Только что вернувшийся из Эвиана около Швейцарской границы сербский посланник сказал мне, что, по полученным им сведениям,

папа намерен возвести Шептицкого в кардинальский сан и поставить его во главе дела католической пропаганды в России; Ватикан считает, что создавшееся у нас положение представляет особенно благоприятные условия для такой пропаганды. Посланник прибавил, что это был первый пример возведения униатского епископа в кардинальский сан.

АВПРИ.Ф. 135. Оп. 474. Д. 24. Л. 3. Машинописная копия.

№ 25

Н.И.Бок — А.А.Нератову

№ 76

3/16 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на Ваш № 3642

Как подтвердило мне вчерашнее свидание с кардиналом статс-секретарем, вернувшимся ныне в Рим, Ватикан ждет с нетерпением сообщения ему текста, одобренного Временным правительством законопроекта «Об изменении действующего законодательства по делам Римско-католической церкви в России», для выражения своего мнения о нем и для представления возможных своих возражений. Приветствуемый им новый порядок епископских назначений вызывает, однако, некоторое недоумение в части, касающейся составления кандидатских списков «местными духовными властями согласно каноническим правилам». Способ этот, правда, существующий в некоторых странах, как исключение или привилегия на основании старинных конкордатов, признается Ватиканом неудовлетворительным и весьма стеснительным как для государства, так и для Св. Престола и отвергнут им во всех соглашениях, заключенных за последнее время. Разделяя со своей стороны точку зрения Ватикана по данному вопросу, считаю, что предоставление капитулам права выбора кандидатов особенно невыгодно для нас при наличности у нас епархий со смешанным населением, часто из враждующих между собой национальностей, ибо ставит епископское назначение в зависимость или от случайного или от тенденциозно подобранного состава капитула, и дает возможность закрепить епископскую кафедру за отдельной партией или национальностью вопреки желаниям подавляющего большинства епархии.

Н.Бок

АВПРИ.Ф. 136. Оп. 890. Д. 140. Л. 41. Машинописная копия.

№ 26

Н.И.Бок — МИД России

№ 75

12/25 сентября 1917 г.

Секретно

Швейцарские слухи о намерении папы возвести Шептицкого в кардинальское достоинство находятся в полном противоречии с имею-

щимися у меня сведениями и опровергаются самым категорическим образом кардиналом статс-секретарем

Об отношении Ватикана к Шептицкому и, в частности, к деятельности его в России, я писал в донесении четвертого июля, № 16. Приезд Шептицкого в Рим не мог состояться из-за затруднений, чинимых итальянским правительством. Вследствие сего, как сказал мне сегодня кардинал Гаспарри, папа, к сожалению, был лишен возможности лично запретить Шептицкому вмешиваться в церковные дела России и должен был ограничиться письменным запретом.

АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 161. Л. 208. Машинописная копия.

№ 27

А.И.Лысаковский — МИД России

№ 79

19 сентября / 2 октября 1917г.

На торжественном приеме по случаю вручения верительных грамот, папа просил меня передать Временному правительству чувства живейшего удовлетворения по поводу наших новых законоположений о католической церкви, которые дадут создание близких отношений между Ватиканом и Россией на новых началах.

Первые мои впечатления указывают на искренность этих слов Бенедикта XV-го. Полагаю, однако, что он, как папа-политикан, придающий большое значение внешним формам, связанным с его величием, несколько сожалел, что мы с ним предварительно не сговорились по этим вопросам. Считал бы поэтому желательным, хотя бы извещать, но заблаговременно, папу чрез вверенную мне миссию о всех наших мероприятиях, имеющих отношение к интересам католичества. Это несомненно облегчит задачу воздействия на папу по вопросам международно-политического характера.

Лысаковский

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 140. Л. 44. Машинописная копия.

№ 28

А.В.Каргашев¹⁷ — М.И.Терещенко

№ 4929

12 октября 1917 г.

Милостивый государь, Михаил Иванович

26 июля сего года состоялось вошедшее ныне в силу постановление Временного правительства: «Об изменении действующего законодательства по делам р.-к. церкви в России» (Собр. Узак. и распоряжений правительства от 25 августа 1917 г., № 204 ст. 1287). Согласно разделу V этого постановления: «Действие законоположений по делам р.-к. церкви в России распространяется на церковное управление этой церкви

всех обрядов с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого из этих обрядов в законодательном порядке». Таким образом, с изданием означенного постановления, греко-католический обряд, являющийся, наряду с обрядом армяно-католическим, одним из разветвлений единой в каноническом отношении римско-католической церкви, получил признание в пределах Государства Российского.

В бытность в июне сего года в Петрограде Львовский митрополит Андрей Шептицкий, заявив, что католики восточного обряда в России в каноническом отношении подчинены ему, обратился к бывшему комиссару Временного правительства, а ныне товарищу министра исповеданий профессору С.А.Котляревскому с просьбой признать протопресвитера Леонида Ивановича Федорова, назначенного им, митрополитом Шептицким, в качестве экзарха греко-католической церкви в пределах Государства Российского. В виду настоятельной просьбы митрополита, протопресвитеру Федорову, по распоряжении б. министра-председателя и министра внутренних дел князя Львова, было выдано соответствующее удостоверение от 2 июня с.г. за № 2797. Являясь с того времени фактическим представителем католиков восточного обряда в России, протопресвитер Федоров возбудил перед министерством исповеданий ряд ходатайств, касающихся устройства духовного быта русских католиков, а именно: об ежегодном отпуске из казны средств на содержание личного состава духовенства русской католической церкви греко-католического обряда, о предоставлении в Петрограде помещений под греко-католическую церковь, канцелярию экзарха и квартиры для подведомственных экзарху русско-католических священников, о выдаче настоятелям приходов греко-католических церквей метрических книг, о предоставлении ему права снабжать греко-католических священников паспортами и выдаче для этой цели паспортных книжек и др.

Удовлетворение означенных ходатайств встречает известные затруднения в виду того, что греко-католическое исповедание, хотя и получило признание в России, в противоположность другим обрядам католической церкви, не имеет еще установленной в законном порядке церковной организации. В то время, как обряды римско-католический и армяно-католический в области церковного управления возглавляются епископатом и апостольским администратором, которые, по новому закону, назначаются Апостольским Престолом по соглашению с русским правительством, греко-католическое исповедание, строго говоря, не имеет еще полно-личного духовного управления, назначенного в таком именно порядке.

В виду изложенного, обращаюсь к Вам с просьбой не отказать в распоряжении о выяснении дипломатическим путем, в непродолжительном, по возможности, времени, какие существуют у Римской курии предположения относительно организации у нас духовного управления католиков восточного обряда и, в частности, кто именно будет поставлен во главе этого управления.

О последующем благоволите меня уведомить.
С совершенным уважением и преданностью А.Карташев
АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 155. Л. 2—Зоб. Подлинник.

№ 29

А.И.Лысаковский — МИД России

№ 95

13/26 сентября 1917 г.

За месячное пребывание в Риме вынес следующие определенные впечатления:

1. Папа стремится главным образом к возвеличиванию престижа своего и видит в мирных переговорах верный способ достижения этой цели.

2. Условия мира ему лично безразличны, но, конечно, Ватикан всегда будет стремиться к поддержанию католических государств и в особенности Австрии, где сосредоточены его капиталы.

3. Наши законы о католической церкви открывают, однако, Св. Престолу новые горизонты и ему уже мерещится новая слава воссоединения церквей. Так как эта возможность связана с нашей революцией, то симпатии папы к Временному правительству, если не к России, несомненно искренни.

5. В Ватикане существует некоторое недовольство ответами центральных государств, в которых нет указаний на основания мира — Бельгия и так далее — на которые надеялся папа.

6. Наконец. Личность папы, как неограниченного властелина, играет большую роль и со свойствами его характера следует считать, в особенности в области, указанной мною в моей телеграмме № 79.

Лысаковский

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 113. Л. 90. Машинописная копия.

№ 30

А.И.Лысаковский — МИД России

№ 96

13/26 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 95.

Папа поручил мне передать Временному правительству выражение его дружбы и симпатии. Полагаю, что папа, подробно ознакомившись с нашими новыми законами о церкви, желал принести нам этим путем свою благодарность и вместе с тем одновременно косвенно выразить свое сочувствие к нам в тяжелое для нас время. Считал бы желательным передать папе благодарность Временного правительства за выраженные чувства. Могут ли это сделать?

Лысаковский

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 113. Л. 90. Машинописная копия.

№ 31

А.А.Нератов — Н.И.Боку

№ 1084

21 октября 1917 г.

Секретно

Согласно вошедшему в силу добавлению к разделу о римско-католической церкви в России, действие означенного законоположения распространяется на управление этой церкви всех обрядов. Таким образом, у нас получил признание и греко-католический обряд. Однако, он еще не имеет установленной в законном порядке церковной организации.

В виду этого Министр исповеданий просит осведомиться, какие существуют у курии предположения относительно организации у нас духовного управления католиков восточного обряда и, в частности, кого именно папа желал бы поставить во главе этого управления.

Благоволите выяснить этот вопрос, не предрешая отношения к нему Временного правительства.

Имейте в виду, что для нас, во всяком случае, нежелательно подчинение униатской церкви в России зарубежной Львовской митрополии, к чему, по-видимому, стремится Шептицкий.

АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 155. Л. 5. Машинописная копия.

Примечания

¹ *Гаспарри П.* — кардинал Римско-католической церкви, статс-секретарь Римской курии.

² *Миллюков П.Н.* (1859—1943) — в марте—мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства.

³ *Распутин Г.Е.* (1865—1916) — один из самых известных царских фаворитов.

⁴ *Пачелли Э.* (1876—1958) — помощник статс-секретаря. В 1939 г. избран папой Римским, принял имя Пий XII.

⁵ *Нератов А.А.* (1863—?) — выходец из потомственных дворян Казанской губернии. Воспитанник Императорского Санкт-Петербургского Александровского лицея. По окончании его (1883) «выпущен в государственную службу с чином девятого класса». В 1906—1917 гг. вице-директор 1-го департамента министерства иностранных дел, представитель МИД в Совете Императорского палестинского общества, камергер Императорского Двора, товарищ министра иностранных дел, временно управляющий министерством. Гофмейстер, член Государственного Совета (1917 г.).

⁶ Из журнала заседания Временного правительства от 9 мая 1917 г., № 73: «Слушали: п. 1. Представление МВД: а) О восстановлении барона Э.Роппа в должности Виленского римско-католического епископа и о разрешении ему возвратиться в свою епархию.

Постановили: Уволенного от должности Указом Правительствующему Сенату от 1 октября 1907 г. Виленского римско-католического епископа барона Э.Роппа восстановить в этой должности с разрешением ему вернуться в свою епархию» (ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 8. Л. 160).

⁷ *Терещенко М.И.* (1888—1956) — член Временного правительства: в марте—апреле — министр финансов, в мае—октябре — министр иностранных дел.

⁸ *Столыпин П.А.* (1862—1911) — министр внутренних дел.

⁹ *Львов Г.Е.* (1861—1925) — с марта по июль 1917 г. премьер-министр Временного правительства.

¹⁰ *Пий X (Джузеппе Мельгиор Сарто)* (1835—1914) — избран папой Римским в 1903 г.

¹¹ В журнале заседаний Временного правительства от 20 мая 1917 г., № 84 было записано: «Слушали: п. 3. Представление МВД по вопросу о предоставлении Виленскому римско-католическому епископу барону Роппу кафедры Могилевского Архиепископа-Митрополита римско-католических церквей в России и о назначении ректора Петроградской римско-католической дух[овной] академии прелата Радзишевского Полоцким епископом-суффраганом. Постановили: Предоставить министру иностранных дел выяснить дипломатическим путем мнение Римской курии относительно намечаемых назначений епископа барона Роппа и прелата Радзишевского» (ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 8. Л. 190).

¹² *Федоров Л.И.* (1879—1935) — в 1901 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, однако в 1902 г. оставил ее. Находясь в Риме, принял католичество и поступил в семинарию в Ананьи. В 1907 г. получил звание бакалавра богословия, но в 1908 г. вынужден был прекратить обучение под угрозой запрета возвратиться в Россию. Поступил во Фрайбургский университет (ими владели доминиканцы) под именем американца Антонио Кремони и в 1909 г. его окончил. В 1911 г. в Константинополе болгарский католический епископ восточного обряда Михаил Мирон рукоположил его во священники. В 1913 г. стал монахом, при постриге получил имя Леонтий. В 1914 г. по возвращении в Петроград был арестован как агент митрополита Шептицкого и сослан в Тобольск. После Февральской революции Шептицкий назначил его своим представителем на территории России, за исключением Малороссии и Белоруссии. Временное правительство приглашало Федорова как представителя греко-католической церкви в России, для участия в работе комиссии по делам католической церкви в России. 1 октября правительство признало за униатской церковью право на легальную деятельность в России. См. о нем: «Истина и жизнь». 1991. № 3—4.

¹³ *Урбан VIII (Маффео Барберини)* — в 1623 — 1644 гг. папа Римский

¹⁴ Из Журнала заседаний Временного правительства от 5 августа 1917 г., № 148: «Слушали: п. 1. Представление МВД: а) О назначении епископа барона Роппа Могилевским Архиепископом-Митрополитом. Постановили: 1. Поручить министерству иностранных дел вступить в официальные сношения с Ватиканом о назначении епископа барона Эдуарда Роппа Могилевским Архиепископом. 2. Отпустить из наличных средств государственного казначейства 4800 руб[лей], из коих 2800 руб[лей] — на преконизацию епископа Роппа в распоряжение нашей миссии при апостольском Престоле и 2000 руб[лей] — в пособие епископу Роппу на обзаведение, с отнесением упомянутого расхода на остатки от кредитов на содержание римско-католического духовенства» (ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 12. Л. 20).

¹⁵ Из журнала заседаний Временного правительства от 8 августа 1917 г., № 150: «Слушали: п. 10. Представление МВД: а) О назначении управляющего Могилевскою римско-католическою архиепархией епископа Цепляка Виленским римско-католическим епископом. Постановили: Поручить министерству иностранных дел озаботиться выяснением путем дипломатических отношений мнения Римской курии относительно предположения Временного

правительства о предоставлении кафедры Виленского римско-католического епископа управляющему Могилевскою римско-католическою архиепархиею, епископу-суффрагану Иоанну Цепляку» (ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 12. Л. 61).

¹⁶ *Севастопуло М.М.* (1865—?) — окончил Новороссийский университет. Затем на государственной службе: министерство финансов (1888 г.), чиновник особых поручений при Санкт-Петербургском губернаторе (1891 г.), министерство внутренних дел (1893 г.). С 1894 г. — в министерстве иностранных дел.

¹⁷ *Карташев А.В.* (1875—1960) — историк, философ, политический деятель. С марта 1917 г. товарищ обер-прокурора Св. Синода, с июля — обер-прокурор, с августа 1917 г. — министр исповеданий Временного правительства.

«МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ВВЕСТИ ВАС В “ИНТИМНУЮ СТОРОНУ” НАШЕГО ПАРТИЙНОГО БЫТИЯ»

Письмо Б.С.Васильева П.Б.Аксельроду.
1921 г.^а

Публикуемый документ представляет собой рассказ о политическом положении в России и своего рода отчет о деятельности меньшевистской партии в первой половине 1921 г. Главный смысл и пафос письма состоит в том, что его автор называет «интимной», т.е. скрытой от посторонних глаз и не подлежащей широкой огласке стороне деятельности РСДРП. Речь идет о разногласиях между «правыми» и «левыми» меньшевиками, причем, не столько об их теоретической подоплеке (она в основном остается «за кадром»), сколько о том, что, собственно, представляли собой оба партийных фланга в 1921 г., как складывались их взаимоотношения и какова была созданная этими разногласиями атмосфера внутри партии.

Факт раскола, в основе которого лежала различная оценка природы и перспектив Октябрьского переворота и большевистской власти¹, отнюдь не был секретом ни для автора, ни для адресата письма. Первый — член партии с 1905 г., глава Донского комитета РСДРП Б.С.Васильев (Угрюмов) — являлся одним из деятельных представителей «правых» меньшевиков; второй — корифей мирового рабочего и социалистического движения П.Б.Аксельрод — с 1920 г. был непосредственным участником публичной и получившей общеевропейский резонанс полемики с лидером «левых» Ю.О.Мартовым, в ходе которой критиковал теоретические построения и тактическую линию ЦК РСДРП с «правых» позиций². Собственному выступлению в рамках этой дискуссии патриарх российской социал-демократии придавал значение своего политического завещания.

---

^а Публикация подготовлена при финансовой поддержке Research Support Scheme Института «Открытое общество» фонда Дж. Сороса (грант № 10/1999).

¹ Подробнее о деятельности «правых» меньшевиков и их разногласиях с лево-центристским ЦК РСДРП в 1918—1920 гг. см.: Ненароков А., Павлов Д., Розенберг У. В условиях официальной и полуофициальной легальности. Январь—декабрь 1918 г. Документально-исторический очерк // *Меньшевики в 1918 году* / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков. М., 1999 [Предисловие]; они же. *Оппозиция в рамках советской системы: дрейф «влево». Историко-документальный очерк // Меньшевики в 1919—1920 гг.* / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков. М., 2000 [Предисловие].

² Полный текст сентябрьского 1920 г. письма П.Б.Аксельрода Ю.О.Мартову см.: Ненароков А.П., Павлов Д.Б. Политическое завещание П.Б.Аксельрода // *Россия XXI*. 1999. № 6. С. 94—135.

Таким образом, перед нами переписка единомышленников, точнее — ситуация, в которой заслуженный член партии обращался к одному из ее основателей и идеологов как к высшему арбитру, сознавая при этом близость своих убеждений взглядам собеседника. Главная задача Васильева (как нам кажется, он ее с успехом решил), заключалась в том, чтобы, опираясь на конкретные данные, показать, что, гонимые и полируемые официальным партийным руководством, «правые» не только продолжали действовать, но и постепенно завоевывали в РСДРП большинство, самым фактом своего существования доказывая ошибочность и бесперспективность линии ЦК. Ни один из известных нам меньшевистских документов столь подробной и точной с фактической точки зрения информации на этот счет не содержит.

Письмо было написано в переломный для партии момент, когда после введения в Советской России «новой экономической политики» в РСДРП вновь проснулась надежда, что одновременно с отказом большевиков от «военно-коммунистических» порядков в экономике последует хотя бы некоторое смягчение их диктатуры. Демократизации большевистского режима меньшевистская партия добивалась всегда и теперь надеялась, что состоявшееся, наконец, «торжество» ее принципов приведет к прекращению гонений на РСДРП. В описанных условиях в меньшевистских кругах наблюдался общий подъем и шло активное обсуждение возможных вариантов развития событий. «Левые», полагая, что пришло время давно ими предсказанной «либерализации» большевистской диктатуры, строили планы возвращения в конструктивно-оппозиционную ипостась времен первых месяцев большевистского господства; «правые» продолжали настаивать на несбыточности подобных ожиданий. Из информации Васильева следовало, что значительное большинство рядовых членов партии разделяло точку зрения именно «правых» и, как мы знаем теперь, в своих прогнозах не ошиблось.

Корреспондент Аксельрода являлся одним из наиболее последовательных, ярких и убежденных критиков официального меньшевизма. «Официальная социал-демократия, — писал Васильев, — утратила весь свой революционный энтузиазм, растеряла не только политические, но и моральные ценности, абсолютно оторвалась от массового движения... и выродилась в партию «ответственной оппозиции», которую сами ее идеологи сравнивают с кадетским либерализмом дореволюционного периода и которая, по нашему общему мнению, может быть уподоблена даже не левому, а правому октябризму». В этой и подобных сентенциях содержался известный полемический перехлест, но все же многое было справедливо.

Что касается фактической стороны послания Васильева, то его сведения резко контрастировали с многочисленными заявлениями ЦК о слабости и невлиятельности «правого» крыла и единодушии, с которым на общепартийных совещаниях 1918—1920 гг. принимались документы, разработанные «левыми» руководителями партии. В такой ситуации репрессивные акции партийного руководства по отношению к собственным «правым» не выглядели чем-то вопиющим. Однако действительность была иной. Ввиду этого письмо Васильева не могло не заинтересовать Аксельрода, который на протяжении последних лет активно боролся именно с пробольшевистскими иллюзиями ЦК РСДРП, но сколько-нибудь полной информации о деятельности своих единомышленников в России не имел. Предвидя такую реакцию, Ю.О.Мартов (он стал первым читателем васильевского послания), отослал его Аксельроду со следующим комментарием: «Пересылаю Вам полученное мною для передачи Вам письмо Б.С.Васильева. Это — наш старый «оборонец», председательствовавший на нашей партий[ной] конференции в мае 1917 г., на которую мы с Вами попали прямо с вокзала. Человек заслуженный, но фанатично правый из породы тех наших правых, которые по своей фракционной психологии и в 1917 г., и теперь приближались к своим антиподам — большевикам. Насколько я мог заметить, и прилагаемое послание носит черты той же психологии, абсолютно не спо-

собной *понять* противника, а потому слишком легко извращающей факты, его характеризующие. Я, конечно, с удовольствием и самым подробным образом дам Вам, если Вы захотите, объяснения по поводу тех или других выдвигаемых Васильевым против нас обвинений».

Состоялось ли обещанное Мартовым «объяснение» и чем кончилось, не известно. Во всяком случае, документальных следов эта встреча не оставила. Последовавшее уже в 1922 г. «примирение» оставшихся в России немногочисленных «левых» с их «правыми» однопартийцами показало истинные масштабы влияния в партии этих последних. Таким образом, реальная картина соотношения сил в РСДРП оказалась «много горше» той, которую представляли себе партийные руководители ранее. Впрочем, как следует из только что цитированного отрывка, в искажении фактов, характеризующих деятельность «правых», Мартов Васильева и не обвинял. По понятным причинам, лидера РСДРП намного больше взволновала яростная атака на политику ЦК и созданную его попечением атмосферу «гнущего разложения» в партии, предпринятая в этом письме его «правым» оппонентом.

Предмет особого разговора — судьба самого публикуемого письма. Согласно имеющейся пометке, оно было написано в московской Таганской тюрьме, куда, вместе с другими членами Донского комитета РСДРП, его автор был перемещен из Бутырок весной 1921 г. Можно только догадываться, сколько усилий потребовалось, чтобы добыть перо и бумагу и написать столь внушительный по объему и конспиративный по содержанию текст так, чтобы тюремная администрация ничего не заподозрила. Еще большее искусство понадобилось для того, чтобы передать письмо на волю, а затем тайно переправить за границу. Для сравнения отметим, что часть секретной переписки центральных учреждений РСДРП — Заграничной Делегации с Бюро ЦК в России — несмотря на все конспирации, перехватывалась и перлюстрировалась ЧК. Эти письма представлены в фонде 275 РГАСПИ — в копиях, изготовленных на Лубянке. Письмо же Васильева подобной участи избежало, почему сохранилось только в оригинале, отложившемся в фонде П.Б.Аксельрода в Международном институте социальной истории (IISH) в Амстердаме. Отечественным специалистам оно неизвестно, а зарубежными никогда не привлекалось.

Произошло это, вероятно, потому, что на случай провала наиболее важные части своего послания Васильев зашифровал. Для этого он воспользовался одним из самых сложных партийных шифров, «ключ» к которому обещал прислать за границу дополнительно. Если ему и удалось выполнить это свое намерение, то после смерти Аксельрода «ключ» все равно исчез, будучи, вероятно, утерян. Во всяком случае, нам неизвестно, чтобы в дальнейшем кто-либо из меньшевиков-эмигрантов пытался как расшифровать письмо, так и использовать приводимые в нем данные. Среди бумаг Аксельрода этого «ключа» также нет. В результате для расшифровки васильевского письма понадобилось прибегать к услугам специалистов ФСБ, которым, пользуясь случаем, публикатор от имени рабочей группы, готовящей к изданию очередной том документальной истории РСДРП, выражает искреннюю признательность.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание читателя — это на уникальную информацию, содержащуюся в публикуемом документе, как в плане установления численности и личного состава ряда крупных партийных организаций в описываемый период, так и в деле «расшифровки» подлинных имен партийных деятелей — авторов анонимных, либо подписанных псевдонимами партийных документов первостепенной важности. По условиям деятельности РСДРП, подобные сведения ни в каком ином случае не были бы преданы огласке и остались бы неизвестными и донныне.

Таким же образом обстоит дело и с большим комплексом писем Бюро ЦК РСДРП за границу, недавно выявленных А.П.Ненароковым в собраниях Гуверов-

ского института войны, революции и мира и Бахметьевского архива Колумбийского университета в США. Все они зашифрованы и потому до сих пор не введены в научный оборот, хотя относятся к 1921—1925 гг. — заключительному и наименее изученному периоду деятельности РСДРП в России. В настоящее время ведутся подготовительные работы для их издания.

Письмо публикуется по правилам современной орфографии. Расшифрованные слова приводятся в постраничных примечаниях. Слова, подчеркнутые автором, выделены курсивом. Сведения о ряде лиц, упомянутых в письмах, выявить не удалось.

Публикацию подготовил доктор исторических наук Д.Б.ПАВЛОВ.

Москва, Таганская тюрьма

6 августа 1921 г.

Дорогой Павел Борисович!

Из общения с нашими грузинскими товарищами, беженцами из Грузии, пробирающимися за границу — Вы, вероятно, в общем осведомлены о положении дел в России и состоянии партийной организации. Мой друг Виляцер обещал с своей стороны подробнее написать Вам тотчас по переходе границы¹, и этим письмом мне хотелось бы ввести Вас, так сказать, в «интимную сторону» нашего партийного бытия.

Вы знаете, что официальная партийная линия поведения, позиция партийного «большинства» встречает сильнейшие возражения со стороны так наз[ываемых] «правых» меньшевиков. Вам известна эта официальная точка зрения, но Вам необходимо знать, что претворение ее в действительность дает картину, много горшую словесного отображения мартовских схем. На деле официальная социал-демократия утратила весь свой революционный энтузиазм, растеряла не только политические, но и моральные ценности, абсолютно оторвалась от массового движения, чем она даже гордится, противопоставляя свою «революционность» «реакционности» масс и выродилась в партию «ответственной оппозиции», которую сами ее идеологи сравнивают с кадетским либерализмом дореволюционного периода и которая, по нашему общему мнению, может быть уподоблена даже не левому, а правому октябризму. Постановления последнего правомочного съезда и декабрьской 1918-го года конференции партии о незанятии ответственных должностей давно преданы забвению. В столицах и провинции девять десятых «партийного большинства» представляет собой, говоря старым языком, особ «не ниже 5-го класса» (При опросе арестованных в Москве 150 с.-д. оказалось, что 90% получают так наз[ываемый] «совнаркомовский паек», а многие и по два-три таковых). Моральная неразборчивость доходит до того, что юноши, мобилизуемые партией на всяческие фронты, занимали посты следователей в ревтрибуналах («тт.» Ланде², Якубсон и т.д.), а «маститые деятели» (вроде И.Штерна, члена Главн[ого] комит[ета] партии на Украине) оказывались председателями трофейных комиссий (должность «штатская»), трофеев гражданской войны и подсчитывали награбленное, разъезжая в одном автомобиле с буденными, ворошиловыми и т.п. «командармами» в дни, когда в разоряемых городах шла еще погромная оргия. Все это не встречало никакого протеста со стороны Ю.Мартова и его друзей. Положение ответственных служащих,

быть может, необходимо[е] для носителей высоких партийных чинов, сковывает каждое движение клеток партийного организма, и часто иные решения партии мы могли объяснить лишь приняв во внимание роль животного инстинкта самосохранения, перерождающегося в неосознанное у одних и вполне сознательное у других, чувство необходимости охранения режима, к которому уже приспособились. Все это само по себе должно было создать в партии атмосферу гнилостного разложения, но эта, уже создававшаяся атмосфера, упорно и усиленно культивируется ЦК, пресловутым Главным комитетом партии на Украине и т.д., формально, а не только фактически провозгласившими в партии режим осадного положения. Это значит, прежде всего, что руководящие учреждения партии и партийных организаций должны быть «однородны» (что не исключает, при полном^а из них «правых» м[еньшеви]ков, нахождения в их среде «левых», «совершенно неожиданно» перекочевывающих к коммунистам). Это означает, дальше, что целые партийные организации объявляются распущенными, если они расходятся с позицией ЦК; это выражается, наконец, в том, что каждое слово критики встречается как личное оскорбление, а инакомыслящий немедленно зачисляется в разряд «подозрительных» и становится не столько субъектом партийного действия, сколько объектом воздействия партийных судов. Чтобы резюмировать — возрождены самые худшие времена подполья, эмигрантщины и кружковщины и, чтобы быть конкретным:

1) В составе ЦК нет [н]и одного правого, как нет ни одного в Главном комитете на Украине, Московском, Петербургском и т.д. [комитетах], что не помешало тому, чтобы в дни массовых арестов меньшевиков в марте-апреле с.г. из состава ЦК вышел «левый» Ерманский³; чтобы в январе с.г. из Московского комитета и партии вышли Доманевская (жена Югова⁴), Струмилин⁵, Кабо, Капелинский⁶ и друг[ие], образовавшие вместе с Сухановым⁷ (вышедшим в декабре) и Горевым⁸ группу «Спартак»; чтобы в июне перешли к коммунистам Кожевников и Никольский⁹, из которых последний еще в апреле баллотировался в Совет, в мае выступал в роли полномочного представителя ЦК и т.д.;

2) Распущены Одесская, Саратовская и Ростовская организации (Донской комитет), где большинство противников позиции ЦК, объявлены стоящими вне партии Петербургская, Харьковская и Екатеринославская «правые» группы, по численности почти равные официальным организациям;

3) Партийные суды^б лицам за критику постыдной линии поведения ЦК во время суда над Розановым и Левицким¹⁰ (было бы Вам известно, что заявление ЦК было оглашено в суде *до приговора*) и состоявшиеся над Дюбуа и Вайнштейном¹¹; непринятие в члены Московской организации освобожденного из тюрьмы Локермана («Адама», «Аркадия», участника II-го съезда)¹², как автора «антисоветской» брошюры «74 дня советской власти в Ростове н/Д[ону]», изданной Донским комитетом; раз-

^а Далее одно слово пропущено.

^б Далее два слова неразборчивы.

бирательство «дела» о пищушем эти строки за протест в связи с «делом» Локермана; исключение из числа кандидатов в члены Московск[ого] Совета ряда «правых» оппозиционеров (в феврале с.г.) и т.д., и т.п. Прибавьте теперь ко всему, сказанному выше, что сам партийный аппарат, даже до последних массовых арестов, являл собою состояние полного развала. В Петербурге официальная организация насчитывала около 1/5, 8/2, 8/4, 5/2, 6/8, 1/5, 1/4, 7/6, 4/4, 4/5, 4/4, 1/5, 1/5, 7/5, 8/4, 7/6, 7/8, 8/5, 1/4, 3/6, 3/7, 2/1, 4/4, 1/5, 3/2, 3/2^а членов, в Москве около 5/2, 2/1, 1/4, 8/4, 8/6, 7/6, 2/4, 1/4, 1/1, 4/8, 2/1, 6/2^б, Харькове, Екатеринославе, Киеве от 1/4, 1/5, 8/2, 8/3, 7/6, 4/5, 4/4, 5/2, 6/3, 7/6, 8/2, 1/4, 3/7, 3/6, 2/1, 4/5, 4/4^в до 1/5, 1/4, 5/2, 2/1, 1/5, 1/1^г, в губернских городах Центральной России и Поволжья формально легальные организации партии не насчитывали более, чем по 8/4, 8/3, 7/5, 7/3, 8/4, 8/2, 7/1, 8/4, 7/5, 8/1, 2/5, 7/1, 2/1, 2/1, 1/3, 4/1, 7/5, 2/5, 7/1^д членов. В ряде городов — Вологда, Уфа, Пермь и т.д., число членов равняется 8/2, 8/5, 8/6, 7/5, 7/6, 1/4, 3/6, 2/6, 2/1, 4/1, 8/2, 8/3, 7/5, 7/3, 7/6, 6/2, 6/1, 7/1, 8/1, 7/5, 8/5, 2/5, 7/1, 8/1, 2/1, 4/1, 1/5, 1/5^е.

На собраниях Московской организации обычный кворум общих собраний не превышал 100 человек и только перед Кронштадтом, в момент рабочих волнений в Москве и Петербурге, на собрание 25 февраля явилось 150 чел[овек], котор[ые] и были арестованы. В Москве из этой сотни с.-д., регулярно посещающей партийные собрания, рабочих, включая сюда и рабочих лишь по своему прошлому, не более 8/5, 8/2, 8/3, 7/5, 7/3, 7/1, 8/2, 7/5, 8/3, 2/5, 7/1, 8/1, 2/1, 4/5, 4/1, 5/2^ж, на долю цеккистской позиции выделявших 2—3-х человек.

От Вас же мы учились, дорогой Павел Борисович, тому, что численным составом организаций, особенно подпольных и полуполигальных, нельзя измерять роль, значение, степень влияния и связь с массой политической партии. Но факт глубочайшего разрыва официальной социал-демократии с рабочим классом признается и самими творцами официальной партийной политики, прекрасно сознающими, что поддержка и голосование за меньшевиков при всякого рода политических обстоятельствах объясняется лишь тем, что на общественной арене нет другой, более приемлемой, оппозиционной и легальной политической группы.

Таковы непреложные факты, но, увы, столь же непреложным фактом является и то, что противостоящая ЦК оппозиция «справа» пестра, разноголоса и разношерстна. Процесс кристаллизации внутрипартийных группировок у нас еще не только не закончился, но, быть может, еще

^а Семидесяти.

^б Трехсот.

^в Семидесяти.

^г Ста.

^д Двадцати—тридцати.

^е Десяти—двенадцати.

^ж Двадцати.

не дошел до «срединной» стадии своего развития. Состоянию непрерывного шатания почвы под ногами, характерному для советской России, взятой в целом, соответствует катастрофическое брожение умов, и часто то или иное колебание почвы выхватывает из одних рядов и перебрасывает в другие деятелей, которым, казалось бы, давно пора уже было «устояться». Я не говорю уже о случаях прямого ренегатства — перехода в компартию, откуда, однако, *никто не возвращается обратно* (хотя официальный курс ведь во многом рассчитан на отрезвление, просветление и т.д. коммунистических голов, и двери партии широко открыты для этих потенциальных «собратьев» гораздо более широко, чем для с.-д. рабочих с «правым» уклоном, которые подвергаются унижительным «допросам с пристрастием»). Приведу Вам несколько наиболее ярких примеров этой неустойчивости наших партийных товарищей. Из «правых» стали «левыми» — М.Балабанов¹³ (левый до смешного), С.Шварц¹⁴, рабочий Степан Полтавский, рабочий Мысков¹⁵, Кибрик¹⁶, Сухов (одесский «Никита»), Иосиф Войтинский и т.д. (о переходах в противоположном направлении Вам скажут имена наших «правых», которые я приведу ниже). Но и в пределах группировок каждого данного момента наблюдается чрезвычайное разномыслие в основных вопросах программы, тактики, организации.

Минувшая зима была временем интенсивной разработки программной декларации-платформы т[ак] наз[ываемых] правых. Начало было положено еще приездом английской делегации¹⁷, когда «правые» москвичи вручили иностранцам свой самостоятельный меморандум. Затем последовал проект платформы, выработанный 1/5, 5/2, 6/3, 1/3, 1/1, 5/1, 1/5, 8/1, 7/3, 3/4, 8/2, 4/4, 4/1, 4/3, 8/2, 4/5, 7/6, 8/3, 7/3, 4/1, 2/6, 2/5, 4/1, 4/4, 4/5^а, несколько позже появился стоящий особняком обширный документ Трояновского и почти одновременно с ним «тезисы т.Феста» (8/3, 8/1, 7/5, 7/1, 4/5, 4/1, 6/2, 6/1, 8/3, 7/1^б); в декабре циркулировала в партийных кругах пространная декларация 4/5, 4/2, 2/6, 2/2, 3/1, 4/5, 4/1, 6/2, 8/1, 6/1, 7/1, 1/5, 1/1, 1/3, 8/1, 7/1, 6/3, 6/1, 1/4, 1/5, 2/6, 4/2, 8/1, 7/1, 8/3, 7/4, 1/5, 1/1, 4/1, 7/1, 1/4, 8/2, 2/1, 1/5, 1/3, 1/1, 8/3, 7/3, 8/1, 7/1, 7/8^в и, наконец, в январе была сделана московской группой попытка дать полное и связное обоснование позиции «правых» (автором платформы был 1/5, 1/2, 8/1, 7/1, 8/3, 7/3, 8/5, 7/6, 4/3, 4/2, 4/5, 1/1, 4/3, 1/1, 4/2, 4/6, 1/1, 4/3, 7/1, 6/1, 4/1, 4/8, 4/2, 1/5, 1/1, 8/3, 8/2, 8/7, 7/3, 6/4, 5/2^г). Сличение всех этих документов, если бы оно было для Вас возможно, показало бы Вам тотчас всю глубину разногласий оппозиции ЦК. Здесь я лишь очень бегло коснусь характерных черт этих платформ. Декларация 1/5, 5/2, 1/3, 1/6, 6/2, 1/1, 5/2, 5/1, 8/3, 7/1, 6/3, 6/1, 1/1, 8/3, 7/3, 8/1, 7/1^а, вся пропитанная ревизио-

^а Розановым и Левицким.

^б Далина¹⁸.

^в Кучина-Оранского¹⁹ и Астрова²⁰.

^г Павел Колокольников²¹.

^д Розанова.

нистскими настроениями, отказывается и от понятия, и от термина — диктатура пролетариата, подробно, но маловразумительно говорит об общенациональных задачах, стоящих перед страной и рабочим классом, содержит хлесткую, но не глубокую критику коммунизма и советского режима и заканчивается предложением формального разрыва с партией и образования местных «секций II-го Интернационала в России». Документ этот не получил распространения за пределами Москвы, а здесь не встретил никакого сочувствия. Тезисы Трояновского, тогда бывшего членом ЦК, а в марте вышедшего и из ЦК, и из партии²², намечали широкую программу экономических реформ, рассчитанную на мирный переход от коммунизма к «государственному капитализму», причем их автор, характеризую с.-д. партию, как группу брюзжащих и будирующих чиновников, констатируя факт отсутствия у русского пролетариата его классовой партии, сочетает эти свои воззрения с признанием необходимости оздоровления советского строя, полнейшего отказа от демократии, принципов всеобщего изб[ирательного] права и возведением в принцип советизма именно ради ограждения интересов раб[очего] класса. (Выйдя из партии, Трояновский остался беспартийным, пытался оформить группу беспартийных нового состава Московского Совета, что ему мало удалось, но с коммунистами не сблизился. Его воззрения и настроения в данный момент мне неизвестны).

Тезисы т. Феста затрагивали только экономическую программу, во многом совпадали с положениями Трояновского, но абсолютно не указывали политических сил и политических путей к ее осуществлению. Оба эти лица зимою делали попытки столкнуться с «правыми» москвичами, но из этой попытки ничего не вышло. Проект платформы 5/2, 6/3, 8/2, 7/1, 1/4, 8/1, 2/1, 2/6, 1/5, 1/1, 8/3, 7/3, 8/1, 7/1, 4/2, 2/1, 3/1, 4/5, 4/1, 6/3, 6/1, 8/1, 7/1, 8/2, 6/3, 5/2^a, обошедший многие организации Юга, чрезвычайно велик по размерам, но даже с натяжкой не может быть отнесен к документам, если так можно выразиться, платформенного характера. Это очень большая, я бы сказал, даже растянувшаяся статья, две трети которой уделено облеченной в ярко полемическую форму критики позиции ЦК. Положительную программу с.-д.-ии авторы лишь бегло намечают, также бегло касаясь и искомой тактической линии партии. Но в этом документе есть одна особенность, выделяющая его из других аналогичных проектов — категорическое отрицание возможности для с.-д.-ии какого бы то ни было участия и солидаризации с вооруженной борьбой против советской власти. О платформе 1/6, 4/4, 4/1, 2/6, 2/1, 1/5, 1/3, 1/1, 5/2, 2/3, 8/1, 7/1, 6/1, 8/1, 7/1, 8/5, 7/5, 4/1, 4/4, 4/1, 2/1, 6/2, 2/1, 1/3, 8/6, 7/6, 8/4, 7/3, 8/1, 7/8, 8/2, 7/1, 6/1, 6/3^b, явившейся результатом долгих предварительных бесед, я не пишу, т.к. о ней Вам должен был исчерпывающе подробно написать Виляцер. Скажу только, что наиболее спорными в ней являлись два пункта: 1) Наша тактика в момент борьбы советской власти с контрреволюцией

^a Астрова и Кучина.

^b Митрофана Дмитриева.

и 2) Наша позиция в вопросах международного объединения пролетариата. Первый вопрос проект разрешал в том смысле, что при всех столкновениях правящей партии с ее соперниками и претендентами на власть, социал-демократия не оказывает советской власти никакой поддержки, отстаивая в ходе этой борьбы свою самостоятельную позицию и борясь за демократию и интересы пролетариата на два фронта в качестве самостоятельной третьей силы. Это положение вызывало значительные возражения части московской группы 6/2, 6/1, 1/5, 1/1, 1/2, 1/1, 8/3, 8/5, 7/8, 7/5, 7/1, 8/3, 7/3, 8/2, 4/3, 3/6, 4/6, 4/5, 3/5, 3/3, 4/1, 4/4, 8/2, 7/2, 1/5, 1/1, 5/3, 4/3, 3/2, 4/1, 6/3, 6/1, 1/5, 1/4, 2/1, 8/3, 8/4, 7/3, 1/1, 4/5, 4/4, 5/2, 4/5, 8/2, 7/2, 3/4, 4/3, 1/5, 1/1, 1/2, 1/3, 4/1, 6/3, 6/1, 3/7, 3/6, 2/6, 2/1, 1/1, 1/5^a. В вопросе интернационального объединения пролетариата автор платформы стоял на стороне II Интернационала, и платформа, характеризуя тогда еще только намечавшееся венское объединение как сектантское и могущее служить для некоторых групп мостом к Коминтерну, заявляла о солидарности с постановлениями последних конгрессов II-го Интернационала. Единодушная в отношении к власти, московская группа не была единомысленна в отношении ко II-му Интернационалу, и большинство склонялось к мысли о необходимости декларирования готовности поддержки всякого начинания, направленного к воссозданию международного объединения социалистического пролетариата, не связывая себя со II-м и отмежевываясь от 2^{1/2} Интернационала. Московская платформа оживленно обсуждалась московской группой в январе—феврале с.г., и после принятия ее в целом за основу, каждый пункт голосовался на регулярных еженедельных собраниях группы, собиравшейся в количестве 25—30 человек. Предполагалось по принятии платформы разослать ее в провинцию, сопроводив соответствующим письмом, затрагивающим организационные проблемы, чем было бы положено начало и политическому, и организационному оформлению нашего течения во всероссийском масштабе. Февральско-мартовские аресты, переведшие большую часть группы в тюрьмы, оборвали эту работу. Однако документ в качестве первоначального проекта платформы был, в порядке частной инициативы, разослан в некоторые крупные провинциальные центры (Ростов-на-Д[ону], Харьков, Самару, Саратов, Могилев, Иркутск).

На этом я мог бы закончить изложение Вам наших попыток в деле выработки единой платформы т. наз. правого течения, но для того, чтобы Вам была ясна картина, я не могу не указать на такие штрихи: московский проект был представлен автором проекта, с изложения которого я начинал мое повествование, с просьбой прислать свои замечания и высказаться. Оба эти лица заявили, что в общем и целом они солидарны с текстом ее. Прислали целый ряд отдельных поправок, 9/10 которых были малосущественны. Это не помешало им, однако, в конце февраля, когда политическая ситуация оставалась еще почти без изменений, начать на свой страх и риск заново выработку платформы и от-

---

^a Но подавляющим большинством было принято.

казаться от солидаризации с нашим текстом. От одного из авторов южной платформы вскоре после Кронштадта было получено письмо, рисующее настроения как его, так и наших киевлян. Со всею решительностью они отказываются от какой бы то ни было солидаризации и связи с движениями народных масс, направленными против власти и, одинаково расценивая всякое движение, все трактуют под углом зрения возможности использования контрреволюцией выступлений против советской власти.

Я перейду теперь к характеристике организационного состояния нашего течения. К сожалению, оно частью идет в ногу, а частью даже отстает от наших «достижений» в области идеологии. Вы, вероятно, осведомлены о том, что в ряде городов, принуждаемые различными поводами, главным из которых была «партийная мобилизация» на всяческие фронты, наши единомышленники — одиночками, а иногда и целыми группами — сочли себя вынужденными выйти из организаций с цекистским большинством и частью создали самостоятельные с.-д. группы, частью, дабы выход не носил организованного характера, отдельные лица остались в организации. Так было в Харькове, где выделившаяся правая группа к началу 20 года насчитывала до 1/5, 5/2, 4/5, 1/4, 2/6, 2/1, 7/1, 8/3, 7/5, 7/3, 8/1, 8/4, 7/1, 8/5, 7/5, 2/5, 7/1, 8/1, 2/1, 4/1, 6/3, 8/2^а человек при перевесе в 25—30 человек (включая «сюда», т.е. в «перевес» человек 70 бундовцев, вскоре в массе перешедших в «комбунд»²³) на стороне «партийного большинства». Так было в Екатеринославе с примерно тем же соотношением сил. В Петербурге правая с.-д. группа ведет самостоятельное существование еще с 1918-го года. Но судьба всех этих изолированных попыток разрешения партийного кризиса может служить лишь печальным примером. Уже с середины 20-го года харьковская группа фактически перестала существовать, как и Екатеринославская, и когда в ноябре 20-го года 4/5, 4/2, 2/6, 5/3, 2/1, 3/1, 4/1, 6/3, 6/1, 4/1, 8/1, 8/2, 7/1, 1/4, 2/1, 1/3, 1/1, 8/2, 7/3, 8/4^б оказались в Харькове, они решили войти в официальную Харьковскую организацию, которая, к слову сказать, отказала 8/1, 8/2, 7/1, 1/4, 2/2, 5/2, 1/3, 1/1, 6/1, 8/4, 7/3, 2/2^в, формально не лишённому 5/2, 5/1, 8/3, 7/3, 8/2, 7/2, 6/2, 6/1, 4/1, 3/7, 3/6, 3/1, 4/5, 4/3, 8/2, 7/5, 6/2, 6/1, 8/3, 7/1, 2/5, 7/6, 4/2, 8/1, 8/2, 7/1, 5/3^г в приеме. Наиболее жизнеспособной оказалась Петербургская группа, но, по мнению и моему, и большинства москвичей, она очень мало удовлетворяет требованиям, могущим быть предъявленным к с.-д., хотя бы и подпольной, организации. Ее численный состав невелик до смешного, а деятельность ее носит, я бы сказал, характер

^а Ста двадцати.

^б Кучин и Астров.

^в Астрову.

^г Звания члена ЦК.

4/2, 4/1, 4/1, 1/5, 1/5^а. В Одессе, Ростове-на-Д[ону] и Саратове мы располагали внушительным, по современным масштабам, большинством. В Одессе на 8/3, 7/5, 8/4, 7/3, 7/6, 8/1, 8/4, 1/4, 2/1, 4/1, 5/2, 6/3^б человек «правых» было около трех десятков «левых». В Ростове на 2/6, 2/1, 1/5, 1/3, 4/1, 1/4, 1/4, 2/1, 8/1, 7/1, 8/2, 8/1^в было 1/5, 1/4, 2/6, 2/1, 1/5, 1/1, 1/5, 5/2, 6/3, 8/3, 6/2, 6/4, 8/3^г «левых», которые выделились и образовали позорную организацию «с.-д.-интернационалистов», воспевавшую «власть Советов», славословившую Красную Армию и т.д., все главари которой, за исключением *одного*, в том же 1920-м году перешли к коммунистам. В Саратове на 1/5, 1/4, 1/1, 1/3, 1/6, 1/1, 4/5, 4/2, 5/3, 6/2, 8/1, 8/3, 6/2, 1/5^д наших было 3 «левых». ЦК объявил все эти организации распущенными. Одесса долго сопротивлялась, и конфликт разрешился только на днях при благосклонном вмешательстве ЧК, производившей многократные аресты одесских товарищей. Донской комитет, упраздненный ЦК после двадцатитрехлетнего существования и замененный «Ростово-Нахичеванской организацией», незначительным большинством голосов решил подчиниться ЦК, но меньшинство, и в том числе большинство старых рабочих с.-д., отказалось идти на перерегистрацию в новую организацию. В Саратове «левые», на которых ЦК возложил функцию регистрирующего и контролирующего органа при формировании новой организации, отказались выполнить эту почетную миссию. В Киеве наша группа успешно боролась с большинством, возглавлявшимся Балабановым и Семковским²⁴. Мы могли бы располагать большинством в Донецком бассейне, кое-где в Сибири, во многих городах Украины и уже имели большинство в 8/3, 7/2, 1/5, 3/7, 3/6, 6/2, 6/1, 1/4, 4/2, 8/5, 7/6, 8/3, 5/2, 1/5, 1/1, 1/3, 4/3, 1/1, 8/4, 7/3, 1/4, 4/2, 1/1, 4/4, 4/5, 6/2, 8/1^е.

Как в сфере политических проблем, так и в области организационных вопросов наше течение далеко от единодушия. Одни считают официальную с.-д.-ию «смердящим трупом», соприкосновение с которым не только не рационально, но стоит на пути к возрождению с.-д.-ии в России. Отсюда вывод — необходим немедленный, хотя бы и не организованный, разрыв групп и уход даже единиц. Другие признают необходимость более или менее длительного периода борьбы внутри партии и организованный в большом масштабе выход в случае безуспешности борьбы с одновременным заявлением об образовании новой партии. Третьи считают почти неприемлемой мысль о разрыве, питаются надеждами на выздоровление партии при первом же подъеме рабочего движения и, наконец, многие живут, не задумываясь и не делая из этого во-

---

^а Авантюристско-заговорщический.

^б Двести.

^в Триста.

^г Сто.

^д Сорок.

^е Брянске орловском.

проса «принципа», одни состоя притом членами организации, иные выйдя из нее по разным причинам и не вступая вновь. Лично я, бывший всегда фанатическим сторонником единства, занимаю теперь «среднюю» позицию — борьба внутри, но не связанная с идущим до самоуничтожения (если бы только до самоуничтожения!) приспособлением к настроениям наших правящих партийных сфер.

Остановлюсь в заключение на личном составе деятелей нашего крыла, что необходимо тем более, что «правые» наших дней — пестрый конгломерат людей, в прошлом принадлежавших к различным течениям партии. Мы растеряли многих, но с официальной с.-д.-ией мы еще можем поспорить.

В Москве наши виднейшие работники: 1/5, 8/3, 6/2, 7/3, 7/1, 4/1, 6/2, 6/1, 3/2, 3/7, 2/1, 7/6, 4/1, 6/3, 6/1, 6/2, 7/5, 3/5, 7/2, 2/2, 7/1, 8/2, 7/4, 2/2, 2/1, 7/6, 1/3, 4/5, 4/4, 8/1, 7/1, 6/3, 2/6, 6/2, 6/1, 7/1, 1/3, 1/6, 1/5, 1/1, 6/2, 6/1, 1/4, 6/2, 1/1, 6/3, 6/1 3/1, 4/3, 7/8, 7/6, 6/1, 2/5, 4/2, 7/2, 2/1, 6/4, 6/1, 7/5, 8/3, 8/1, 7/1, 1/4, 7/6, 3/1, 8/2, 6/3, 7/1, 2/1, 6/2, 1/5, 6/1, 4/1, 4/2, 4/5, 4/1, 1/5, 7/6, 7/5, 8/3, 8/4, 7/3, 3/6, 2/1, 4/1, 4/2, 4/1, 6/3, 6/1, 7/2, 2/1, 4/2, 1/4, 4/1, 8/3, 5/2, 6/1, 5/3, 6/4, 1/3, 1/1, 4/4, 8/3, 8/1, 7/1, 6/2, 5/3, 6/1, 1/1, 7/3^a и т.д. В тесном общении с нами находились вышедшие из официальной организации 4/5, 4/2, 8/3, 6/4, 1/1, 4/3, 1/5, 1/1, 8/1, 4/2, 8/1, 1/1, 8/1, 4/2, 8/1, 1/1, 8/1, 4/3, 5/2, 1/5, 6/1, 6/2, 4/2, 1/1, 8/3, 8/1, 8/3, 7/3, 4/1, 4/2, 4/1, 1/2, 1/2, 8/5, 7/6, 6/4, 6/1, 5/2^b. Особняком держались стоящие вне партии: Потресов³¹, Ортодокс³², Левицкий, Мирон³³, Розанов, д-р Гриновский, Денике³⁴, Вл. Мальянович³⁵, организационно с нами совершенно не связанные, да мало близкие нам и идейно.

В Петербурге официальная организация стоит несколько правее ЦК. Тон в ней задают Рожков³⁶, Назарьев³⁷, Каменский³⁸. Почти отошел от всякой работы Панин³⁹, по недавним настроениям «левый». Самостоятельная правая группа возглавляется 8/1, 7/8, 7/5, 6/3, 6/1, 7/6, 7/3, 6/4, 6/1, 4/1, 2/5, 4/2, 4/1, 4/4, 5/2, 6/3, 8/1, 8/2^b. В Харькове работали с нами 1/3, 7/1, 2/3, 7/4, 1/3, 4/1, 7/4, 1/1, 6/3, 7/6, 7/3, 8/1, 5/2, 6/3, 6/4, 8/3, 4/3, 7/6, 7/3, 4/1, 6/4, 6/1, 7/1, 1/3, 1/1, 6/1, 1/1, 8/3, 7/3^г. В Киеве — 5/3, 8/1, 1/5, 4/2, 6/3, 2/2, 3/1, 5/1, 2/1, 6/2, 6/1, 1/1, 1/3, 8/2, 8/1, 7/1, 6/3, 6/1, 1/4, 4/2, 4/1, 4/6, 4/1, 1/5, 1/5^a. В Екатеринославе — 2/1, 4/1, 4/4, 1/1, 2/3, 7/6, 7/6, 7/3, 8/2, 4/5, 4/4, 4/1, 2/4, 8/3, 6/2, 7/6, 4/3, 1/4, 7/2, 6/3, 7/6, 1/5, 4/3, 7/6, 6/1, 4/2, 4/1, 4/1, 1/5, 1/5, 6/2, 8/3, 1/5^с. В Одессе были с нами 7/2, 1/1, 7/8, 8/3, 6/4, 7/4, 7/5, 5/2, 7/1, 6/3, 6/1,

^a Вайнштейн, Дюбуа, Гутерман²⁵, Аронсон²⁶, член ЦК Бунда; печатники Девяткин²⁷, Буксин²⁸, Романов²⁹.

^b Колокольников и Кипен³⁰.

^в Дневнички⁴⁰.

^г Раф. Григорьев⁴¹, Левин⁴², Аронов.

^д Кучин-Оранский.

^е Тимофеев⁴³, Михельс, Беленький⁴⁴.

1/1, 7/3, 7/1, 3/4, 2/1, 1/3, 1/1, 8/1, 6/2, 7/3, 7/4, 7/1, 1/3, 7/3, 4/1, 7/4, 1/3, 4/1, 6/3, 6/1, 2/5, 7/6, 4/5, 1/3, 2/6, 3/7, 4/2, 1/1, 1/3, 1/1, 7/2, 8/3, 4/2, 1/1, 7/3^a. В Саратове примыкал к нам вышедший из партии 7/4, 8/3, 6/4, 1/1, 4/3, 7/5, 4/4, 7/1, 6/2, 4/4, 4/1, 2/4, 1/5, 7/1, 4/1, 4/3, 8/3, 6/2, 5/2, 6/3, 6/3^b. В Самаре была чисто рабочая организация, руководимая старыми рабочими с.-д. (все они были «правыми» и почти все давно сидят). В наших рядах 4/5, 5/2, 6/3, 4/3, 7/6, 8/1, 1/1, 6/1, 8/3, 6/4, 8/4, 7/4, 1/1, 4/3, 7/5, 4/4, 8/1, 8/2, 6/3, 7/1, 6/1, 5/2, 1/5, 4/2, 1/3, 1/1, 2/4, 4/4, 7/1, 4/3, 8/2, 6/3, 1/5, 5/2, 4/1, 7/6, 7/4, 6/1, 7/7, 7/8, 7/6, 6/3, 7/8, 8/2, 6/1, 7/1, 8/1, 4/2, 1/1, 1/4, 2/1, 3/6^b. С нами достаточное количество старых рабочих, имена которых я не привожу Вам, но о чем Вы можете судить и по тому, что в Таганской тюрьме, откуда я пишу Вам, мы, получив с большим запозданием, одновременно с 10-м шестой номер «Вестника» с Вашей статьей⁵², хотели послать Вам приветствие за подписями старых рабочих, сидящих в Таганке, вместе с подписями моей и 8/3, 8/5, 1/5, 7/5, 3/5, 8/2, 7/2, 2/2, 7/1, 6/3, 5/2, 8/1^г. (В Таганке 21 с.-д., из коих рабочих 6 человек. Из этих шести человек пять человек «правых» и таково вообще «соотношение сил» в партии). Отраднейшим фактом является пополнение наших рядов молодежью, притом рабочей молодежью, неизменно сочувствующей «правым». Так, в Московском с.-д. Союзе молодежи большинство членов 8/3, 6/2, 7/8, 7/2, 3/5, 6/3, 1/3, 1/1, 6/5, 1/5, 8/2, 8/4, 8/1, 6/3, 8/2, 8/3, 6/4, 8/2^д было нашим. Аналогичное положение в Ростове-на-Д[ону] и Киеве — городах, о которых я имею сведения.

На этом я могу закончить, указав Вам лишь еще на то, что пресловутый ЦК на воле в настоящее время представлен 5/3, 6/2, 4/3, 4/1, 3/2, 1/1, 8/5, 8/6, 7/5, 6/1, 4/1, 4/4, 4/5, 3/1, 4/3, 7/6, 8/2, 6/4, 6/1, 1/1, 4/4, 4/5, 3/5, 1/1, 7/3, 3/4, 4/4^e, образующим 6/3, 4/2, 8/5, 7/3, 1/1, 1/6, 1/3, 2/2, 4/4, 4/5, 6/2, 8/1* совместно с двумя представителями 8/3, 8/5, 5/2, 6/4, 1/1, 2/1, 8/5, 7/9, 7/2, 2/2, 6/1, 8/5, 8/1, 7/1, 3/5, 7/5, 4/1, 6/3, 6/1, 4/4, 4/1, 1/3, 2/1, 7/2, 8/3, 6/4, 4/1, 6/1, 3/4, 4/4, 4/5, 4/6^з. Как отразился «новый курс» Ленина и К^о на настроении широких кругов провинциалов, я не могу Вам сообщить, не имея достаточного количества данных, но в апреле, когда вместе с сотнею с.-д. я находился в Бутырках, где в это время были и члены ЦК — Ежов⁵⁵, Николаевский⁵⁶, Арт.Плесков⁵⁷, Череванин⁵⁸, каждый новый декрет вносил опустошение

^a Богданов⁴⁵, Астров, Гарви⁴⁶, Гринцер⁴⁷, Коробков⁴⁸.

^b Гольдман Михаил⁴⁹.

^в Леон Гольдман⁵⁰, Крохмаль⁵¹ и его жена, Костя.

^г Дюбуа.

^д Бюро.

^e Лишь одним членом Ю.О.Мартовым.

* Кворум.

^з От Бунда Юдиным⁵³ и Рубиным⁵⁴.

в души правоверных сторонников мартовских утопий. Цекисты еще крепнулись, но паства дрогнула и, помимо сближения с нами, разложение этих рядов привело к образованию промежуточной «тюремной фракции» 8/3, 6/4, 4/5, 7/2, 4/1, 6/3, 6/1, 3/2, 2/1, 8/5, 1/1, 4/2, 8/1, 7/1, 5/2, 6/3, 8/1^а, уже дошедшей до возврата к принципам демократии, но продолжающей еще что-то говорить о социальной революции на Западе и ее воздействии на экономику России. Косвенным свидетельством провинциальных настроений могут служить отзывы о «Вестнике» — из разных мест нам сообщают, что он никого не удовлетворяет и его бесцветность не испугает блеск мартовского стиля.

О настроениях «воли», об общественных настроениях, вызванных голодом и т.д., равно, как и том, какие надежды мы связываем с Вашим именем, я не считаю себя вправе сейчас писать Вам, т.к. с мая 1920 [г.] я «пребываю» в большевистских тюрьмах и лишь $2\frac{2}{1}$ месяца — с декабря 20-го года по март 21 г., я был на воле. Но и характер сведений, сообщаемых мною Вам, не «за соответствующей печатью и подписью», таков, что их ценность стоит в зависимости от оценки лица, от кот[орого] они исходят. Я вынужден затем сказать несколько слов *pro domo sua*^б. Я имел счастье видеть Вас лично только два раза в жизни. Впервые в 1906-м году на съезде в Стокгольме, где я был делегатом Донецкого союза, а затем на майской конференции 1917-го года, членом президиума которой я был, представляя на этой конференции Донской комитет. Я был во время войны организатором и фактическим редактором самарских рабочих газет и был в свое время весьма обрадован сообщением мне Адольфом Иоффе (нынешнего советского «дипломата»)⁶⁰ Вашего отзыва о «Нашем голосе». В последних номерах «Вестника» Вы могли встретить мое имя в связи с процессом Донского комитета, в качестве председателя которого я получил от Верх[овного] трибунала пять лет тюрьмы. Эти данные скажут Вам, какой степени доверия заслуживает моя информация. Я взял на себя смелость отсюда писать Вам, т.к. «на воле» я долго тщетно добивался того, чтобы Вам написал кто-либо из друзей, лично известных Вам и, боюсь, что Вам долго пришлось бы ожидать этих писем. Ключ к шифру я посылаю Вам отдельной оказией. Эта мера предосторожности необходима при нашем режиме. Я просил бы Вас через Ю.Мартова уведомить меня о получении этого письма и был бы счастлив, если бы к этому уведомлению Вы присоединили несколько слов, характеризующих Ваше отношение к положению дел в партии. Я сделал бы из этих Ваших слов употребление, кот[орое] Вы сочли нужным им дать.

С наилучшими пожеланиями и с.-д. приветом

Борис Васильев

ИИИ. Ф. П.Б.Аксельрода. Переписка. № 41. Без нумерации листов.
Автограф.

^а Бинштока⁵⁹.

^б *Pro domo sua* — о себе, о своих делах (лат.).

Примечания

¹ *Виляцер И.А.* (1883—1952) — меньшевик, в 1917—1921 гг. один из руководителей Донского комитета РСДРП.

Автографы писем И.А.Виляцера П.Б.Аксельроду см.: ИИИ. Ф. П.Б.Аксельрода. Переписка. № 42. Без нумерации листов. Среди них есть и упомянутое Б.С.Васильевым, т.е. написанное сразу после бегства Виляцера из России — от 15 июня 1921 г.

² *Ланде Л.С.* (1901—1976) — один из организаторов меньшевистского Союза молодежи, в 1920—1921 гг. работал в профсоюзе химиков, арестован во время кронштадтских событий. После освобождения — на нелегальной партийной работе в Москве и на Украине. В 1923 г. бежал за границу. Факты биографии, общественные Васильевым, требуют дополнительной проверки.

³ *Ерманский О.А.* (1866—1941) — член ЦК. Заявил о выходе из состава ЦК и «приостановке» своего членства в партии 12 апреля 1921 г.

⁴ *Доманевская О.О.* (1885—1974) — с 1917 г. член Московского комитета РСДРП, «левая» меньшевичка. В апреле 1921 г. вместе с Н.Ю.Капелинским и С.Г.Струмилиным (Струмилло-Петрашкевичем) заявила о выходе из РСДРП. В эмиграции вступила в партию вновь. Жена А.А.Югова.

Югов А.А. (1886—1954) — член РСДРП с 1903 г., работал в Самарской организации партии, оборонец, затем интернационалист; с 1918 г. член ЦК РСДРП. Выслан за границу в 1923 г. Муж О.О.Доманевской.

⁵ *Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) С.Г.* (1877—1974) — меньшевик до весны 1921 г., статистик и экономист, с 1923 г. член РКП(б), академик.

⁶ *Капелинский Н.Ю.* (1890—1935) — меньшевик до весны 1921 г., кооператор, член ЦИК 1-го созыва, делегат II съезда Советов.

⁷ *Суханов Н.Н.* (1882—1940) — в революционном движении с 1903—1904 гг., до 1906—1907 гг. эсер, затем меньшевик, член ВЦИК 2—4 созывов, в декабре 1920 г. объявил о выходе из РСДРП, занимался научной и педагогической работой. Репрессирован.

⁸ *Горев Б.И.* (1874—1937) — в с.-д. движении с начала 1890-х гг., с 1903 г. большевик, с 1907 г. меньшевик, в 1917 г. избран членом ЦК РСДРП. В августе 1920 г. объявил о выходе из партии. Репрессирован. Брат Л.И.Гольдмана и М.И.Либера.

⁹ Член Главного комитета РСДРП на Украине А.Никольский приехал в Москву в апреле 1921 г. и с помощью московских меньшевиков был избран депутатом Моссовета. Как пишет в своих воспоминаниях Б.Двинов, МК РСДРП в перспективе надеялся сделать его руководителем меньшевистской фракции. Но в 20-х числах мая Никольский вместе с двумя другими приезжими партийными деятелями — М.Бляхером и С.Будником — неожиданно опубликовал в «Правде» заявление о выходе из РСДРП. Меньшевик А.Кожевников к ним присоединился, приписав, что фактически не состоит в партии уже «несколько лет». «Было омерзительно», — пишет Двинов (См.: Двинов Б. От легальности к подполью. (1921—1922). Stanford, California, 1969. С. 43—44).

¹⁰ Видные «правые» меньшевики, *Розанов В.Н.* (1876—1939) и *Левицкий В.О.* (1883—1938) были арестованы в 1918—1919 гг. по обвинению в принадлежности к «Союзу возрождения России» и в августе 1920 г. осуждены Верховным ревтрибуналом по делу «Тактического центра». В связи с судебным процессом и, действительно, до вынесения им смертного приговора, ЦК РСДРП распространил

заявление, в котором отмежевался от обоих подсудимых, к тому времени в партии уже не состоявших.

¹¹ *Дюбуа А.Э.* (1881—1958) — в 1905 г. большевик, затем меньшевик-ликвидатор, оборонец. После 1917 г. «правый» меньшевик, неоднократно арестовывался. С 1923 г. в эмиграции.

Вайнштейн (Звездин) С.Л. (1879—1923) — в с.-д. движении с 1890-х гг., меньшевик с 1905 г., с 1917 г. член ЦК РСДРП, «правый», выслан за границу в 1923 г., где вскоре умер.

¹² *Локерман А.С.* (1880—1937) — в с.-д. движении с 1890-х гг., делегат II съезда РСДРП от Донского комитета партии, меньшевик, член ВЦИК I-го созыва, в 1917—1920 гг. член Донского комитета РСДРП.

¹³ *Балабанов М.С.* (1873—?) — киевский меньшевик с дореволюционным стажем, в 1917 г. гласный Киевской городской думы, в 1918 г. член Украинской Центральной рады, с 1919 г. член Киевского комитета РСДРП.

¹⁴ *Шварц С.М.* (1883—1973) — член РСДРП с 1903 г., большевик, с 1905 г. меньшевик-ликвидатор, в 1916 г. секретарь Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. В годы гражданской войны мобилизован в Красную Армию, работал в Красном Кресте. Арестован во время кронштадтских событий и в 1922 г. выслан за границу.

¹⁵ *Мысков М.В.* — рабочий, меньшевик, в 1917—1918 гг. член ПК РСДРП.

¹⁶ *Кибрик Б.С.* (1884—?) — член РСДРП с 1903 г., меньшевик, до 1917 г. неоднократно арестовывался и ссылался, в 1917 г. член Петросовета и Союза печатников, делегат II съезда Советов от Московского Совета.

¹⁷ Английская рабочая делегация находилась в России в 1920 г.

¹⁸ *Далин (Левин) Д.Ю.* (1889—1962) — член РСДРП с 1907 г., меньшевик, с 1917 г. член ЦК РСДРП, депутат Моссовета. Выслан за границу в 1921 г. Брат С.Ю.Волина.

¹⁹ *Кучин (Оранский) Г.Д.* (1887 — после 1935) — член РСДРП с 1905 г., меньшевик, в 1917 г. член ВЦИК I-го созыва, депутат II съезда Советов, с 1918 г. член ЦК РСДРП. В 1919-1920 гг. член Киевской организации меньшевиков, в 1920 г. мобилизован в Красную Армию, участвовал в войне с Польшей, после демобилизации вошел в состав Главного комитета РСДРП на Украине. В 1921 г. арестован, сослан, из ссылки бежал в Москву, где вошел в Бюро ЦК, а затем и возглавил его. Арестован после нелегальной поездки за границу, умер в заключении.

²⁰ *Астров И.С.* — «правый» меньшевик, лидер Одесской организации РСДРП, в 1917 г. член ЦК РСДРП, арестован в 1922 г. и сослан в Туркестан. Умер от сыпного тифа в арестантском вагоне.

²¹ *Колокольников П.Н.* (1871—1938) — в с.-д. движении с середины 1890-х гг., меньшевик, с 1906 г. член ЦК РСДРП, товарищ министра труда во Временном правительстве; после октябрьского переворота из состава ЦК вышел в знак протеста против переговоров руководства партии с большевиками, в 1918 г. от официальной партии отошел. В 1922 г. арестован. Затем на научной и преподавательской работе в Москве. Погиб в лагере.

²² Подлинник заявления А.А.Трояновского о выходе из партии пока обнаружить не удалось. Обстоятельства его ухода в воспоминаниях Б.Двинова описаны следующим образом: «Трояновский, как Юдин и я, не был согласен с резолюцией ЦК о кронштадтских событиях. Он возражал против отрицательного отношения ЦК к забастовкам и боевым действиям. После этого он внезапно подал заявление, в котором туманно и неясно на что-то намекал, делая вид, что критикует партию слева. Все его заявление было написано двусмысленно и позволяло непосвященным думать, что он уходит налево. ЦК решил поэтому за-

фиксировать в протоколе сущность своих с Трояновским разногласий и копию послать ему. Трояновский принял, расписался в получении — и смолчал. Трудно было без чувства брезгливости смотреть на этого человека, когда спустя месяц он, только что говоривший о «большевистской банде», уже славословил 3-й Интернационал. ...Мартов писал нам о нем: «Значит, сильно я ошибался в этом человеке» и прибавил крепкое слово» (См.: Двинов Б. От легальности к подполью. С.40—41).

²³ Т.е. «Коммунистический Бунд» (Комфарбанд), образованный на Украине из левого крыла Бунда в 1920 г. и вскоре влившийся в РКП(б).

²⁴ Семковский С.Ю. (1882—1938?) — в с.-д. движении с 1900 г., меньшевик, с 1917 г. член ЦК РСДРП, затем член Киевской организации партии, в марте 1920 г. вместе с другими членами Киевского комитета осужден ревтрибуналом, после чего от политической работы отошел. До середины 1930-х гг. на преподавательской работе на Украине. Репрессирован.

²⁵ Гутерман Б.М. — меньшевик-«оборонец», член ВЦИК I созыва, делегат II съезда Советов от Саратовского Совета, с 1918 г. работал в Москве.

²⁶ Аронсон Г.Я. (1887—1968) — в 1903—1907 гг. большевик, затем член Бунда и меньшевик. В 1917 г. председатель Витебского Совета рабочих депутатов, затем депутат Моссовета. После тюремного заключения в 1922 г. выслан за границу

²⁷ Девяткин А.Ф. (1883—1932) — рабочий-печатник, меньшевик.

²⁸ Буксин И.М. (1884—?) — рабочий-печатник, член РСДРП с 1904 г., меньшевик, неоднократно арестовывался и ссылался, член Московской организации РСДРП.

²⁹ Романов А.Б. (1885—?) — рабочий, член РСДРП с 1908 г., меньшевик, до 1917 г. участник легального рабочего движения, неоднократно ссылался, после 1917 г. член Союза печатников.

³⁰ Кипен Г.А. (1881—?) — член РСДРП с 1900 г., меньшевик, с 1917 г. член Моссовета и МК РСДРП.

³¹ Потресов А.Н. (1869—1934) — один из основателей Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса и РСДРП, соредактор «Искры». С 1903 г. меньшевик, в годы мировой войны оборонец. После 1917 г. один из идеологов «правого» крыла партии (во второй половине 1918 г. от партийной деятельности отошел). В сентябре 1919 г. арестован по обвинению в участии в «Союзе возрождения» и «Тактическом центре», в ноябре этого же года освобожден. В феврале 1925 г. эмигрировал.

³² Аксельрод Л.И. (Ортодокс) (1868—1946) — меньшевичка, философ, с 1918 г. от активной политической деятельности отошла и занималась преподавательской работой.

³³ Миров (Иков) В.К. (1882—?) — меньшевик, делегат V съезда РСДРП, в годы войны оборонец, после Октябрьского переворота работал в кооперации, сначала «правый» меньшевик, затем от партийной деятельности отошел.

³⁴ Денике Ю.П. (1887—1964) — в 1904—1906 гг. большевик, в 1917 г. меньшевик, заместитель председателя Казанского Совета рабочих депутатов. После Октября 1917 г. «правый» меньшевик, работал в Москве, в 1918 г. ввиду несогласия с политикой ЦК РСДРП объявил о выходе из партии. Работал в Коммунистической академии, затем в советской торговой миссии в Берлине. Эмигрант.

³⁵ Малянтович В.Н. — меньшевик.

³⁶ Рожков Н.А. (1868—1927) — член РСДРП с 1905 г., большевик, с 1907 г. член ЦК РСДРП, с 1911 г. меньшевик. В 1917 г. товарищ министра почты и телеграфа Временного правительства, член ЦК РСДРП(о), с 1918 г. ректор пединститута им. Н.А.Некрасова в Петрограде. В феврале 1921 г. арестован в числе

других меньшевиков. После очередного ареста в 1922 г. и под угрозой высылки за границу публично заявил о выходе из партии.

³⁷ *Назарьев П.* — меньшевик, в 1917 г. делегат Чрезвычайного съезда РСДРП(о) от 3-й армии, с 1918 г. член ПК РСДРП.

³⁸ *Каменский В.И.* — меньшевик, член фракции РСДРП(о) во Временном демократическом Совете Российской республики, член ПК партии.

³⁹ *Панин (Макадзюб) М.С.* (1876—?) — член партии с начала 1900-х гг., делегат II съезда РСДРП, меньшевик, после Октябрьского переворота от политической деятельности отошел, с 1921 г. работал в торговых представительствах за рубежом, с 1931 г. эмигрант.

⁴⁰ *Дневницкий Ф.О.* (1883—?) — меньшевик, публицист, сотрудничал в плехановском «Дневнике Социал-Демократа» и в большевистских изданиях. После Октябрьского переворота «правый» меньшевик, работал в Петрограде. Двоюродный брат братьев Ю.О., С.О. и В.О.Цедербаумов (Мартова, Ежова и Левицкого).

⁴¹ *Григорьев Раф. (Крахмальник или Крахмальников Р.Г.)* — меньшевик, публицист, по данным Ю.О.Мартова, вышел из РСДРП в августе 1917 г., «негодую на наше нежелание раскалываться с оборонцами», член группы «Новая жизнь» (См.: Меньшевики в 1917 году /Отв. ред. З.Галили и А.Ненароков. Т. 3. Ч. 2. М., 1997. С. 583).

⁴² *Волин (Левин) С.Ю.* (1892—?) — меньшевик, в 1917 г. оборонец, профсоюзный деятель. После кронштадтских событий арестован и в 1927 г. из ссылки бежал за границу. Брат Д.Ю.Далина.

⁴³ *Тимофеев Ф.И.* (1883—?) — участник с.-д. движения в Киеве с 1902 г., меньшевик, в 1917 г. член Екатеринославского Совета рабочих депутатов.

⁴⁴ *Беленький* — меньшевик, врач, в 1917 г. работал в действующей армии.

⁴⁵ *Богданов Б.О. (1884—1960)* — участник с.-д. движения с начала 1900-х гг., с 1905 г. член Одесского комитета РСДРП, меньшевик, в 1917 г. член ВЦИК 1-го созыва, делегат II съезда Советов, в 1919—1921 гг. член Одесской организации РСДРП и депутат местного Совета, в конце 1922 г. арестован и до конца жизни почти непрерывно находился в заключении или ссылке.

⁴⁶ *Гарви П.А.* (1881—1944) — член РСДРП с 1899 г., меньшевик, с 1917 г. член ЦК партии, в 1918—1921 гг. работал в Одесском комитете партии, «правый». С 1923 г. в эмиграции.

⁴⁷ *Гринцер Я.М.* — меньшевик, в 1917 г. член ПК РСДРП, в 1918 г. член ПК меньшевиков-оборонцев, после роспуска которого работал в южных партийных организациях.

⁴⁸ *Коробков В.М.* — рабочий-наборщик, член РСДРП с 1905 г., меньшевик, член Одесского комитета РСДРП, в начале 1920-х гг. арестован и сослан в Вологду.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду *Либер (Гольдман) М.И.* (1880—1937) — участник с.-д. движения с 1890-х гг., один из основателей Бунда, делегат II съезда РСДРП, в 1917 г. один из лидеров «правых» в Бунде и РСДРП, член исполкома Петросвета, товарищ председателя ВЦИК 1-го созыва, член ЦК РСДРП(о), из которого вышел в ноябре 1917 г. в знак протеста против переговоров меньшевистского руководства с большевиками. В начале 1920-х гг. неоднократно арестовывался и ссылался. В 1922-1923 гг. член Бюро ЦК партии. После очередного ареста в 1923 г. почти непрерывно находился в ссылках. Расстрелян в марте 1937 г. Брат Б.И.Горева и Л.И.Гольдмана.

⁵⁰ *Гольдман Л.И.* (1877—1939) — в с.-д. движении с 1893 г., с 1905 г. меньшевик, член ПК РСДРП, в августе 1917 г. избран в ЦК партии. В конце 1917 г. из состава ЦК вышел, протестуя против переговоров меньшевиков с большевика-

ми. В 1921 г. заявил о выходе из партии. Затем работал экономистом, репрессирован. Брат М.И.Либеры и Б.И.Горева.

⁵¹ *Крохмаль В.Н.* (1873—1933) — социал-демократ с середины 1890-х гг., меньшевик с 1903 г., с 1904 г. член ЦК РСДРП, в конце 1917 г. в знак протеста против переговоров меньшевистского руководства с большевиками вышел из ЦК и прекратил политическую деятельность. Позднее работал юрисконсультом в советских организациях (Центросоюзе, кооперативном банке и др.).

⁵² Речь идет об упомянутом сентябрьском 1920 г. письме П.Б.Аксельрода Ю.О.Мартову, публикация которого была начата с 6-го номера «Социалистического вестника».

⁵³ *Юдин И.Л.* (1867—1937) — деятель еврейского рабочего движения с середины 1890-х гг., с 1902 г. член ЦК Бунда. В 1922 г. выслан за пределы советской России.

⁵⁴ *Рубин И.И.* (1886—1937) — член РСДРП и Бунда с 1904 г., после 1917 г. член ЦК Бунда, секретарь ЦК, с 1921 г. член Бюро ЦК РСДРП. Неоднократно арестовывался. Репрессирован.

⁵⁵ *Ежов С.О.* (1879—1939) — участник с.-д. движения с 1890-х гг., большевик, затем меньшевик, в 1917 г. член ЦК РСДРП(о), «левый» меньшевик, до и после 1917 г. много раз арестовывался и ссылался. В очередной раз арестован в феврале 1921 г. в Москве, помещен в Бутырскую тюрьму. Под арестом находился до конца 1921 г. В апреле 1922 г. арестован вновь и вплоть до расстрела в 1939 г. почти непрерывно находился в заключении или ссылке. Брат В.О.Левицкого и Ю.О.Мартова.

⁵⁶ *Николаевский Б.И.* (1887—1966) — участник с.-д. движения с 1901 г., в 1903-1906 гг. большевик, затем меньшевик. В 1917 г. член ВЦИК, в 1918 г. представитель ЦК РСДРП в Поволжье и на Урале, с 1920 г. член ЦК РСДРП. Арестован в феврале 1921 г., помещен в Бутырскую тюрьму, откуда освобожден в феврале 1922 г. после длительной голодовки и выслан за границу.

⁵⁷ *Плесков А.А.* — «левый» меньшевик, в 1918 г. член Московского бюро Центральной области РСДРП, затем кооптирован в ЦК партии. Арестован в феврале 1921 г. в Москве и помещен в Бутырскую тюрьму, где находился до начала 1922 г. В сентябре 1922 г. заявил о выходе из РСДРП.

⁵⁸ *Череванин Ф.А.* (1869—1938) — участник с.-д. движения с начала 1890-х гг., меньшевик, в 1917 г. член Исполкома Петросовета, делегат 1-го съезда Советов, член ВЦИК, член ЦК РСДРП(о), порвав с «оборонцами», выступал в поддержку идеи однородного социалистического правительства, включая большевиков. В феврале 1921 г. арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. Вскоре после освобождения в 1922 г. арестован вновь и сослан. В ссылке и заключении находился непрерывно вплоть до расстрела в 1938 г.

⁵⁹ *Биншток Г.О.* (1884—1954) — член РСДРП с 1904 г., большевик, затем меньшевик. В 1920-1921 гг. член Одесского комитета РСДРП, принадлежал к «правому» крылу партии. С 1922 г. в эмиграции.

⁶⁰ *Иоффе А.А.* (1883-1927) — в с.-д. движении с 1890-х гг., большевик и член ЦК РСДРП(б) с 1917 г., делегат II съезда Советов, член ВЦИК I-II созывов, полпред РСФСР в Берлине. Покончил с собой в 1927 г.

«ПОБОЛЬШЕ ГЛАСНОСТИ, ПОБОЛЬШЕ ПРАВДЫ!»

Речь присяжного поверенного В.Н.Герарда
на процессе «50-ти». 1877 г.

Ряд политических процессов в России над народниками 1870-х гг. всколыхнул российскую общественность и вызвал международный резонанс. Одно из первых мест в этом ряду занял процесс «50-ти», который слушался в Особом присутствии Правительствующего Сената с 21 февраля по 14 марта 1877 г.¹

Суду были преданы члены и сотрудники «Всероссийской социально-революционной организации» народников-пропагандистов, которая действовала в 1875 г. и более известна в истории под названием «Кружок москвичей». Все они обвинялись в участии (главным образом) или пособничестве «тайному сообществу, задававшему целью ниспровержения существующего порядка». Все подсудимые были молоды (большей частью 18—23 лет). Среди них оказалось 16 женщин. И.С.Тургенев отметил это как факт «знаменательный и ни в какой другой земле — решительно ни в какой — невозможный»². Женщины-подсудимые не уступали мужчинам в стойкости, а программная речь С.И.Бардиной 9 марта 1877 г. (наряду с речью в тот же день, вслед за ней, рабочего Петра Алексева) стала центральным событием процесса.

Защитили подсудимых либерально настроенные адвокаты, среди которых были такие звезды отечественной адвокатуры, как В.Д.Спасович, В.Н.Герард, Г.В.Бардовский, В.О.Люстиг, А.Л.Боровиковский, К.Ф.Хартуглари, А.А.Ольхин, Е.В.Корш.

Суд, угождая царизму, озлобленному «хождением в народ» 1874—1875 гг., вынес обвиняемым, несмотря на явный недостаток улик, свирепый приговор: 23 человека — на каторгу до 10 лет, 13 человек — в сибирскую ссылку и т.д.

Российская общественность живо интересовалась ходом процесса. Кроме Тургенева, сочувственно к подсудимым откликнулся на процесс «50-ти» М.Е.Салтыков-Щедрин³. Н.А.Некрасов переадресовал героям процесса свое (написанное ранее) стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие...»⁴. Я.П.Полонский посвятил им популярное в демократических кругах стихотворение «Узница»⁵, а поэт и адвокат А.Л.Боровиковский — еще более «крамольные» стихи «К судьям»⁶.

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

² Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 12. Кн. 1. М.; Л., 1966. С. 103.

³ См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 19. С. 91.

⁴ Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 339, 408.

⁵ См.: Троицкий Н.А. Засулич или Фигнер? (О стихотворении Я.П.Полонского «Узница») // Русская литература. 1977. № 2.

⁶ См.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968. С. 488—189, 755.

Вообще, адвокаты на процессе «50-ти» защищали обвиняемых (как противников самодержавия) не только юридически, но и политически. Яркое свидетельство об этом защитительная речь присяжного поверенного Герарда.

Владимир Николаевич Герард (1839—1903) — с юных лет близкий друг П.И.Чайковского⁷, первоклассный криминалист и оратор-художник, противник царского деспотизма (в отличие от своего брата, финляндского генерал-губернатора Н.Н.Герарда), — был очень популярен в широких кругах русского общества⁸. В 1893 г. И.Е.Репин написал с него большой поколенный портрет, который экспонируется в Государственном Русском музее⁹. III отделение шпионило за ним¹⁰ и не без успеха: 5 апреля 1878 г. он был выслежен как участник антиправительственной панихиды в память о народнике Г.П.Сидорацком¹¹.

Полный текст защитительной речи Герарда по делу «50-ти» сохранился в рукописи среди бумаг Д.В.Стасова. Выдающийся юрист и общественный деятель Дмитрий Васильевич Стасов (1828—1918) — сын архитектора В.П.Стасова и брат критика В.В.Стасова — выступал, как и Герард (на процессах нечаевцев в 1871 г. и «193-х» в 1877—1878 гг. — вместе с ним), в качестве защитника по политическим делам.

Поскольку до сих пор в печати были только отдельные фрагменты речи В.Н.Герарда по делу «50-ти»¹², полная ее публикация должна заинтересовать историков и юристов.

Публикацию подготовил доктор исторических наук Н.А.ТРОИЦКИЙ.

Защитительная речь В.Н.Герарда 9 марта 1877 г. по делу о тайном сообществе^а

Гг. сенаторы, гг. сословные представители!¹ Я знаю, насколько внимание ваше утомлено продолжительным судебным следствием и продолжительными прениями, но решаюсь просить у вас еще немного этого внимания, потому что положение моих клиентов — и по участию

⁷ 10 сентября 1862 г. П.И.Чайковский писал о Герарде: «Я и папаша его любим, как брата» (Чайковский П.И. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 5. С. 74).

⁸ См. о нем: Спасович В.Д. Застольные речи. Лейпциг, 1903. С. 96—98 (речь на обеде в честь В.Н.Герарда 16 марта 1893 г.); Арсеньев К.К. В.Н.Герард // Право. 1903. № 51; Люстиг В.О. Памяти В.Н.Герарда // Там же; Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. СПб., 1905. С. 827—834.

⁹ «У меня никаких *набросков* с него не было, — вспоминал И.Е.Репин о работе над портретом Герарда. — Он как артист и чтец, с эффектом выступавший на сцене, был очень грациозен, прекрасно понимал ритм движений, а потому сразу принял такую позу, что любо-дорого. И я с места в карьер взялся за холст и ничего не менял, ничего не искал — так мне нравилась его натура» (Репин И.Е. Избр. письма: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 266—267).

¹⁰ См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 222.

¹¹ ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 68. Ч. 1. Л. 111, 115.

¹² См.: Вперед! Лондон, 1877. Т. 5. Раздел «К злобе дня». С. 137—138; Государственные преступления в России в XIX в. Т. 2 (1877). Ростов н/Д., 1906. С. 316—318.

^а Заголовок документа.

их в настоящем деле, и по качеству представленных против них доказательств — отличается от положения других подсудимых.

Я защищаю Николая Цвиленева², Варвару Николаевну Батюшкову³, Льва Иванова⁴ и Александра Трубецкого⁵. Все они обвиняются в распространении книг противозаконного содержания, и сверх того двое из них — Цвиленев и Батюшкова — в принадлежности к тайному сообществу⁶.

Начну с распространения. Но прежде чем приступить к разбору улик, считаю необходимым сказать два слова о самом этом преступлении. В нашем уголовном кодексе есть целый ряд статей, определяющих наказание за распространение книг противозаконного содержания, и во всех этих статьях ясно проглядывает взгляд законодателя, заключающийся в том, что при обвинении в распространении недостаточно еще, чтобы распространяемые книги содержали в себе противозаконную пропаганду, противозаконное учение, но необходимо, чтобы при распространении книги распространитель имел цель именно возбудить лиц, между которыми он ее распространяет, к достижению тех противозаконных целей, которые в книге проповедаются. Следовательно, чтобы обвинить кого-нибудь в распространении книги с целью произвести бунт, недостаточно признать, что распространяемая книга вызывает к бунту; необходимо еще, чтобы распространитель именно имел целью возбудить к бунту. Если же, например, книга, хотя и содержит в себе возбуждение к бунту, но вместе с тем проповедует и разные другие, хотя также противозаконные, но менее наказуемые учения, и распространитель имел в виду пропагандировать именно эти учения, а не бунт, вы, несмотря на содержание книги, можете признать распространителя виновным только по тем статьям, которые преследуют распространение этих именно учений.

Таким образом, хотя некоторые книги, составляющие предмет настоящего дела, заключают в себе (как уже было признано вами по прежним процессам), между прочим, и воззвание к бунту, но вы признаете, что тот или другой из обвиняемых, распространяя их, имел не эту цель, а стремился возбудить к противодействию и сопротивлению властям, от правительства установленным, вы примените к нему не 251, а 274 ст. Уложения⁷. Если же вы признаете, что цель его была и не эта, что пропаганда его была не политическая, а чисто социалистическая, т.е. что он имел целью возбудить в одном сословии вражду к другому, или отрицал начала собственности и семейного союза с целью разрушить или ослабить их основы, или же, наконец, что он желал оспаривать обязательную силу законов и одобрять или оправдывать воспрещенные ими действия с целью возбудить к ним неуважение, то вы признаете его виновным только по 1035 и последующим ст. Уложения⁸.

Перехожу к разбору улик, выставленных обвинением против моих клиентов. В распространении обвиняются все четверо.

Не думаю, чтобы мне нужно было доказывать, что для обвинения кого-нибудь в распространении книг необходимо указать хотя бы один случай передачи книг с целью их распространения. Такого мнения, по-

видимому, держался и обвинитель. Обвиняя 47 человек в принадлежности к тайному сообществу, он доказывал, что одною из форм деятельности членов этого сообщества было распространение книг, но, тем не менее, он не обвинял огульно всех тех, кого считал членами, в распространении книг. Уже в обвинительном акте были сделаны им исключения, а в обвинительной речи эти исключения увеличились, так как обвинитель назвал нескольких лиц, которые, хотя указаны в акте как распространители, но от обвинения их в этом преступлении обвинитель отказался, поддерживая лишь обвинение в принадлежности к сообществу.

Еще читая обвинительный акт, я удивлялся, почему же в число распространителей книг попал Цвилленев. Я ждал, что в речи обвинитель исправит эту очевидную ошибку, и только массою фактов, с которыми приходилось г. прокурору иметь дело, я могу объяснить, что не слышал подобного же заявления по отношению к обвинению Цвилленева.

Действительно, ни при дознании, ни при судебном следствии не было не только доказательства, но и намек на то, чтобы Цвилленев дал кому-нибудь какую-либо книгу не только противозаконного, но и какого бы то ни было содержания.

Должно думать, что, обвиняя Цвилленева не только в сообществе, но и в принадлежности к Администрации⁹, г. прокурор поэтому обвинял его и в распространении, так как по уставу общества Администрация заведовала раздачею книг. Но отказ г. прокурора от обвинения Цвилленева в принадлежности к сообществу должен был в таком случае повести и к отказу от обвинения в распространении книг.

Я надеюсь, что обвинитель, если воспользуется еще раз правом слова, исправит эту ошибку и тем облегчит вам задачу разрешить вопрос о виновности Цвилленева по этому обвинению.

То же самое я должен сказать относительно Трубецкого. Ни при дознании, ни при судебном следствии не было указано ни единого случая передачи Трубецким книг преступного содержания кому бы то ни было. Если даже верить всем фактам, которые добыло обвинение по отношению к Трубецкому, то выходит, что Трубецкой получил книги, но их не распространял. Что же это за преступление?

Случай такой предусмотрен в Уложении: 4-я часть 251 ст. и 2-я часть 275 ст. определяют наказание за держание у себя противозаконных книг, когда не было распространения. Но мне, быть может, возражат, что 4-я часть 251 ст. и 2-я часть 275 ст. разумеют только случайное получение книги, а не получение ее для распространения, и что в нашем случае налицо уже более, чем простое хранение книги. Положим так, но как бы строго ни судить, все же нельзя признать здесь распространение совершившимся; можно признать самое большее — покушение на распространение, а так как книги, которые, по показанию Беляевского¹⁰, были даны Трубецкому в июне, найдены были у него в августе, и ни одного случая распространения не указывается, то должно прийти к заключению, что покушение на распространение не было окончено по собственному желанию Трубецкого. В подобном случае покушение не наказуемо, если в нем не заключалось самостоятельного

преступления, а так как здесь есть все-таки самостоятельное преступление — держание у себя запрещенной книги, — то вы опять-таки придете единственно к возможности обвинить Трубецкого по 4-й части 251 ст.

Я не стану распространяться о виновности Трубецкого в том, что ему было послано Беляевским большое количество запрещенных книг (кто говорит — 10, кто говорит — 25). Во всей этой истории Трубецкой не при чем. Нет ни одного указания на то, что отправка книг была сделана вследствие согласия Трубецкого распространять книги. Я верю вполне, что между Беляевским и Трубецким не раз были разговоры о пользе или вреде распространения подобных книг. Такие разговоры весьма обыкновенны между двумя приятелями-студентами. Очень может быть, что в уме Беляевского осталось впечатление, что Трубецкой не прочь и сам принять участие в распространении, и вот он отсылает ему книги, которые до Трубецкого не доходят. Но на основании подобных данных признать, что Трубецкой виновен, — значит вынести приговор о его виновности не на основании его поступков, а на основании впечатления, которое он произвел на Беляевского. Признать в данном случае виновность Трубецкого — значит убеждение судьи заменить впечатлением Беляевского. Но для этого нужно, чтобы вы признали в Беляевском великого психолога, чтобы вы признали, что он в своих впечатлениях непогрешим.

Переходя к вопросу о виновности Батюшковой и Иванова в распространении книг, я невольно становлюсь в тупик. У меня нет данных для защиты, но по весьма простой причине: потому что у обвинителя нет данных для обвинения.

Если бы настоящее дело судилось присяжными заседателями, которые не могут знакомиться с делом иначе, как на основании судебного следствия, они были бы крайне удивлены вопросом о виновности Иванова, и, конечно, кроме отрицательного ответа, ничего не могли бы сказать. В самом деле, на суде имя Иванова упомянуто было два раза: первый раз, — когда г. председатель сказал: «Подсудимый Иванов, признаете ли вы себя виновным?»; Иванов ответил: «Нет, не признаю»; второй раз, — когда была призвана свидетельница Домасюк, квартирная хозяйка Иванова. Ей предъявили Беляевского и Трубецкого, которым, как утверждает обвинитель, Иванов передал книги, и она заявила, что ни того, ни другого у Иванова не видала. Замечу здесь, что и на дознании она сказала то же самое, и что квартирный хозяин Беляевского Филипп Михайлов точно так же заявил, что Иванов у Беляевского не бывал.

Единственною уликою против Иванова и Батюшковой в передаче книг является по обвинительному акту оговор Беляевского. На суде и этого оговора не было.

Но нам было заявлено, что Особое присутствие не руководствуется правилами, установленными в уголовном судопроизводстве, что оно будет при решении дела иметь в виду все прежнее дознание, хотя бы оно и не проверялось на суде. Не могу не заметить, что вряд ли это справедливо. В обыкновенном суде оговор, сделанный одним подсудимым

на другого, если он не подтверждается на суде, не может быть выставлен перед судьями, потому что закон и практика кассационного департамента Сената не позволяют читать показания, данные подсудимыми на предварительном следствии. Какой смысл подобного закона? Неужели закон и Сенат в делах, судимых присяжными заседателями и обыкновенными судьями, желают скрывать истину и потому не разрешают читать показаний подсудимого? Конечно, нет. Значение этого запрета совсем иное: он основан на том недоверии, которое возбуждает к себе показание обвиняемого. Понятно вполне, что у человека арестованного, привлекаемого к суду в качестве обвиняемого, особенно в преступлении, влекущем за собою очень строгое наказание, на первом плане всегда почти бывает не желание открыть истину, а старание выпутаться самому, и часто выпутывание это совершается посредством сваливания всей вины или главной ее части на других. Я готов, впрочем, согласиться с тем, кто говорит: «для судей не должно быть никаких тайн, читайте все, что есть в деле». Согласен. Но в таком случае, как гарантия правильности решения, должно быть право подсудимого говорить на суде все, что он считает нужным для разъяснения причин, побудивших его дать прежде такое показание, которое он теперь опровергает. Читайте все, но и слушайте все!

Тогда, быть может, результат выйдет совсем не тот, какого ожидает г. прокурор. Быть может, вместо того, чтобы сказать «подсудимые на суде говорят неправду», вы скажете: «порядок предварительного расследования дел, подобных настоящему, вовсе непригоден, и мы, призванные выносить приговор по таким важным преступлениям, не можем судить на основании данных, добываемых таким несовершенным способом». Я напому вам только, что один из товарищей моих обратил внимание ваше на показание одного из свидетелей, им подписанное в жандармском управлении, где оказалась масса выражений и слов, которые этот свидетель вовсе не понимал.

Итак, мне все-таки приходится разбирать оговор Беляевского, сделанный на дознании и затем снятый.

Законодательство наше всегда относилось весьма недоверчиво к оговору. Оно всегда требовало, чтобы оговор был подтвержден другими доказательствами. Еще в Уложении царя Алексея Михайловича было постановлено: «на которых людей языки учнут говорити в расспросе до пытки, а с первыя и другия и третия пытки с них учнут сговаривати, и тому сговору верить»¹¹. Этого правила держалось наше законодательство и впоследствии.

Но г. прокурор считает, что оговор снят Беляевским голословно. А взведен он как? Разве не голословно? Г. прокурор говорит, будто больше доказать оговор, как то сделал при дознании Беляевский, нельзя. Посмотрим, что же это за доказательства. Беляевский заявил, что запрещенные книги ему дали Иванов и Батюшкова, и в подтверждение этого узнал их в лицо, когда их предъявили ему, и указал их адреса. Вот и все. Что же это доказывает? Это доказывает только, что Беляевский видел прежде Батюшкову и Иванова, знал их в лицо и знал, где они

живут. Это не доказывает даже, что они знали Беляевского. При этом замечу, что Беляевский так хорошо знал Батюшкову, что, описывая ее наружность, он сказал, что она, кажется, брюнетка. Посмотрите на нее, господа, и уж, конечно, что менее всего покажется в ней с первого же взгляда, — это чтобы она была брюнетка. Замечу еще, что по обыску у Батюшковой, кроме одного № газеты «Вперед!»¹², ни одна запрещенная книга не найдена, а у Иванова не найдено вообще ничего запрещенного. Я думаю, что менее подтвердить свой оговор, нежели сделал это Беляевский, невозможно, и что менее можно подтвердить оговор только оговоривши человека, которого никогда даже в глаза не видел.

Снимая свой оговор с Батюшковой и Иванова, ныне Беляевский дает другое объяснение тому, как попали к нему запрещенные книги, и г. прокурор говорит вам, что теперешнее его показание не заслуживает вовсе доверия, потому что Беляевский рассказывает, будто книги эти дал ему неизвестный человек, прося передать неизвестным же людям. Я с этим совершенно согласен: верить этому рассказу Беляевского нельзя. Но значит ли это, что надо верить первому его рассказу? Разве необходимо выбирать между тем и другим, разве он не мог сказать неправду в обоих случаях? Ведь *правду*^a сказать о каком-нибудь факте можно только одну, *неправд* — сотни тысяч.

Тут, однако, невольно навязывается вопрос: да почему же Беляевский оговорил именно Иванова и Батюшкову? Хотя я имею полное право отклонить от себя обязанность отвечать на этот вопрос, хотя я могу сказать обвинителю: докажите сперва справедливость оговора, я потом буду его опровергать, — тем не менее, отвечу и на этот вопрос. А если книги эти Беляевский получил от кого-нибудь, кто ему дорог, кого он указать не хочет? Он арестован. Книги при нем. Откуда взял? И вот он припоминает, что когда-нибудь при нем Иванов дал кому-нибудь из его товарищей запрещенную книгу — вали на Иванова! Я не стану отрицать возможность подобного факта. Иванов был знаком со многими студентами Петровской академии, бывал у них часто. Между студентами передача друг другу запрещенных книг — дело обычное, и вряд ли когда-нибудь можно предположить, что подобная передача делалась с целью возбуждать к бунту.

Отчего оговорена Батюшкова? Да она — прекрасный объект для оговора! Месяца за три до этого случая она только что была выпущена из тюрьмы, где ее напрасно продержали пять месяцев. Она была сельской учительницей, и достаточно было простого доноса, который ни на чем не был основан, ничем не подтвердился, чтобы продержать ее пять месяцев в тюрьме. Знать это Беляевскому было вовсе не трудно. Думаю, что студенты всегда знают тех молодых людей своего круга, которых постигло несчастье быть заподозренными в политической неблагонадежности, особенно если это подозрение сопровождалось арестом.

Теперь мне предстоит рассмотреть обвинение Цвиленева и Батюшковой в принадлежности к тайному обществу, имевшему целью (как го-

^a Здесь и далее слова, подчеркнутые в документе, выделены курсивом.

ворит обвинение) в более или менее отдаленном будущем ниспровергнуть правительство.

По обвинительному акту значилось, что Цвилленев был не только членом сообщества, но и членом Администрации. Отказ г. прокурора в этом отношении дает мне право не касаться вовсе этого вопроса, потому что я не допускаю возможности, чтобы вы признали доказанным то, чего не подтверждает сам обвинитель.

Доказывая принадлежность того или другого обвиняемого к сообществу, г. прокурор приводит в улику обвиняемым наличность нескольких признаков, указывающих на общий характер действий и приемов. Я пойду тем же путем и докажу вам, что ни одного из этих признаков по отношению к Батюшковой и Цвилленеву нет.

Во-первых, — *клички*. Признаться, я вообще сомневаюсь, чтобы те прозвания, которые даны были некоторым из обвиняемых в их кружках, были бы действительно кличками с целью скрывать их личности. В самом деле, какие клички обнаружены г. прокурором? Лидию Фигнер¹³ звали Лидька, Надежду Субботину¹⁴ — Надька, Кикодзе¹⁵ — Кика, Гамкрелидзе¹⁶ — Гамка. Да ведь это все сокращенные имена! Веру Любатович¹⁷ звали Волчонком, но оказалось, что это прозвище дано было ей еще с детства в семье. Наконец, Здановича¹⁸ звали Рыжий, а Кардашева¹⁹ — Мавр. Да посмотрите же, господа, на этих двух соседей по неблагополучию: разве можно скрыть их под этими прозвищами?^a Но если даже это были клички в том смысле, как говорит обвинитель, то у Батюшковой и Цвилленева кличек не было.

Во-вторых, — *хождение в народ в народных костюмах*: Ничего подобного по отношению к Батюшковой и Цвилленеву не указывается, а заметьте, что по уставу члены сообщества должны были исполнять беспрекословно поручения, возлагаемые на них их кружком, и уж, конечно, если бы Батюшкова принадлежала к кружку, на нее первую возложили бы поручение идти в народ, потому что она, будучи довольно долго перед тем сельской учительницей, более других общалась с народом и, следовательно, лучше других могла бы исполнить обязанности, сопряженные с хождением в народ.

В-третьих, — *сокрытие своего имени при аресте*. Положение это неприменимо к Батюшковой, потому что ее арестовали на ее квартире: она, стало быть, не могла скрывать своего имени. Но Цвилленева арестовали у нее. Цвилленев, которого в Москве никто не знал, мог удобно скрыть свое имя, однако не сделал этого. Замечу здесь, что у Батюшковой вместе с Цвилленевым был арестован дворянин Аносов²⁰, который будет судиться особо и который при аресте назвался Захарьиным. Я далек от мысли указывать этим, что Аносов принадлежал к тайному обществу, но обвинение-то, конечно, выставит это как улику против Аносо-

---

^a Эти слова защитника вызвали общий смех, потому что Зданович и Кардашев, сидя рядом, отличаются резко друг от друга: первый — рыжим цветом волос на голове и бороде, второй — черными, как смоль, волосами и очень смуглым лицом. У обоих волос очень много (Прим. документа).

ва. Позвольте же мне на противоположное действие Цвиленева указать как на улику в его пользу.

В-четвертых, — *переписка шифром*. Дознание не обнаружило ни одного письма, писанного Батюшковой или Цвиленевым, или полученного ими, которое было бы писано шифром. Когда они оба были уже арестованы, перехвачена была переписка между ними, писанная шифром, но таким, который, кроме них, никто в обществе не употреблял. Этот способ переписки между Батюшковой и Цвиленевым есть плод тюремного заключения, и я не стану повторять вам те вполне справедливые замечания, которые сделал по этому предмету мой уважаемый товарищ г. Спасович²¹.

Наконец, в-пятых, — *общность имущества, квартир, белья*. Но эта улика к Батюшковой и Цвиленеву вовсе неприменима²². На это обстоятельство мною было указано во время следствия, и г. прокурор согласился с моим заявлением по этому предмету.

Итак, ни одна из улик, приводимых обвинителем в доказательство принадлежности к настоящему сообществу, неприменима к Батюшковой и Цвиленеву. Но он говорит: они были близки к этому сообществу. Что это значит? Если под этим разуметь, что они были *знакомы* с некоторыми из лиц, принадлежавших к организации, — это правда. Но разве знакомство с обвиняемым лицом может служить уликою участия в преступлении? Подобная аргументация напоминает мне желание одного блюстителя правосудия (которого вы знаете, конечно): он сделал однажды представление, что во вверенном ему округе живет немало лиц, *знакомых с прикосновенными* к нечаевскому делу. Заявляя, что в их деятельности не замечено ничего явно преступного, он просил, однако, разрешения принять против них административные меры. Но высшие власти с ним, к счастью, не согласились: они справедливо заключили, что знакомство с прикосновенными — это слишком отдаленное уголовное родство.

В чем же еще проявилась у Батюшковой и Цвиленева эта близость к сообществу? А в том, говорят, что, как видно из рукописей, найденных у Цвиленева, он, очевидно, во многих отношениях не сочувствует существующему порядку.

Это выражение «*порицание существующего порядка или несочувствие ему*» возбуждает очень много толкований единственно потому, что у нас вообще права отдельных граждан по отношению к государству и управлению ужасно неясны, благодаря не столько неясности в законе, сколько незнанию самих граждан, что им закон дозволяет, чего нет. Правда, что их часто заставляют раскаиваться в том, что они слишком серьезно полагались на права, бесспорно им по закону принадлежащие, но — о случайностях говорить нельзя. Случайности нарушения закона, с чьей бы стороны они ни исходили, особенно же когда они исходят от лиц, по положению своему призванных применять эти самые законы, ничего кроме грустного чувства в человеке, любящем свое отечество и желающем ему добра, возбудить не могут.

Наш закон позволяет ли быть недовольным существующим порядком, или он за это недовольство наказывает? Закон 6 апреля 1865 г. о печати²³ разрешил бесцензурную печать и при этом постановил, что не вменяется в преступление и не подвергается наказаниям обсуждение как отдельных законов и целого законодательства, так и опубликованных правительственных распоряжений, если в напечатанной статье не заключается возбуждения к неповиновению законам, не оспаривается их обязательная сила и нет выражений, оскорбительных для установленных властей.

Очевидно, если дозволено обсуждать отдельные законы и целое законодательство, то ведь нельзя же требовать, чтобы обсуждающий только хвалил; он может, стало быть, указать и нехорошие стороны того или другого закона, и так как каждый закон служит основанием для известного порядка в государственном устройстве, то можно высказать и порицание этому порядку.

Но у нас, ложно толкуя это право, бесспорно нам по закону принадлежащее, тотчас говорят: «да вы порицаете существующий порядок», и при этом забывают, что закон наш запрещает и считает государственным преступлением единственно порицание установленного государственных законами *образа правления и порядка престолонаследия*. Далее этого закон не идет.

И в самом деле. Неужели же государственный преступник был тот, кто до 19 февраля 1861 г.²⁴ доказывал, что существовавший в то время порядок устройства судьбы 30 млн граждан России есть несправедливость, и желал освобождения крестьян?

Неужели же государственный преступник был тот, кто до 20 ноября 1864 г.²⁵ доказывал, что существовавший в то время порядок отправления суда не гарантирует интересов правосудия, и желал введения у нас суда присяжных?

Неужели государственный преступник был тот, кто до 1864 г.²⁶ доказывал, что для правильного ведения народного хозяйства необходимо ввести самоуправление плательщиков, и желал изменения существовавшего тогда порядка заведования земскими сборами?

Конечно, нет.

Не государственные преступники и те из подсудимых, в том числе Батюшкова и Цвилленев, которые, находя, что положение нашего простого народа безотраднo, утверждали, что причина тому кроется в злоупотреблениях или нехорошем устройстве разных учреждений, деятельность которых имеет непосредственное прикосновение к непривилегированным классам и населению рабочему.

Правда, некоторые из них увлеклись далее этого. Они понесли в народ книги, в которых, кроме многочисленных рассуждений по этим предметам, затрагивается изредка вопрос и об образе правления, но судя их за побуждения, которые руководили ими в их действиях, вы отнюдь не можете признать, что они хотели бунтовать.

Нельзя не заметить, как несправедливо поступает обвинение в настоящем деле, и обобщая улики, и шаржируя, преувеличивая их значе-

ние. Я остановлю ваше внимание на одном весьма резком факте. Кто читал обвинительный акт (а его прочло, вероятно, все общество)²⁷, того, конечно, более всего покоробит одно место из этого акта, где цитируются несколько слов, взятых из письма, приписываемого Здановичу. Слова эти: «убивайте, стреляйте, работайте, бунтуйте». Выписав эти слова, обвинитель делает вывод: «вот цель, которую имели эти пропагандисты». Кто прочел это место обвинительного акта и поверил ему, тот, конечно, с отвращением отвернется от этой молодежи, поставившей подобную цель в своей деятельности: «убивайте, стреляйте». Но прочтите все письмо и вы убедитесь, что писавший его употребил выражения эти совсем не в буквальном их смысле. Мало того, вскоре после написания этого письма случился подобный факт: Цицианов²⁸ при арестовании его сделал два выстрела по жандармскому офицеру и промахнулся. Об этом событии Кардашев извещает Здановича (того самого, который писал письмо). Что же он ему пишет? Вы скажете: конечно, пишет — «очень жаль, что промахнулся». А между тем, вот что пишет Кардашев: «Цицианов дал два выстрела по офицеру, но не попал; это очень хорошо». Вот как правдивы выводы и обобщения, сделанные обвинителем.

Разбирая цель, с которою действовали эти люди, вы не можете признать, что в их действиях у всех была одна и та же цель. Вы, конечно, убедились, что большинство их о политике думало мало и все свое внимание направляло на социальное положение рабочего населения, отыскивало средства, как это положение улучшить.

Если в некоторых единичных случаях отдельные личности хватали через край, то и это совершенно понятно: ведь на попрание социального развития наша молодежь непременно бросается в крайности. Требовать противного — значит желать, чтобы в 22 года у человека были мозги и нервы 50-летнего. Припомните, господа, вашу собственную молодость. Неужели вам не случалось получать от товарищей и передавать запрещенные, противоправительственные книги? Неужели вам не случалось увлекаться самыми крайними революционными идеями, и это, однако, не помешало вам дойти до высших степеней на государственной службе! Один весьма консервативный французский государственный деятель сказал: «qui n'est pas républicain à vingt ans, fait douter de son bon coeur»³. Что этот господин (имя его я теперь забыл) далеко не революционер, видно из последующих слов его изречения. Он говорит: «qui reste républicain à trente ans, fait douter de son esprit»⁶. Здесь ясно его направление. Но желательно ли, чтобы человек, увлекающийся в молодости революционными идеями, с годами впадал в противоположную крайность? Думаю, нет. Пыл молодости проходит, и из революционера с го-

---

³ Тот, кто не республиканец в 20 лет, побуждает сомневаться в его добром сердце (фр.).

⁶ Тот, кто остается республиканцем в 30 лет, заставляет усомниться в его разуме (фр.).

дами делается мирный поборник прогресса. Такие люди нужны. Из борьбы прогресса с застоём вырабатывается государственная жизнь.

Возвращаясь к деятельности Цвиленева, мы видим несомненно, что она была чисто *теоретическая*. Активно деятельность его не проявилась ни в чем, но при нем найдено много рукописей, частью им писанных, частью им же переписанных. Найдено при нем и два списка книг. В них упомянуты 62 издания — и ни одного противозаконного! Между тем, большинство этих книг таково, что знакомство с ними подготавливает к изучению так называемого рабочего вопроса. Из найденных у него рукописей я обращаю ваше внимание на три документа.

1) Программа собирания статистических сведений. В ней говорится, какие следует собирать сведения о положении и развитии простого народа в известной местности, и я прошу вас заметить, что программа эта сходна с программой, найденною у другого подсудимого, но только в программе Цвиленева не признается нужным собирать сведения о царепочитании и о том, как относится народ к нечаевскому процессу; остаются лишь сведения чисто экономические.

2) Реферат о стремлениях молодежи и

3) Копия с письма, приписываемого некоему Цакни²⁹.

Два последних документа ясно доказывают, что даже в среде самой радикальной молодежи произошел уже некоторый поворот. В этих двух документах видно, что в среде этой образовалась партия, которая стала доказывать, что прежние стремления не годятся, что пропагандисты, идущие в народ, должны не возбуждать, а изучать его, познать и испытать все его нужды и стараться поднять его культуру, пропагандируя в народе свои познания и чувства, но отнюдь не тенденцию. «Всякие революционные книжки надо бросить в печь, все это — вздор и белиберда (говорится в этих рукописях); времена Пугачева прошли. Интеллигентный человек должен внимательно изучать массы и отдельных единиц, прививать отдельным единицам сознание и критику, но ни в коем случае не подстрекательную, и вносить в массы элемент человеческой культуры, а затем все предоставить переработке самого народа и истории. Далее этого роль интеллигентного человека не должна идти». Такого направления, очевидно, были и Цвиленев и Батюшкова. Неужели же таких людей обвинять в принадлежности к сообществу, имевшему цель произвести бунт или ниспровергнуть существующее в государстве правительство? Очевидно, нет!

Если, как я уже сказал, в стремлениях этой молодежи и бывали случаи, что некоторые из них хватили через край, то поверьте, не строгими уголовными карами вы предотвратите это. Дайте лучшее развитие нашей молодежи, устройте так, чтобы она знакомилась в подробности со всеми социальными вопросами не самоучкою, а под влиянием свободно мыслящих ученых. Наше воспитание, особенно то, которое воспевают прокурор, воспитание, ныне берущее верх в высших и средних учебных заведениях, менее всего может содействовать развитию юношества на почве гражданственности.

Дайте лучшее развитие тем учреждениям, которые обязаны заботиться о народном благосостоянии. Побольше гласности, побольше правды, побольше забот о развитии народном, побольше общественного контроля! — и вам будет легко проводить в народе все те реформы, которых он ждет от вас. Тогда вам и без уголовного суда легко будет бороться с теми мнениями, которые считают возможным делать гигантские скачки в развитии народных учреждений, народной жизни.

Я кончаю. Сердце надрывается, когда видишь, сколько гибнет молодых сил и из-за чего? Ведь не подлецы же эти люди. Вы, которые преследуете их, не скажете, что они руководились какими-нибудь своекорыстными побуждениями. Нет! Отчего так спокойно ждут они вашего приговора? Да, что бы ни сказали вы, пред собственной совестью они не виноваты. Посмотрите на них. В среднем им нет 24 лет, а предварительное одиночное заключение наложило на них печать неисцелимого физического недуга: из 50 человек вряд ли укажете мне трех, на лицах которых не было бы следов разрушения, и к вам обращается обвинитель, требуя для них каторги, требуя то есть, чтобы это одиночное заключение, но при гораздо худших условиях (в центральных каторжных тюрьмах), было продолжено еще, и добро бы действительно то, в чем они виновны пред законом, подходило бы под эту кару, но нет, — для этого делают невозможные обобщения, для этого делают неподходящие натяжки. Нет, я не допускаю мысли, чтобы таков был ваш приговор³⁰. Как бы ни был мал срок каторжных работ, для подсудимых это будет смерть.

ИРЛИ РО. Ф. 294 (архив Стасовых). Оп. 4. Д. 377. Л. 13—19об. Ручкопись.

Примечания

¹ Особое присутствие Правительствующего Сената (ОППС) было учреждено 7 июня 1872 г. специально для разбирательства политических дел. Составляли его 6 сенаторов, которых назначал сам царь, и 4 сословных представителя (губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина), тоже подлежащие утверждению царем. Первоприсутствующим (председателем суда) на процессе «50-ти» был сенатор К.К.Петерс. Обвинял товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената К.Н.Жуков.

² *Цвилнев Н.Ф.* (1852— после 1934) — член петербургской группы Большого общества пропаганды (т.н. «чайковцев») с 1874 г. и «Всероссийской социально-революционной организации» (т.н. «москвичей») с 1875 г. По делу «50-ти» отбывал ссылку в Иркутской губ. В СССР был членом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

³ *Батюшкова В.Н.* (1849—1894) — дочь действительного статского советника. Член московской (с марта 1873 г.) и петербургской (с осени т.г.) групп «чайковцев» и организации «москвичей» с 1875 г. К моменту ареста летом 1875 г. была невестой Н.Ф.Цвилнева, с которым и обвенчалась после суда по делу «50-ти» в тюремной церкви и вместе с ним отбывала ссылку в Иркутской губернии.

⁴ *Иванов Л.А.* (1851—1887) — народник. Сотрудничал с организацией «москвичей» в революционной пропаганде. По делу «50-ти» осужден на 9 лет каторги, замененной ссылкой в Сибирь. Умер в ссылке.

⁵ *Трубецкой А.Е.* (1855—?) — сын священника. Сотрудничал с организацией «москвичей» в распространении нелегальной литературы.

⁶ Прокурор *К.Н.Жуков* не вникал в различия между организациями «чайковцев», «москвичей» и других народников, обвиняя их всех в принадлежности к единому «противозаконному сообществу, имевшему целью ниспровержение порядка государственного устройства» (Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т. 2. С. 178).

⁷ Ст. 251 в главе «О бунте против власти верховной» предусматривала в качестве наказания каторгу от 8 до 10 лет, а ст. 274 в главе «О сопротивлении распоряжениям правительства» — ссылку на поселение в Восточную Сибирь (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7 изд. СПб., 1892. С. 210, 221).

⁸ Ст. 1035 и последующие об оскорблении действующих законов или постановлений правительства предусматривала в качестве наказания тюремное заключение от 2 мес. до 1 г. 4 мес. или арест от 4 дней до 3 мес. (Там же. С. 453—454).

⁹ Администрация (Управление) — так назывался, согласно уставу «москвичей», их руководящий орган из трех лиц, которые сменялись ежемесячно. Первыми членами Администрации были *И.С.Джабадари*, *Е.Д.Субботина*, *В.С.Грязнов*. *Цвилнев* в Администрацию не входил.

¹⁰ *Беляевский А.П.* (1855 — после 1891) — сын священника. Сотрудничал с организацией «москвичей» в распространении нелегальной литературы. Летом 1882 г. бежал из сибирской ссылки за границу.

¹¹ Цитируется ст. 100 главы 21-й Соборного Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича (Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1. С. 152).

¹² «Вперед!» — революционно-народническая газета (двухнедельное обозрение). Издавалась в 1875—1876 гг. (№№ 1—48) в Лондоне, как оперативное дополнение к журналу «Вперед!» (Цюрих—Лондон, 1873—1877 гг. Т. 1—5). Ред. журнала и газеты — *П.Л.Лавров*.

¹³ *Фигнер Л.Н.* (1853—1920) — младшая сестра Веры Фигнер. Член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывала ссылку в Сибири.

¹⁴ *Субботина Н.Д.* (1855 — после 1934) — член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывала ссылку в Сибири. За участие в «хождении в народ» две ее сестры (*Евгения* и *Мария*) судились по делу «50-ти», а мать *Софья Александровна* — по делу «193-х» (1877—1878 гг.).

¹⁵ *Кикодзе И.Г.* (1852—?) — член организации «москвичей». По делу «50-ти» не был разыскан, успев скрыться в Турцию.

¹⁶ *Гамкрелидзе А.Е.* (1851—1894?) — член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывал ссылку в Сибири.

¹⁷ *Любатович В.С.* (1855—1907) — член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывала ссылку в Сибири вместе с сестрой *Ольгой*. Третья из сестер *Любатович*, *Татьяна*, — известная оперная певица (ее портреты писали *М.А.Врубель*, *К.А.Коровин*, *М.В.Нестеров*); четвертая сестра, *Клавдия*, — антрепренер Русской частной оперы *С.И.Мамонтова*; пятая сестра, *Анна*, — мать Героя Советского Союза летчицы *Марины Расковой*.

¹⁸ *Зданович Г.Ф.* (1855—1917) — член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывал каторгу и (с 1883 г.) ссылку в Сибири. Позднее известный в России и Турции публицист и предприниматель.

¹⁹ *Кардашев С.М.* (1852—?) — член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывал каторгу и (с 1883 г.) ссылку в Сибири.

²⁰ *Аносов Н.М.* (1850—?) — член московской группы «чайковцев». Судился по делу «193-х» (засчитано предварительное заключение). Административно выслан осенью 1878 г. в Архангельскую губ., где находился до 1884 г.

²¹ *Спасович В.Д.* (1829—1906) — юрист, автор первого в России учебника по уголовному праву, выдающийся адвокат, слывший «королем адвокатуры». На процессе «50-ти» он говорил, что в заключении между узниками «устанавливается особого рода сообщество — не политическое, а просто тюремное, переписка, обмен слов, общие думы и заботы о свободе» (Спасович В.Д. Соч. Т. 6: Судебные речи (1875—1882). СПб., 1894. С. 135).

²² В.Н.Батюшкова и Н.Ф.Цвилленев жили тогда вместе, в гражданском браке.

²³ Имеются в виду временные Правила о цензуре и печати, которые Александр II подписал 6 апреля 1865 г., придав им силу закона.

²⁴ Т.е. до отмены крепостного права в России.

²⁵ Т.е. до судебной реформы Александра II.

²⁶ Т.е. до земской реформы Александра II («Положение о губернских и уездных земских учреждениях» вступило в силу 1 января 1864 г.).

²⁷ Обвинительный акт по делу «50-ти» публиковался в газете «Правительственный вестник» и перепечатывался другими, как центральными, так и местными газетами.

²⁸ *Цицианов А.К.* (1850—1885) — князь, член организации «москвичей». По делу «50-ти» отбывал каторгу и (с 1883 г.) ссылку в Сибири, где заболел психически и вскоре умер.

²⁹ *Цакни Н.П.* (1851—1904) — член московской группы «чайковцев». Тесть писателя И.А.Бунина. Осенью 1876 г. был административно выслан на Север.

³⁰ Суд вынес подзащитным В.Н.Герарда следующий приговор: В.Н.Батюшковой и Л.А.Иванову — 9 лет каторги, Н.Ф.Цвилленеву — ссылка в Сибирь, А.Е.Трубецкому — 2 недели ареста. Суд, однако, констатировал, что участие Иванова и Батюшковой в «противозаконном сообществе» «не имело по своим последствиям того значения», как у других осужденных на каторгу, и поэтому ходатайствовал перед царем о замене им каторги ссылкой в Сибирь, что и было сделано (см.: Государственные преступления в России. Т. 2. С. 326).

«ТАЙНИКИ ЧУЖОЙ ДУШИ»

Дневник П.И.Бартенева. 1854—1858 гг.*

7 февраля 1857 г.

Я снова принимаюсь записывать. События так важны, что подробности их непременно получают впоследствии большую занимательность. Так, например, вопрос об освобождении крестьян приобретает с каждым днем новую значительность. Уже составился для решения его особый комитет. Государь еще в мае 1855 года в Москве созывал всех предводителей московской губернии и говорил им о необходимости эмансипации. Предводители собрались к Государю в кабинет. Государь не сказал им ничего решительного, но прибавил, что необходимо начать это дело сверху. В тот же день пошли самые разнообразные о том толки, и Закревский, собрав всех, слышавших слова Государя, попросил составить точную редакцию их, дабы не было противоречий.

3 января^а, как уверяют люди, не любящие болтать, собрались все министры и некоторые члены Госуд[арственного] Совета и по личному предложению Государя обсуждали вопрос об эмансипации. Против нее говорили только Брок, сославшийся на недостаток денег и кн[язь] Пав[ел] Пав[лович] Гагарин, старый московский сенатор, человек очень умный. Он утверждал, что крепостное сословие есть основа величия России, и вышел из заседания, сказав, что скорее даст себя повесить, чем согласится одобрить предлагаемую меру. Государь объявил себя за большинство, 17-го уже начались обыкновенные заседания Комитета.

Между тем рано утром 7 или 8 числа множество народа собралось у Сената и с жадностью покупало указ^б, вообразив, что им дается вольность. Говорят, что произошли небольшие беспорядки, выломали двери Сенатской лавочки и пр. Отряд жандармов скоро разогнал толпу, но человек 60 перепороли. Государь будто в тот же день уехал охотиться в Тосну и на вопрос г[енерал]-губернатора, что делать, если опять соберется толпа, сказал, улыбаясь: «Разгоняйте их пожарными трубами». Если это и выдуманно, то кстати. Добродушие Государя уже не раз высказывалось. Он подтверждает теорию Хомякова, уверяющего, что Россия тогда и была счастлива, когда на престоле сидели люди не хитрые, но добросердечные, с горячею любовью к родине, предоставлявшие пол-

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2000. № 1. С. 147—199; № 3. С. 170—206. Публикацию подготовила И.А.Смирнова.

^а Почти ровно за год, янв[аря] 4, происходило заседание, единогласно (кроме Блудова, подавшего голос в пользу мира). (Примечание П.И.Бартенева).

^б Далее следует пропуск в названии Указа.

ную свободу действовать другим. Хомяков еще недавно (25 числа, накануне тяжелой болезни своей, так напугавшей нас) предлагал написать аллегорическую картину под назв[анием] «Счастье России»: Федора Ивановича с колоколом, Алексея Мих[айловича] с соколом, Елизавету Петровну с чарочкой, и в перспективе Александра Николаевича, окруженного зайцами, лисицами, медведями и пр. — Будущее в руках Божьих, а с каким-то искренним чувством глядишь на портреты этого царя, который послан в такие важные времена.

Проектов освобождения уже ходит несколько: Кавелина, Жеребцова, Позена, Чичерина (напечатанный в «Голосах из России», в Лондоне). Приятно подумать, что главные сотрудники «Русской Беседы» дали три проекта: Самарин, Черкасский и Кошелев (отправивший 4 своих «Записки» на днях Государю). Последний мне известнее прочих. В нем предлагается оценка уступаемой помещиками в пользу крестьян собственности, за которую правительство должно заплатить помещикам кредитн[ыми] билетами.

Сегодня между прочим видел курьезную рукопись: «Размышления о неудобствах России дать свободу крестьянам», 1785 года. Эта небольшая тетрадка, пошлая, сколько могут судить, найдена в бумагах И.И.Голикова Никол[ае]м Вас[ильевичем] Каразиным (дочь Голикова была за Е.И.Бланкеннагелем, а дочь сего последнего за известным Вас[илием] Назар[овичем] Каразиным). В ней, между прочим, говорится, что собрание Депутатов разнесло вольные мысли в низших сословиях и приготовило Пугачевщину (кстати, за статью о Пугач[евщине], помещ[енной] в № 1 «Русского Вестника», 1857 г., сделан цензору Крузе строгий выговор; Норов уведомляет, что он даже доносил о ней Государю).

Между депутатами особенно говорил впользу эмансипации какой-то Коробьин. В 1766 г. в Вольное Экон[омическое] общество поступила задача; о том же предмете некто Ахенский, доктор права, прислал *разумное* решение ее и получил за то премию. Бумаги Каразина хранятся у сына его Филадельфа. Но важнейшая часть его поденных записок была отобрана правительством.

Каразин надоедал своими письмами и проектами Николаю Павловичу. Государь приказал Бенкендорфу возвратить ему его письмо, что и было исполнено через полицию. Но на конверте стояло просить Каразина, и сей последний ни за что не хотел принять письма, говоря, что на свете много Каразиных, что в письме может быть пасквиль, и что у него есть чин, имя и отчество. После неоднократных посылок Бенкендорф призывает его к себе и грозитя в случае упрямства употребить крутые средства. «Попробуйте заставить меня», — отвечал Каразин, и, взяв письмо, тут же бросил его в горевший камин. После этого его сослали на постоянное житье в деревню, где он и умер в 1843 г[оду]. Жена его до сих пор живет в Москве.

Бенкендорф сначала не был таков, каким знали его впоследствии. Он участвовал в Комитете о преступниках 14 Дек[абря]. Раз во время допроса председатель Татишев сказал Лореру, упомянувшему о какой-то

книге: «Молодой человек, я никогда ничего не читаю, кроме святцев, а видите, у меня сколько звезд!» При этих словах Бенкендорф покраснел и от стыда закрыл лицо руками. Когда вели к допросу князя Репнина-Волхонского, Бен[кендорф] случайно встретил его в соседн[ей] с залом комнате, и сказал: «Скажу Вам одно: великим несчастьем почитаю, что принужден заседать с этими людьми. Надежды не имейте: самое лучшее Вам — Сибирь». На дорогах он останавливал Чернышева, который много кричал и не давал подсудимому времени обдумывать ответы. Во время допросов он большею частью сидел, потупя голову, либо совсем закрывшись руками.

У Капниста был брат, Петр Васильевич^а. Он служил смолоду в гвардии и однажды стоял на часах во дворце. Императрица, проходя мимо с каким-то посланником, вдруг остановилась, и, любуясь его необыкновенною красотою, говорила своему собеседнику, что едва ли где есть такой прекрасный мужчина. Екатерина приказала ему снять каску и чудесные кудри, видимо, пленили ее. Молодой офицер вспыхнул от застенчивости. Через несколько времени ему предлагают флигель-адъютанство и несколько тысяч душ. Брат его в восторге и ждет счастья. Но целомудренный юноша, не сказав никому ни слова, сел на корабль и уехал в Англию. Он жил там много^б. Возвратившись в Россию уже по смерти Екатерины, он поселился в деревне своей, в 70 верстах от Обуховки, и скоро опять попал в беду. Кто-то вызвал его на дуэль. Он выстрелил, и противник упал. Капнист, вообразивши, что он убит, в тот же день собрался и уехал за границу. Там он женился на англичанке Гаусман, и, возвратившись домой, устроил жизнь свою вполне оригинально. Крестьянам (2000 душ) дал так называемую конституцию, назначив самый легкий оброк, и конституцию свою положил в церкви на престоле (сын его ее уничтожил). В доме его лакеи и девушки говорили по-английски, ибо хозяйка сама не знала слова по-русски. Чтоб ей было веселее, он однажды пропал из дома и через 7 недель возвратился с тещею, которую привез из Англии. Знакомств больших у него не было. Но повсюду шла молва о необыкновенной его честности и добродетелях. В 1810 г., когда всех англичан, служивших в русском флоте, нарочно отзывали во внутр[енние] губернии, некто Мессер, получивший сначала назначенье жить в Рязани, испросил у Государя, ч[тоб] ему позволили остаться в Кременчуге. Узнав о нем, и желая дать больше развлечения жене, Капнист пригласил его со всею семьею к себе в деревню на житье. Впоследствии, когда Капнист жил в Судаке, Мессер, уже адмирал, со всею эскадрою подходил к Судаку и торжественно угощал своего старого знакомого.

Через 15 лет после брака у него, наконец, родился сын *Илья*. Капнист взял у небогатого приятеля своего на воспитание 7-летнего маль-

---

^а Далее на полях имеется такая приписка: «Воспитавшись в Кременчуге, в одном частном пансионате».

^б Далее приписка на полях: «и сделался настоящим англоманом, ходил в щиблетах, жил с б[ольшим] комфортом и прочее».

чика, чтоб упрочить дружбу родителей. Этот мальчик — Николай Ив[анович] Лореп¹. Их воспитал вызванный из Германии Гернгутер *Нидерштеттер*, ученый человек и получавший в год всего 300 р[ублей].

14 декабря 1856 года (странное, может быть случайное совпадение чисел) происходила в Петербурге, против дворца Марии Николаевны, закладка памятника, который сооружается в честь Николая Павловича. Он предстанет в кирасир[ском] мундире, на коне. Барельефы пьедестала будут изображать 4 возмущения^а: декабрьское, польское, старорусское и венгерское. Эти барельефы уже изготавливаются. Жена и брат Константин всеми мерами уговаривали Государя не утверждать этих барельефов, напоминающих столь тяжелые события. Но Государь отвечал всякий раз: «Знаю, что это нехорошо, но я должен это сделать». Многие, в том числе граф Эдгард Баранов, думают, что сам Николай Павлович взял с сына обещание поставить ему такой монумент.

[14 февраля 1857 г.]^б

Несчастный Шевырев, наконец, погубил себя, чего и следовало ожидать по его беспокойному и раздражительному характеру. В заседании Художественного класса в доме у Черткова, 15 января, он заспорил с графом Василием Алексеевичем Бобринским², который, осуждая все русское, между прочим сказал, что на будущую парижскую выставку из России нечего послать замечательного, разве сеченую крестьянскую ж..у. На возражения Шевырева, он сначала коснулся чиновничества, а потом прямо стал его укорять в том, что он женат на б.....й дочери. Шевырев ему сказал дурака; вслед за тем Бобринский стал наступать на него, и, когда Ш[евырев] отвечал пощечиною, в исступлении повалил его на землю и прибил до полусмерти. Более недели Ш[евырев] лежал в пластырях. Оправившись, он начал защищаться, составил записку и, говорят, даже написал стихи, в к[оторых] выставляет себя жертвою патриотизма. После этого общественное мнение сначала не отказавшее ему в сожалении (тем более, что Бобринский известен нахальством), произнесло над ним окончательный приговор. Почти целый месяц не знали, чем решится это дело. Сказывают, будто Ш[евырев] объявил приехавшим к нему студентам, что на второй неделе поста приедет в университет и целую лекцию посвятит своему оправданию. Но на днях пришла бумага из Министерства: ему назначено ехать на жительство в Ярославль, Бобринскому жить в деревне, а Черткову — высочайший выговор.

Мне кажется, что Ш[евырев] либо сойдет с ума, либо поступит в монахи^в.

^а Восстания.

^б Далее следует пропущенный лист.

^в Далее следует приписка П.И.Бартенева: «Я обманулся. Шев[ырев] теперь совершенно спокоен, считает себя совершенно правым, и снова принялся за работу (весною 1857 [года]).»

15 февр[аля] 1857 г.

Сказывают, что Государь нередко сам читает вслух с семьей своей русские книги, и по временам слушает чтение их. Читает их царской семье фрейлина Анна Федор[овна] Тютчева, близкая Государыне еще по заграничной жизни своей (когда отец ее, известн[ый] поэт, служил при посольстве, кажется, в Мюнхене). Госуд[арь] читал «Губ[ернские] очерки» и остался очень доволен. Уверяют, будто он даже отвечал Панину, представлявшему на вид их неприличие, что желает побольше подобных обличений.

Тютчева читала ему вслух мою биографию Шувалова. Государю она понравилась. Блудова сказывала мне это, прибавив, что в одном месте, именно, где я говорю о русском воспитании Шувалова, Госуд[арь] заметил: «Это все на нас, что нас воспитывают немки да англичанки!»

Блудов обедал у Государя. — «Читали Вы о России в “Constituonel?”» — «Нет, я не получаю газеты». «Жаль, статья очень хороша!» Тотчас после обеда Блудов пошел к кн[язю] Горчакову и получил от него тот самый экземпляр газеты, к[оторый] был в руках у Гос[ударя]. Статья написана французом, бывший в Москве во время коронавания. Говоря о «Р[усском] Вестнике» и «Беседе», автор так замечает о сотрудниках и издателях последней: «Ces hommes qui poussent leur patriotisme jusqu'à être tout à fait révolutionnaires»^а. В этом месте рукою Государя сделана отметка и написано им же: «с'est tout à fait mon opinion»^б.

(От Блудовой, в мае 1857 г.).

В марте (5 числа)^в нынешнего года Государь часа два разговаривал с М.Н.Лонгиновым о раскольниках; он обнаружил много самых точных понятий о деле; сказал, между прочим, что, к сожалению, само наше духовенство хуже раскольников. Дело все шло вперед. В июне подан ему подробный доклад из Москвы с проектами о снятии с них всяких запрещений. Государь читал бумаги эти с тревожным участием, что видно по многим заметкам. Между прочим, он написал тут же: «Для успокоения моей колеблющейся совести я должен облегчить участь стольких миллионов»^г.

Из № 76-го «Ведомостей» московской полиции 1858 г., от 11 апреля. Дом Дриневича в Глинищенском переулке ныне оберполициестерский. Там жила тогда Елагина, от которых я уехал через Петербург и

^а Эти люди своим патриотизмом толкают всех к революционности или всех делают революционерами (фр.).

^б «Я такого же мнения» (фр.)

^в В тексте дата указана позднее.

^г Далее из Дневника вырван лист.

На следующей странице вклеена газетная вырезка: «В Германию, Францию и Англию, кандидат Московского Университета, Петр Иванович Бартенев. Жит. им. Тверской, 4-2, кварт. в доме Дриневича. 2-6155».

Милпост (?) в Берлин в июле (?) 1858 года, получив от моего брата 8500 р[ублей] за проданные мною ему 450 десятин после нашей матери (10 октября 1852).

Весною 1857 г. граф С.Г.Строганов, в заседании Государств[енного] Совета оторвал клочок бумажки и написал на нем сидевшему тут же шефу жандармов князю Долгорукому: «Не хотите ли, князь, я уступлю Вам “Полярную Звезду” за 5 р[ублей] сер[ебром], за что сам купил?» — Долгорукий также на клочке отвечал ему: «Лучше скажите мне, откуда достаете Вы так дешево эту книгу?» Видно, что много дела членам Совета.

Благородная черта князя Алексея Фед[оровича] Орлова.

В 1831 или [18]32 году Орлов был в Лондоне по делам греческим. Князь Воронцов дал для него большой обед, на котором собралось множество знати и дипломатических лиц. Орлов говорил о своем скором отъезде, и обратился к сидевшему против него Кокошкину: «Не хочешь ли поехать со мною?» Тот что-то отвечал. Такая фамильярность очень смутила другого молодого человека, тут же сидевшего, А.И.Кошелева. Потом Орлов обратился с таким же вопросом к Ломоносову, и, наконец, спросил Кошелева: «Ну, а ты, поедешь со мною». Молодой Кошелев с безотчетною смелостью и негодованием отвечал во всеуслышание: «С тобою, если хочешь, пожалуй, поеду». Разумеется, все очень смутились. Хозяин не знал, как замять и сгладить неприятное впечатление и скорее повернул разговор на другие предметы. Кошелев считал себя погибшим, по крайней мере, по службе. Каково же было его удивление, когда по выходе из-за стола, Орлов подошел к нему, потрепал по плечу и сказал: «Так собирайся же, поедем вместе». Они действительно поехали, и Орлов во все время путешествия был очень любезен с Кошелевым. Лет десять спустя Кошелев стал откупщиком. По подрядам он должен был явиться в заседание Государственного Совета. Орлов тотчас узнал его, встал из-за стола, наговорил ему любезностей и вспомнил, как они приятно проводили время в Лондоне.

После 1848 г. Кошелеву нужно было ехать с семейством за границу. Закревский отказывал в пачпорте, ссылаясь на Высочайшее повеление не отпускать никого. Кошелев решился написать просьбу Орлову и в скором времени получил ответ, что Государь разрешает ему ехать. Мало того, Орлов прислал ему пачпорт на неопределенное число лиц, которых он мог взять с собой в чужие края. (В сент[ябре] 1857 от самого Кошелева).

В половине октября 1857 г. в Москве у Самариных был большой вечер, на который явился кн. Вяземский. Брат Самариной, Нелединский — Мелецкий, давно сердитый на Вяземского за то, что тот поленился издать сочинения его отца, что по его небрежности сочинения изданы Смирдиным очень плохо. Вяземский отнекивался, и Самарина поспешила усадить бедного братца за карты. Но тот не угомонился. Из-за карт он громко стал спрашивать Вяземского: «Не имеете ли Вы вестей от Герцена? Вы, кажется, очень с ним дружны» и пр. Вяз[емский] отвечал, что прежде он видал Герцена, но мало знаком с ним. «А он Вас

не забывает!» — несколько раз повторил неотвязчивый провинциал ко всеобщему смущению гостей и хозяев. «Таки не забывает!» Дело в том, что в 1-м № «Колокола» Герцен написал прибавление к *Русскому Богу*, стихам Вяземского:

Бог карьеры слишком быстрой,
Бог, кем Русский Демагог
Стал товарищем министра,
Вот он, вот он Русский Бог!

Однако чрез несколько дней Вяземский опять был у Самариных. Человек выживает из ума, а его посадили на такое важное место! Говорят, он взял его из жалованья, расстроив свои денежные дела. Но каково же это падение человека, про которого некогда ходили слухи, будто он отослал Императору Александру I камергерский ключ, как скоро узнал о деспотических мерах Благословенного.

22 окт[ября] я, наконец, видел Вяземского у доброго и обаятельного Н.В.Сушкова, который нарочно предупредил меня, что к нему будет Вяземский. Он показался мне вовсе не таким сумрачным и отталкивающим, как мне его описывали. С первых слов, как меня ему представили, у меня зашел разговор о Моркове, но тут я не узнал ничего нового. Позднее, уже в гостиной, зашла речь о Карамзине. Вяземский, между прочим, говорил, что когда Карамзин жил в доме его отца, то жизнь его б[ыла] самая простая и деятельная. Андрей Ив[анович] Вяз[емский] обык[новенн]о обедал позже других, и около 3 часов, ч[то]б выиграть побольше времени, Карамз[ин] не ходил обедать со всеми; ему подавали есть в 4 и в 5 часов. Потом он опять немного занимался, и уже часу в 9 выходил в гостиную, где обык[новенн]о собирались многочисленные друзья и знакомые кн. Вяземского. Сей последний, по уверению сына, никогда не был причастен обществу Новикова и мартинистов. О Новикове Вяз[емский] ничего не помнит особенного. По каким-то слухам ему памятно, что Новиков был довольно крутого характера. Дмитр[ий] Петр[ович] Бутурлин в детстве жила в деревне рядом с деревнею Новикова. Он помнил и передавал Вяз[емскому], что у Новикова был пи-сец или секретарь, которым он был очень доволен. Года через два Бутурлины навещают своего соседа и спрашивают: «Где же Ваш секретарь?» «Я его отдал в солдаты», — отвечал Новиков. Рассказав это, кн. Вяземский прибавил: «Бутурлин был абсолютист и мог не любить Новикова, впрочем, он не лгал».

Иван Петрович Липранди, некогда приятель Пушкина, потом открывший quasi^a заговор, чтоб получить от правительства деньги и заплатить долги, недавно пал. Он подал проект о необходимости преобразовать III отделение, что надо готовить чиновников в это ведомство сызмала, что всегда в гимназиях можно найти мальчиков, способных к будущему служению в III отделении, что их надо принимать заранее под покровительством, определять в университет, где они с успехом могут сообщать сведения о духе студентов и пр. Благодушный Государь наш,

^a Квази (фамильярно) — «якобы» (фр.).

говорят, написал на проекте: «Человек, осмелившийся подать подобную бумагу, не может быть терпим более на службе Отечеству»^а.

6 марта 1856 г.

У Кошелевых вечер, где был Г.Остен-Сакен. Хомяков расск[азывал] про одного священника Тимофея Алексеевича с необыкновенною волею. Он воспитатель А.Н.Попова, Ряз[анской] губ[ернии], Рязанского уезда. — От Погодина: Кокорев напис[ал] В[еликому] Кн[язю] Константину про матросов, отправ[лявши]хся из Москвы в Вологду для следования в Архангельск: «Угодно я их доставлю из Вологды на свой счет по рекам без всяких хлопот: им не за чем будет вязнуть в мокром снегу; только с одним условием, ч[то]б без всяких формальностей и переписки». В[еликий] К[нязь] согласился, благодарил и выразил желание лично познакомиться^б.

28 мая 1856 [г.]

Государь в Варшаве говорил речь полякам. Смысл ее таков: «Я приехал к Вам с забвением прошлого. Польские офицеры сражались храбро, не хуже русских, и показали преданность престолу. Благодарю их: обещаю Польше благоденствие. *Только не мечтайте*».

12 дек[абря] 1857 [г.]

Государь написал рескрипт Назимову, разрешающий приступать в губ. Виленской, Ковенской и Гродн[енской] «к освобождению крестьян от крепостной зависимости». Для этого велено в 3 губ[ерниях] составить по комитету, а потом общую для всех 3 губ[ерний] Комиссию для обсуждения мер. Государь ставит неперменным условием, ч[то]б крестьяне получали усадебную и находящуюся теперь в их владении землю, и за нее заплатили помещикам в 12-летний срок либо работою, либо деньгами. Министр Вн[утренних] Дел Ланской сообщил Назимову для руководства свои соображения, в к[оторых], между прочим, замечено следующее: если дворяне в Комитетах станут рассуждать о предметах, не касающихся до данного предмета, то Губернатор имеет право закрыть собрание и донести о том до сведения Г[осударя] Императора. Все эти меры должны обнять всю Россию, ибо Ланской разослал и рескрипт, и свои соображения ко всем губернаторам, на случай, как сказано в его циркуляре, или дворяне выразят подобное же *благородное* желание, как в 3-х упомянутых губерниях.

Рассказывают, будто бы все было сделано тайком от графа Орлова, и будто тот, узнав о деле, поспешил к Государю и стал его уговаривать отменить решительную меру. Подписав бумагу, он будто сказал Госуда-

^а Далее в тексте пропущено 4 белых листа.

^б Далее пропущено 12 чистых листов.

рю, что подписывает ограничение самодержавия. Государь будто ответил: «А если и так, я готов хоть сейчас лишь бы с честью и на пользу».

В самых первых числах декабря слухи и копии с этих бумаг распространились по Москве. Кошелев несколько дней ходил полный радости. Аксаковы уже написали бумагу к предводителю, извещая его, что желают освободить крестьян своих. Под их бумагою подписалось еще несколько подписей. Гр[аф] С.Г.Строганов, до сих пор всегда говоривший против освобождения, теперь тоже подал бумагу предводителю о своей готовности. За ним подписалось около 40 чел[овек]. Говорят, что он это сделал вследствие письма, полученного лично от Государя. Москва до сих пор обсуждает и медлит, и обнаруживает беспорядочность в своих мнениях, а между тем в Петербурге уже все решено, и сегодня я читал рескрипт Государя петербургскому губернатору, подобный тому, что послал к Назимову. Комитеты должны там обсудить меру к освобождению в 6 [-ти] месячный срок.

Никто так не радуется этому, как славянофилы и бывшие декабристы. Сегодня я слышал письмо Пушиной (вдовы Ф.Визина, ссыльного); она приветствует зарю благоденствия; но письмо ее проникнуто величием будущего; она говорит, что молится Богу о тихом и мирном совершении великого дела^а.

На днях приехал в Москву помощник попечитель граф Уваров. Перед отъездом он был у Государя, который спросил у него, знаком ли он со славянофилами и как о них думает. Уваров отозвался, что он сам отчасти славянофил, и что славянофилы гораздо более сочувствуют его благим начинаниям, нежели т[ак] называемые либералы. Уваров все это пересказывал И.С.Аксакову, к [оторому] приехал с поручением от кн. Долгорукого, ч[то]б он представил в III Отд[елени]е какое-нибудь свое сочинение. По этому поводу отменяет все тяготеющие над ним запрещения.

Жена частного пристава Морозова, замешанного по делу студентов, ездила в Петербург хлопотать о муже. Она поймала Г[осудар]я, к[огда] он гулял с детьми, и на коленях стала просить его. Когда он услышал, в чем дело, т[о] с нек[оторым] отвращением сказал, что ничем не может помочь, и пошел прочь. Она стала звать ему вслед, назвала себя его воспитанницей. Государь вернулся, взял бумагу и сокрушенным голосом сказал: «Да что же мне-то делать, я чем же виноват!»

Государь положительно умный человек. Так утверждает Кошелев, имевший случай читать его переписку с Жуковским. Во всех письмах очевиден здравый смысл и простота, которые особенно оттеняются хитроspлетениями, непрактичностью и многословием Ж[уковск]ого. Так, в одном письме Ж[уковский] говорит, что Европа наслаждается миром, имя Николая уважено всеми, и он мог бы своим влиянием освободить гроб Господен и сделать его нейтральным достоянием всех вообще хри-

^а В Дневнике наблюдается смешанная хронология.

стиан. Тогдашний наследник ему отвечал, что он и отец его вполне разделяют это желание, но если бы удалось его исполнить, то распри христиан, конечно, только осквернили бы святыню.

По общему голосу, он неизменно тверд в желании освободить крестьян и не поддается никаким внушениям окружающих.

30 ноября 1857 [г.]

Циркулярно.

Мин[истерство] В[нутренних] Дел.

« ____ » ноября 1857 [г.]

Господину Начальнику Губернии.

В Губерниях: Ковенской, Виленской и Гродненской учрежденные там из предводителей Дворянства и помещиков особые для рассмотрения инвентарных правил Комитеты признали необходимым для улучшения и упрочения быта помещичьих крестьян освободить их от крепостной зависимости. Государь Император, узнав о таком благородном намерении представителей дворянства означенных 3-х губерний, рескриптом, данным 20-го сего ноября Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генерал-губернатору, изволил разрешить дворянству оных приступить к составлению надлежащих по этому предмету проектов, учредив для сего в каждой губернии особые из дворян-помещиков Комитеты, с тем, чтобы они при этой работе руководствовались началами Его Императорс[кого] величества в Рескрипте указанными.

Вместе с тем я, с соизволения Его Величества, сообщил означенному ген[ерал]-губернатору некоторые мои соображения в пособие и руководство Губернскими комитетами при их занятиях.

Сии бумаги имею честь в копии препроводить к Вашему превосходительству для Вашего, милост[ивый] Государь, сведения и соображения на случай, если бы дворянство вверенной Вам губернии изъявило подобное желание.

Министр Внутренних дел

В губ[ерниях] Ковенской, Вил[енской] и Гродненской были учреждены особые комитеты из предводителей Дворянства и других помещиков для рассмотрения существующих инвентарных правил.

Ныне Министр Вн[утренних] Д[ел] довел до моего сведения о благих намерениях, изъясненных сими комитетами относительно помещичьих крестьян означенных 3-х губерний.

Одобрив вполне намерения сих представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, как соответствующие моим видам и желаниям, я разрешаю дворянскому сословию оных приступить теперь же к составлению проектов, на основании коих предположения комитетов могут быть приведены в действительное исполнение, но не иначе, как постепенно, дабы не нарушать существующего ныне хозяйств[енного] устройства помещ[ичьих] имений.

Для сего повелеваю:

1) Открыть теперь же в губ. Ковенской, Виленской и Гродненской по одному в каждой, представительному Комитету, а потом для всех 3 губерний вместе одну общую комиссию в Вильне.

2) Каждому губ[ернскому] комитету составить под председательством губернского предводителя дворянства, из следующих членов: а) по одному от каждого уезда губернии, выбранному из среды себя дворян, владеющими в том уезде населенными имениями и б) двух опытных помещиков той же губернии по непосредственному назначению начальника той губернии, и 3) Общей комиссии состоять из следующих лиц: а) двух членов каждого из 3 губернских комитетов по их выбору, б) одного опытного помещика из каждой губернии по вашему назначению, и в) одного члена от Мин[истерства] Вн[утренних] Дел. Председателем комиссии предоставляется Вам назначить одного из ее членов, принадлежащих к местному дворянству.

Губ[ернские] Комитеты, по открытии их, должны приступить к составлению по каждой губернии, в соответствии собственному вызову представителей дворянства, подробного проекта об устройстве и об улучшении быта помещичьих крестьян оной, имея при том в виду следующие основания:

1) помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляются их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени, приобретают в свою собственность посредством выкупа, сверх того предоставляется в пользование крестьян надлежащее, по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, количество земли, за которое они им платят оброк, или отбывают работу помещику.

2) крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция, и

3) при устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов.

Развитие сих оснований и применение их к местным обстоятельствам каждой из 3-х означенных губерний предоставляется губернским комитетам. Мин[истр] В[нутренних] Д[ел] сообщил вам свои соображения, могущие служить пособием К[омитета]м при их занятиях. Комитеты сии, окончив свой труд, должны предоставить оный в общую комиссию. Комиссия, обсудив и рассмотрев все предложения губерн[ских] Комитетов, а также сообщив их с изложенными выше основаниями, должна постановить окончательное по сему предмету заключение, с нужными на каждый изъятиями или особыми правилами.

Поручая Вам главное наблюдение и направление сего важного дела вообще в вверенных вам Ковенской, Виленской и Гродненской губ. Я предоставляю Вам дать как Губернским комитетам сих губерний, так и общей Комиссии нужные наставления для успешного производства и окончания возлагаемых на Вас занятий. Начальники губерний должны содействовать вам в исполнении сей обязанности. Составленный общей

комиссией проект вы имеете с своим намерением препроводить к Мин[истру] В[нутренних] Д[ел] для предоставления на мое усмотрение.

Открывая, таким образом, дворянскому сословию Ковенской, Виленской и Гродненской губерний средство привести благие его намерения в действие, я надеюсь, что дворянство вполне оправдывает доверие, мною оказываемое сему сословию, призыванием его к участию в сем важном деле, и что при помощи Божией и при просвещенном содействии дворян, дело сие будет кончено с надлежащим успехом.

Вы и начальники вверенных вам губерний обязаны строго наблюдать, ч[то]б крестьяне, оставаясь в полном повиновении помещикам, не вникали никаким злонамеренным внушениям и ложным толкам.

Пребываю навсегда благосклонен.

Александр

Царское село

20 ноября 1857 г.¹

г. Москва

16 декабря 1857 г.]

1) При выборе членов губ[ернского] Комитета от каждого уезда представить дворянам, если пожелают, выбирать и уездного предводителя дворянства.

2) При каждом члене—кандидат на случай болезни или отпуска члена.

3) Членов и кандидатов утверждает Назимов, увольнять в отпуск — по губернским комитетам местному губернатору, по общей комиссии—губернатору.

4) Предоставить дворянству назначить из своих сумм содержание членам.

5) Начальники губерний, имея постоянные наблюдения за занятиями Комитета, могут требовать сообщения им журналов оных.

6) Общая комиссия обязана свои журналы предоставлять Назимову, а в случае, если он будет не согласен с комиссией, то предлагает ей свои замечания. Если Комиссия с ним не согласится, то он имеет сообщить о сем Ланскому, когда вся работа комиссии будет окончена.

7) Губернским комитетам кончить работы в 6[-ти] месячный срок. Также и общей комиссии.

8) Если комитет или комиссия уклоняется от своего назначения и войдут в рассмотрение предметов, не подлежащих их суждению, то предоставляется Назимову немедленно их закрыть и о таком случае сообщить Ланскому для донесения Государю.

Соображения для пособия — там при их занятиях.

1) Уничтожение крепостной зависимости должно быть совершено не вдруг, а постепенно. Для этого крестьяне сначала должны быть в состоянии переходном, более или менее крепки на земле, а потом уже в

^a Далее следует: «извлечение из отношения Ланского к Назимову» (относительно дополнений к правилам, изложенным в Рескрипте Государя Императора).

окончательном или свободном, когда правительство разрешит им перевод из одной местности в другую, с надлежащими ограничениями и условиями. Для переходного состояния следует назначить определенный срок, по усмотрению губернских комитетов, не свыше 12 лет.

2) Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам в видах предотвращения вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении, оставляется их усадебная оседлость, приобретенная ими в течение определенного срока в собственность посредством выкупа; сверх того предоставляется в пользование крестьян надлежащие по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед Правительством и помещиком количество земли, за которое они платят или оброк, или отбывают работу помещику. При подробном развитии и применении сих оснований необходимо принять в соображение следующее:

1. Усадебную оседлость крестьян составляет изба или хата, в которой он живет, с двором и принадлежностями, с огородом и землею под оными.

2. Право свободного состояния и право собственности на эту оседлость приобретаются крестьянами не иначе как по взносе ими в продолжение переходного срока, выкупа, сумма которого не должна превышать ценности приобретаемой ими в собственность оседлости.

3. Уплата сия может быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо от тех, которые крестьяне обязаны отбывать за землю или отводимые в пользование.

4. Вся остальная затем земля должна быть разделена по способу пользования оной, на господскую и не отведенную в пользу крестьянина.

5. Земля, однажды отведенная в пользу крестьян, не может быть присоединена к господским полям, но должна быть постоянно отдаваться в пользование крестьян вообще или за отбывание ими для помещика натуральной повинности и работ; или же за плату оброка деньгами или произведениями.

6. Количество земли следует определить по местным обстоятельствам и обычаям.

7. Порядок пользования этой землей устанавливается также соответственно местным обычаям. Там, где существует общинное устройство, следует, не нарушая оно, сохранить семейству право на надел землею, стараясь не допускать частного дробления или передела полей. Там, где существует подворное пользование землей, и где земля, отведенная в пользу крестьян, разделена на поселки или фермы с хозяевами и батраками, надо принять меры к возможному обеспечению оседлости батраков и к положительному отношению их к хозяевам.

8. Отправление натуральных повинностей и работ или платы оброчков в пользу помещиков могут подлежать только те крестьяне, которые наделены землею; в тех местах, где крестьяне разделены на хозяев и батраков или поземельных работников, сии последние не могут быть требуемы на работу иначе, как за вознаграждение.

9. Размер, как оброка, так натуральных повинностей и работ, должно быть положительно определен соответственно пространству и качеству отведенной земли.

10. Натуральные повинности и работы отправляются на основании особых урочных положений, которые должны быть составлены губ. ком. на основаниях сколь возможно простых.

11. В случае неисправности во взносе оброка помещику предоставляется право обращать неисправного плательщика на работу натурою.

12. Вотчинная полиция оставляется помещику. Крестьяне должны быть распределены на сельские общины. Заведование мирскими делами каждого общества и мирская расправа предоставляются мирским сходам, под наблюдением на утверждение помещиков.

Для надзора за введением и соблюдением новых правил и для разбора недоразумений, могущих возникнуть между помещиком и крестьянами, может быть установлены особые в каждом уезде присутствия.

Продажа, дарение и всякое отчуждение крестьян без земли, равно и переселение их против воли, должны быть прекращены, но и крестьяне, до окончательного их вступления в свободное состояние, не могут оставлять имений без разрешения помещиков.

Обращение крестьян в дворовые следует прекратить и принять меры к постепенному сначала уменьшению, а потом и уничтожению этого класса людей, посредством обращения их в крестьян с наделами землей.

Во все времена переходного состояния помещик может сдавать нерадивых и порочных крестьян по соглашению с обществом в рекруты или отдавать в распоряжение правительства для переселения в другие губернии, но не иначе как с утверждения тех присутствий, которые будут по уездам образованы.

Постановка рекрут должна быть предоставлена самими обществами с утверждения помещика.

Комиссия должна принять меры для распространения между крестьянами грамотности, полезных ремесел, призрения престарелых и увечных, пособия больным и пр.

Если Комитеты признают неудобным принять которое-либо из сих соображений, то должны объяснить подробно причины того.

М[осква]

16 дек[абря] 1857 г.

Молодой медик Барышников сегодня у Головиных случайно припомнил два стиха из песни, которую поют крестьяне на его родине в Южновском уезде. Они не выходят у меня из памяти:

Пустила печаль по плечам

Сухота по животу.

Это поет падчерица про судьбу свою; но как живо изображают эти стихи вообще быт наших бедных крестьян! И при том какая глубина и древность выражения. — Вот еще характеристическая пословица, слышанная мною вчера от болгарофила Рачинского (тоже Смол[енской] губ[ернии] Бельского уезда); она относится к теперешней минуте. *Хоть осину глodu, да на воле хожу!*

16 дек[абря] 1857 г.

У Аксаковых повстречал Кокорева. Он привозил письмо, полученное из Петербурга. Пишут, что по примеру Наполеона III, Государь желает отменить одиночные доклады министров, а завести общие. Уже два раза были опыты. Все министры собрались, Суковкин составил краткий реестр докладов, и тот докладывал, у кого дела важнее и неотложнее. Министры сильно смущены и четверо, Брок, Сухозанет, Ланский и Горчаков — подали прошение о необходимости иметь сверх того по одному докладу в одиночку, так как у них бывают дела секретные.

Инспекторский департамент уничтожается, и бумага об уничтожении чинов поступила в Комитет Министров. Там кто-то предложил отменить все чины, кроме тех, которые дают титул Превосходительства.

Кокорев положительно умный человек. Это видно даже и в мелочах. Он печатает в «Новой Молве» статьи о промышленности у нас и за границею. Говорят, что ни разу еще не печатал, что ему неловко, как человеку, который хочет ступить в воду и боится обмочить сапог, тогда как другой бодро шагает по лужам. [...] ^a

М[осква]

3 декабря 1862 г. ^b

Мое письмо к гр. Блудовой.

Весною 1856 г. у меня гостил Костич. Мы были дружны с первой нашей встречи в Петербурге. Не знаю, что его влекло ко мне; по всему, вероятно, он видел во мне своего брата-дикаря, неловкого и неуклюжего в обращении, не знавшего светских тонкостей, человека совсем русского и одушевленного редкою в то время любовью к славянству. Я полюбил Костича за его горячую душу, за его явный талант поэтический, за то, наконец, что он серб. Но с течением времени становилось все более ясно, что прикосновение нашей образованной и светской жизни портило первобытную свежесть этой сначала прекрасной души: Костич, видимо, баловался в Петербурге и от Петербурга. Вместо того, чтобы смягчиться, нрав его делался резче, грубые выходки оскорбительны. Я тоже терпел от них; но он продолжал любить моего заносчивого друга. Нашу дружбу скрепляло посредничество женщины, которая его называла сыном, а меня согревала своим вниманием в холодной Петербургской сфере, приблизила к себе, завела со мною дружескую переписку, своею деятельностью внушила мне самое горячее сочувствие, за одно со мною любила и уважала Россию, Хомякова, славянофильство и все, что тогда так занимало мою душу. Внезапно... ^b

Позвольте мне, наконец, рассказать Вам, все как было. Сидя за моим письменным столом, к[огда] случайно напал на одно Ваше письмо, и в нем на строки: «Мой мальчик шалит!» «И как ты стало быть с ней переписываешься(?) обо мне; ты ей на меня наушничаешь!» Слово за

^a 1858 г. означен в заглавии, а записей нет.

^b Последующие записки в Дневнике хронологически не выдержаны.

^b Далее зачеркнуты слова, и предложение потеряло смысл.

слово, и мы повздорили до того, что я ему сказал, чтоб он уезжал от меня.

С тех пор мы не виделись. Виню свою неосторожность, мне следовало быть снисходительнее, и теперь при мысли о нем и о том, что с ним, глубоко раскаиваюсь...^а.

Шесть лет — время много. Я прошу Вас только об одном: если Костич выздоровел, напишите ему, чтобы он пр[оведал] (?) меня, и что я его прощаю^б.

В первые дни по выходе IX тома «Истории Государства Российского» на петербургских улицах было тише обыкновенного: весь город читал новую книгу. Так говорят современники. Николай Павлович около этого времени ехал в коляске с генералом Киселевым, и, встретив на улице Карамзина, указал на него Киселеву, прибавив: «Этот негодяй первый осмелился уверять народ, будто в России был государь-тиран». О таком отзыве Киселев позднее сам рассказывал, когда возвратился в армию, на юге.

Тогда же Греч издал брошюру «*Римский временщик*», перев[од] с какого-то языка. В этом временщике все хотели узнать Аракчеева. Греч был позван к графу, выслушал брань и угрозы и получил приказание доставить в Канцелярию Его сиятельства не только все нерозданные экземпляры, но даже вновь отобрать те, к[оторые] разошлись. Бедн[ый] Греч нарочно ездил к знакомым выпрашивать назад книжку. Это сам Греч рассказывал Лореру.

[21 февраля 1857 г.]

Покойный обер-прокурор граф Протасов, рассказывал, что после известной покражи Политковского, Николай Павлович б[ыл] необыкновенно раздражен. «Господа, — сказал он своим генерал-адъютантам и приближенным. Вот Вы до чего меня довели: я жалею о тех, которых я сослал в Сибирь после 14 декабря; они верно б уж этого не сделали».

Черта политики прошлого царствования.

В Петербурге, у княгини Мещерской, жил домашним учителем несколько лет сряду какой-то болгарин, молодой человек, кончивший курс в университете, и очень любимый в княжеском доме. Смерть отца и другие домашние обстоятельства звали его на родину. Он знал, что в Болгарии правительство всегда косо смотрит на приезжающих из России и опасался, что ему будут делать притеснения, тем более, что он находился в русской службе. Княгиня Мещерская обратилась сначала к Мальцову, потом к Льву Григорьевичу Синявину, прося их дать болгарину от Министерства иностранных дел какой-нибудь охранный лист или рекомендательное письмо, которое бы могло защитить его в случае неприятности по приезде на родину. Ни Мальцов, ни Синявин не хоте-

^а Далее зачеркнуты слова. Потерян смысл.

^б После письма Блудовой, которое написано неразборчиво, идет текст.

ли о том и слышать. Тогда Екатерина Андреевна Карамзина, мать княгини, поехала сама к графу Несельроду и просила его о том же. Граф по обычаю уклонился от решительного ответа, обещал подумать, сообразить и прочее. Между тем болгарину необходимо было ехать. На его счастье к Карамзиным часто ездил английский посол. Услышав об этом деле он тот час согласился написать письмо в Константинополь, лорду Редклафу(?) И в самое короткое время доставил болгарину покровительство английского посольства Турции, которое и послужило бедному славянину надежной обороной от всяких неприятностей. Вообще англичане гораздо более русских помогли христианским подданным султана. Покойный государь ничего не знал, оставаясь при убеждении, что все дела идут точно также как после первой войны с турками. Лишь в самое последнее время бесед с Огаревым, не побоявшимся говорить прямо, открыли ему глаза и отчасти ускорили теперешнюю войну. Но англичане и французы уже успели приобрести окончательный перевес при турецком правительстве.

3 января 1859 г.

При недостатке гласности, при отсутствии общественного мнения, при общем разъединении события самые замечательные, явления самые яркие проходят у нас втихомолку, незамеченные и неоцененные. Так, например, кто мог бы подумать, что имя В.И.Назимова, бывшего попечителя Московского университета, произносится в Вильне с горячей признательностью. Мы все знали, что Назимов — человек прямой, добрый служака и только, конечно, немногим было известно, что этот человек носит в груди своей и гражданское мужество. Когда восстание поляков 1831 года было подавлено, в Вильне учредился комитет для разбора возникших дел и надзирания за разными вредными правительству движениями только что усмирённой страны. Прошло много лет, а комитет сей не закрывался, члены его получали богатое жалование и еще более богатые доходы. Понятно, что все они всеми способами старались продлить такой порядок вещей. Они посылали беспрестанно в Петербург доносы, стращали правительство новыми заговорами. Около 1840 года в тамошних местах собиралась, разумеется тайком, подписка выселившихся и бежавших за границу поляков. Члены комитета разумели представить это в самом страшном виде. Начались аресты, допросы, завязалась огромная переписка. Главными действующими лицами были генерал-губернатор Миркович и вице-губернатор (недавно скончавшийся в Москве) князь Алексей Иванович Трубецкой, достойный враг бывшего орловского губернатора князя Петра Ивановича. Покойник, между прочим, славился необыкновенным умением допрашивать. Про него рассказывали, что он завязывал бедным жидам глаза, раздевал до нага, становил перед камином и по разгоряченному телу приказывал проводить кусками льда. Бедный жид воображал, что таящий лед есть его кровь, что его режут и тотчас объявлял всю подноготную. Таким образом и цель достигалась, и закон, воспрещавший пытку, не нарушался.

Но возвратимся к прежнему. Государь, услышав о мнимом заговоре в Вильне, послал на разбирательство Назимова. На первых порах Назимов сам пришел в ужас, так успел ему представить дело Маркович, прежний его сослуживец. Но через несколько времени, рассмотрев все беспристрастно, он убедился в гнуснейших поступках комитета, и несмотря на свою дружбу с Марковичем, несмотря на то, что ему было известно как охотно покойный Государь любил решать дела мерами строгими, он не усомнился написать прямо к Государю, что его обманули точно так же как и самого Назимова вначале. Послан был на повторное следствие воспитатель теперешнего Государя Кавелин и подтвердил истину. Сказывают, что во время следствия, Кавелин и Назимов сами ходили к заключенным и утешали их. Множество сих последних были освобождены. С тех пор и доныне портрет Назимова можно видеть в любом виленском доме.

В начале настоящей войны покойный Государь сказал: «Теперь хорошо бы послать Назимова в Вильну генерал-губернатором: но не хочу, пожалуй, поляки подумают, что я им уступаю».

Теперь, слава Богу, Назимов назначен в Вильну. Поляки радуются, и, конечно, такая прекрасная мера возбуждает у них любовь к правительству.

Вот еще прекрасная черта в характере Назимова. Он не один раз и гласно объявлял, что попечительство в Москве многому его научило, познакомило со многими, до того неизвестными наслаждениями. На юбилее Щепкина он радостно принял тост Аксакова в честь общественного мнения и тут же объяснил: вот общественное мнение: Сергей Михайлович Голицын прекрасный человек. Основанию журналов в Москве он усердно содействовал. Когда пришло позволение издавать «Московские беседы», он сказал в присутствии нескольких лиц у себя на дому: «Знаете ли, что это дозволение столько же меня обрадовало, как и александровская лента, которую мне Государь пожаловал». Как же не пожалеть, что этот человек так долго был не на своем месте. В Истории университета имя его все-таки соединено с самыми тяжелыми воспоминаниями^а.

Зима 1859 г.

Вдруг иногда вспомнится глубоко верное слово из давнешнего совсем заслоненного и невозвратного происшедшего. Как часто мне маменька говорила: «Ты не знаешь общежития!» И как это верно до сих пор.

Мое воспитание было предоставлено всем случайностям. Я не смею назвать его дурным; потому что из дому, из нашего старинного быта получил святейшее уважение души; но оно было совершенно безобразно с внешней стороны. Ни одного здравого понятия о долге гражданина не было вкоренено; воля вовсе не была упражняема. Не знаю, от-

---

^а На этом рукописный Дневник заканчивается, хотя в печатном тексте еще идет несколько замечаний на исторические темы.

куда я получил любознательность, которая во мне сильна с тех пор как себя помню. В дальнейшем развитии хромота и ограниченность денежных средств были самыми сильными двигателями. Но как рано начались пороки! О, какое бы благодеяние, какое спасение оказал бы мне тот или мог бы оказать, кто бы внимательно подметил сначала мою гадкую склонность и во время прижег этот рак, который расплодился потом по всему нравственному бытию и грызет до сих пор.

Какой-то из фаворитов, должно быть кн. Орлов, надоел Екатерине. Она хотела удалить его, но долго не решалась. Однажды спрашивает она у Протасовой: «Анна Степановна! Что делают со старыми образами?» — «Не знаю, матушка». — «А еще русская, соблюдает старые обычаи, а этого не знаешь?» — «Когда лик сошел, на воду опускают». Это значило, что фавориту предложено ехать в чужие края на воды. (Слышано от А.С.Хомякова, а он слышал от покойного сенатора А.П.Протасова).

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 55. Л. 62—75. Автограф.

Примечания

¹ *Лорер Н.И.* (1795—1873) — майор Вятского пехотного полка, декабрист, член Южного общества, дядя А.О.Смирновой-Россет, приятельницы А.С.Пушкина. Оставил воспоминания, подготовленные и прокомментированные академиком М.В.Нечкиной. Знакомый А.С.Пушкина, В.А.Жуковского, А.С.Хомякова, Ю.Ф.Самарина и мн. др.

² *Бобринский В.А.* (1804—1874) — граф, отставной поручик лейб-гвардии Гусарского полка, причастный к декабристскому движению, сын графа Алексея Григорьевича Бобринского (побочного сына Екатерины II) и графини Анны Владимировны Бобринской, урожденной баронессы Унгерн-Штернберг (1769—1846).

«ПАПА, НЕСМОТЯ НА ЗАНЯТОСТЬ, УДЕЛЯЛ МНЕ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ»

Из воспоминаний В.М.Ливановой-Любавской

В августе этого года исполняется 140 лет со дня рождения известного русского историка, академика М.К.Любавского (1860—1936). Многогранная деятельность ученого развивалась по трем основным направлениям: во-первых, это исследования по проблемам русской истории и славянства; во-вторых, педагогическая и организаторская работа в системе среднего и высшего образования; в-третьих, организация архивного строительства. Опубликованные труды Матвея Кузьмича являются крупным вкладом в отечественную историографию, широко известны специалистам. В то же время многие его сочинения до сих пор не опубликованы. В советские годы имя и труды ученого замалчивались, а иногда и подвергались оскорбительным оценкам в печати.

Преподавать М.К.Любавский начал в 1886 г. в средних учебных заведениях Москвы, затем — в Московском университете (1894—1930), на Высших женских курсах (1902—1918), Высших архивных курсах при Центральном архиве (1918—1930). Главное место в творческой жизни ученого занимал Московский университет. Здесь он учился (1878—1882) у В.О.Ключевского, В.И.Герье, Н.А.Попова и других известных профессоров. Пройдя все служебные ступени в стенах университета, возглавил его в трудный кризисный момент (1911—1917), поддерживая и продолжив традиции старейшего российского высшего учебного заведения. Здесь он вел работу в разных научных обществах, более всего сотрудничал с Обществом истории древностей российских, где был секретарем (1907—1913), а затем председателем (1913—1929). В числе его учеников — В.И.Пичета, А.А.Новосельский, Н.Г.Бережков, В.К.Никольский, С.В.Бахрушин и другие.

После Октябрьской революции, несмотря на неоднократные предложения из зарубежья эмигрировать, М.К.Любавский остался из патриотических убеждений на Родине. Продолжая педагогическую и научную (в РАНИОНе) деятельность, активно включился в работу по архивному ведомству. В 1918 г. он возглавил Московское отделение ГУАД, где под его руководством была проведена работа по спасению ценных архивов Москвы. С 1920 г. возглавлял Древлехранилище (ныне РГАДА). В 1921 г. выступил на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей с проектом создания историко-археографических институтов в Москве и Петрограде. Принимал участие в научно-издательской, поверочной, научно-технической комиссиях.

В 1930 г. М.К.Любавский в числе многих своих коллег был арестован по так называемому «академическому делу» и сослан в г. Уфу, где работал сотрудником Института национальной культуры (1932—1935). В Уфе он подготовил к печати ряд крупных работ по истории Башкирии.

Реабилитация пришла посмертно в 1967 г. В 70-х гг. начали появляться исследования о жизни и творчестве М.К.Любавского. Наиболее заметны труды в этой области Д.В.Карева. Однако сочинения ученого не публиковались. Только в 1996 г., благодаря огромной работе, проделанной доктором исторических наук А.Я.Детгиревым, вышла в свет фундаментальная монография М.К.Любавского «Обзор истории русской колонизации»; в 2000 г. в Санкт-Петербурге переиздана его «Историческая география России». В этом просматривается повышение интереса в научных кругах к наследию ученого, которое не утратило ценности до наших дней.

Надеюсь, что публикуемые записки младшей дочери Матвея Кузьмича, моей матери, художника Веры Матвеевны Ливановой-Любавской (1910—1998), помогут в какой-то мере почувствовать атмосферу личной жизни ученого.

Публикацию подготовила Т.Г.ЛИВАНОВА.

В.М.Ливанова-Любавская

И. Детство и юность М.К.Любавского

Эти сведения о ранних годах моего отца я воспроизвожу по памяти из тех записей, которые были сделаны им собственноручно и которые у меня пропали.

Матвей Кузьмич Любавский родился 1 августа (по старому стилю) 1860 г. в селе Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии. Его отец Козьма Иванович был сельским дьячком, женатым на Матрене Федотовне, дочери заштатного дьячка того же села Федота Евтропиевича Можарова. Матвей был старшим ребенком в семье, кроме него у них были дочь Мария, младше его на семь лет и сын Иван, младше на десять лет. Козьма Иванович был слабограмотен, а Матрена Федотовна и вовсе неграмотна. Жили бедно, вели натуральное хозяйство, поддерживались съестными приношениями прихожан по церковным праздникам. Соблюдали все православные обычаи и когда была служба, то вся семья посещала церковь. Родители старались, чтобы дети получили образование и «вышли в люди». У деда Федота Евтропиевича было много книг, для той среды он был человеком образованным и начитанным.

Воспитанием отца занимались мать и дед. С его помощью Матвей в четыре года научился читать по древнеславянски по часослову и четым-минеем, что привело в изумление приехавших в гости родственников.

Когда наступали длинные зимние вечера, которые коротали при лучине, отец из обрезков овчины шил игрушечные тулупчики, либо, забравшись на печку, слушал рассказы деда. Любимым занятием было перерисовывание зверей из книжки «Жизнь животных» Брэма¹. Эти рисунки он потом вырезал и наклеивал на стены избы.

Летом играли со сверстниками в лесу и на речке Паре. В лес ходили по ягоды и грибы, лакомились в огороде поспевшими крыжовником, малиной, вишней. Это было радостное раздолье. Бывали, конечно, и детские шалости. Недалеко от дома жили две старухи-вековухи, у них был козел по прозвищу Зот Иванович, которого вечно дразнили. Запомнилась необычно тучная помещица, она не могла ходить и ее возили в тележке, рассказывали о количестве поедаемой ею снеди.

Когда отец немного подрос, он стал заниматься с несколькими мальчиками у своего дяди — священника соседнего села Малые Можары отца Николая Успенского. Он учил грамоте, арифметике и чистописанию, был человеком добрым и ребята ходили к нему с удовольствием. В это время Матвей пристрастился к рисованию и решил стать художником. Но это желание пришлось оставить из-за несчастного случая на

охоте. Из-за отдачи ружья отец поранил левый глаз и его пришлось удалить. Впоследствии ему вставили искусственный глаз, однако он причинял боль и поэтому до конца жизни отцу пришлось носить наглазник. Эта беда случилась, когда он был подростком.

В 1870 г. Козьма Иванович отвез Матвея на подводе в г. Сапожок учиться в духовное училище. Там с другими мальчиками его определили на постой к знакомым, здесь они и столовались. Жили очень скверно, спали на полу на кошке, закрываясь все одним одеялом, обовшивели. Хозяйка кормила плохо. Главной мечтой было, чтобы кто-то приехал из дома и привез гостинцев и чтобы поскорее были каникулы и их забрали по домам. На следующий год родители поместили сына к другой хозяйке, но все равно житье было бедным и грязным, да и забавы учеников грубоваты.

Сапожок был сонным, захолустным городком без всякого производства, жизнь там как бы остановилась. Отец учился прекрасно и его выбирали старостой. На квартире в его обязанности входило помогать закупать провизию и заниматься с отстающими учениками.

Через четыре года обучение в духовном училище было закончено и Козьма Иванович повез сына через Ржев по железной дороге в Рязань для поступления в духовную семинарию. Первая встреча с железной дорогой произвела на четырнадцатилетнего юношу неизгладимое впечатление.

Экзамены он сдал блестяще и был принят в семинарию с выплатой стипендии. В это время у родителей сгорел дом и надо было заново отстраиваться. Помогать Матвеем больше не могли, и для поддержки своего существования, он начинает заниматься с отстающими. За это ребята делились с ним едой, которую им привозили из дома.

В семинарии была хорошая библиотека и отец увлекается чтением книг о путешествиях. Из всех предметов его больше всего привлекала гражданская история, которую интересно преподавал М.В.Зноров, впоследствии архиепископ Варшавский Николай². Судя по воспоминаниям отца, личность этого педагога подтолкнула его к решению стать не священником, а ученым. Жизнь в семинарии была похожа на описанную писателем Помяловским в «Бурсе»³ и радости не приносила.

В 1878 г. отец, сдав экстерном за шесть лет обучения, после четвертого класса семинарии уезжает в Москву поступать в университет на историко-филологический факультет. Путешествие из Рязани в Москву состоялось благодаря тому, что помог дядя: он дал денег, на которые были куплены пальто, сапоги, выделена сумма денег на проезд и 25 рублей на первое время житья на новом месте. В Москве отец остановился у своего двоюродного брата Ивана Дмитриевича Можарова, священника церкви Петра и Павла в Лефортове. Экзамены были успешно сданы и он был принят в университет.

С этого момента для него началась необыкновенно насыщенная, захватывающе интересная жизнь, полная преодоления препятствий и успешного продвижения на избранном поприще.

II. Мои ранние воспоминания о семье и отце, с тех пор как я себя помню и до 1917 г.

Мои первые детские воспоминания связаны с той порой, когда наша семья жила в Москве, в Шереметьевском переулке (впоследствии ул. Грановского), дом 4, квартира 4. Там находилась казенная университетская квартира, которая была в то время предоставлена моему отцу, как ректору Московского университета.

Квартира помещалась на втором этаже и состояла из 10—12 комнат. Ходили обычно через черный ход со двора. В передней стояли гардеробы, где хранились праздничные одежды родителей. Я помню суету в доме, когда из этих шкафов доставали мундир с орденами отца, но больше всего меня поразила треуголка, обшитая позументом. Вероятно, отцу готовили парадную одежду для каких-то приемов или торжеств, связанных с праздниками по случаю 300-летия Дома Романовых.

А вообще-то отца я видела мало ввиду его занятости. Основное время я проводила с нянькой Таней. С этой чудесной молодой женщиной у нас была взаимная нежная любовь. Если была хорошая погода, мы шли с ней в Александровский сад через Манежную площадь на прогулку. Там была детская песочница и грот в Кремлевской стене. У Кремлевских ворот стояли солдаты-часовые в огромных медвежьих шапках. Зимой играли во дворе дома, вход в который был с Шереметьевского переулка. Там был палисадник с липами, где мы «паслись». Во дворе появлялся инспектор по прозвищу «эксекUTOR», дети его весьма побаивались. По дороге в Александровский сад на углу нашего переулка и Никитской улицы здание закруглялось и там был вход вниз в бакалейную лавочку, где продавались семечки, жамки витые, длинные леденцы. Няня угощала меня этими запретными лакомствами (у меня часто болел живот и дома я сидела на строгой диете).

В нашей семье было шесть детей, три моих старших брата и две сестры. Я была самой младшей и папа, несмотря на свою занятость, уделял мне какое-то время. Например, после лекций в университете он заходил за мной, брал за ручку и мы отправлялись на Манежную площадь, вдоль которой стояли букинистические лавочки, где он заказывал нужные ему книги. Его там знали и старались подготовить ему то, что он просил. Весь его кабинет был сплошь заставлен шведскими шкафами с книгами. Там же стоял огромный письменный стол, вертушка для книг, кожаный диван и два больших кресла. В этом кабинете отец иногда принимал у студентов зачеты, мне очень нравилось прятаться под креслом на это время и стараться, чтобы меня не заметили.

Обед в доме бывал в шесть часов вечера. К этому времени собиралась вся семья. Мне давали есть диетические блюда и я с завистью поглядывала на общую еду. Особенно меня волновали кислые щи и горшочек с гречневой кашей, которые подавали папе. До конца своих дней он придерживался простой русской кухни.

После обеда отец час-полтора отдыхал у себя в кабинете на диване, а мне было позволено устраиваться у него за спинкой. Отдохнув, отец доставал из письменного стола коробку шоколадных конфет «Крафт», которые привозил из Петербурга для детей, одаривал меня и я удалялась

к няне. Отец же садился работать. Обычно он работал до 3—4 часов утра, подкрепляясь крепким чаем, для чего ему в кабинете ставили большой медный чайник.

Каждое воскресенье мы посещали университетскую церковь. Шли туда проходными дворами и заходили в храм со стороны двора. У отца в церкви было постоянное место, где ему давали специальный коврик под ноги.

Вечером перед сном, после вечерней молитвы, отец заходил ко мне в детскую, брал на руки и целовал на ночь.

У нас не было никакой недвижимой собственности, ни имущества, ни квартиры, ни дачи. Летом родители обычно снимали дачу для детей, а сами по очереди ездили лечиться на Минеральные воды.

Два чудесных лета 1914 и 1915 гг. мы провели в казенном университетском имении Дядьково в 12 верстах от Рязани. Там был великолепный просторный дом, где кроме нас жила семья управляющего. Дом окружал огромный сад, который спускался к реке. Рядом на горе стояла церковь. Из знакомых у нас чаще всего бывал Владимир Иванович Пичета⁴, который был женат первым браком на маминой младшей сестре Марии Валериановне. У них было трое детей: две дочери — Ксения и Верочка и сын Володя. Верочка умерла маленькой и меня называли в ее память, а Владимир Иванович стал моим крестным отцом. Володя Пичета каждое воскресенье на целый день приходил к нам играть и мы с ним очень дружили.

Часто бывали в доме Ильи Николаевич Бороздин⁵, который преподавал в Медведниковской гимназии, где учились мои старшие братья, и мамин родственник Сергей Сергеевич Погребов (главный концертмейстер Большого театра), с ним мама играла в четыре руки на пианино. Мама была хорошей музыкантшей и у нас в доме бывали в гостях известные музыканты.

Моя мама, Наталия Валериановна⁶, была тонкой одухотворенной личностью. Посвятив всю свою жизнь семье, она старалась привить детям любовь к искусству.

Мой брат Митя учился живописи у Юона⁷, сестра Шура училась в консерватории по классу рояля у Игумнова⁸, а меня потом определили учиться рисованию в школу к дочке Л.Н.Толстого⁹, Татьяне Львовне Сухотиной¹⁰, которая была ученицей Ге¹¹. Детей с ранних лет вывозили в Большой и Малый театры, где заказывали для посещения ложу. Все эти хлопоты входили в обязанности моей мамы.

В 1914 г. началась война, она принесла новые изменения в нашей жизни. Мы, младшие дети — я и мой брат Валя, ходили с няней в здание Высшего офицерского общества (там, где потом на проспекте Калинина был Военторг) продавать в пользу раненых разные флажки, значки, ромашки. Вся семья участвовала в организации лазарета на территории университета (в доме шили белье), дети тоже помогали. Мама принимала деятельное участие в организации лазарета и была там в числе руководства.

Мальчишки во дворе играли в войну и мой брат Валя всегда изображал Брусилова¹². Старший брат Сережа в 1915 г. со второго курса

физико-математического факультета ушел добровольцем на фронт и к 1917 г. был дважды Георгиевским кавалером.

Весной 1917 г. мой отец оставил должность ректора Московского университета и мы переехали жить на другую квартиру, в дом, который принадлежал жене профессора университета Аполлона Аполлоновича Грушки¹³ по адресу Большой Николо-Песковский переулок, что на Арбате, д. 11, кв. 4. Переезжали все лето, т.к. у отца была громадная библиотека, а новая квартира была намного меньше старой.

Наш новый дом состоял из двух двухэтажных строений. Одно вышло в переулок — там на первом этаже жила семья профессора Грушки, а на втором — семья покойного уже тогда композитора Скрябина¹⁴ (теперь это его музей). Наш дом был во дворе, где мы поселились на первом этаже. Впоследствии дети Скрябиных — Марина, Ариадна, Юлиан и я с сестрой Шурой дружили, но это уже другой рассказ.

Эта квартира стала последним московским жильем нашей семьи из восьми человек, которые с 1918 по 1931 г. постепенно покидали ее один за другим при весьма драматических обстоятельствах. Кто-то из нас ушел в мир иной, кто-то навсегда переехал в другие места.

Личный архив Т.Г.Ливановой.

Примечания

¹ *Брэм А.Э.* (1829—1884) — немецкий зоолог, автор широко популярного труда «Жизнь животных» (1863—1869).

² *Зноров М.В.* — преподаватель истории в Рязанской духовной семинарии в 70-х гг. XIX в., впоследствии архиепископ Варшавский Николай.

³ *Помяловский Н.Г.* (1835—1863) — писатель, автор «Очерков бурсы» (1862—1863).

⁴ *Пичета М.В.* (в девичестве Зызыкина) (1879—1954) — младшая сестра Н.В.Любавской, жена историка В.И.Пичеты.

⁵ *Бороздин И.Н.* — преподаватель Медведниковской гимназии в Москве, состоял в дружеских отношениях с семьей М.К.Любавского.

⁶ *Любавская Н.В.* (в девичестве Зызыкина) (1872—1930) — жена М.К.Любавского.

⁷ *Юон К.Ф.* (1875—1958) — живописец, руководил Художественной студией в Москве.

⁸ *Иеумнов К.Н.* (1873—1948) — пианист, профессор Московской консерватории.

⁹ *Толстой Л.Н.* (1828—1910) — писатель.

¹⁰ *Сухотина Т.Л.* (1864—1950) — художница, дочь Л.Н.Толстого. В 1920-х гг. руководила художественной студией в Москве.

¹¹ *Ге Н.Н.* (1831—1894) — живописец.

¹² *Брусилов А.А.* (1853—1926) — генерал русской армии, прославившийся в ходе Первой мировой войны.

¹³ *Грушка А.А.* (1870—1929) — профессор классической филологии Московского университета.

¹⁴ *Скрябин А.Н.* (1871/72—1915) — композитор.

Из истории Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года

Письма М.Н.Загоскина Л.М.Савелову. 1913—1917 гг.

Общество потомков участников Отечественной войны было создано столетие спустя, в 1913 г. Предполагалось, что оно объединит тех, чьи предки отстаивали национальную независимость России в сражениях с наполеоновскими войсками, и в этом состояла его уникальность — аналогичных организаций не существовало ни тогда, ни сейчас. Первоначально Общество задумывалось как благотворительное, но затем его цели были скорректированы, и на первый план вышла историко-культурная деятельность. Немаловажную роль в таком изменении сыграл Л.М.Савелов, известный русский историк, основатель научной генеалогии в России, возглавивший Общество в момент его образования. К сожалению, начавшаяся вскоре Первая мировая война помешала работе вновь созданной организации. Тем не менее Общество успело подготовить и выпустить в свет сборник своих трудов¹, в котором были опубликованы не только устав, список членов и другие материалы организации, но и исследовательские статьи, ценные исторические источники.

До последнего времени о начальном периоде существования Общества, хотя оно было фактически возрождено еще в 1964 г.² и успешно действует до сих пор, известно очень мало. Поэтому публикуемые ниже письма М.Н.Загоскина Л.М.Савелову, сохранившиеся в архивном фонде последнего³, представляют для изучения Общества несомненный интерес. Их автор занимал в Обществе потомков участников Отечественной войны видное положение: выполнял с 1913 по 1916 г. функции казначея и товарища председателя, а затем и возглавил его. Михаил Николаевич Загоскин являлся заметной фигурой в дворянских кругах Москвы. По образованию он был военным юристом, служил в западных губерниях, на Дальнем Востоке, но неизменно возвращался во вторую столицу — на свою «малую родину». Дослужился до высокого чина генерала от инфантерии и с 1908 г. председательствовал в Московском военно-окружном суде⁴.

В письмах М.Н.Загоскина к Л.М.Савелову содержатся ранее неизвестные факты, касающиеся деятельности Общества потомков участников Отечественной войны. В частности, они свидетельствуют, что Общество работало не до 1914 г., как считалось до настоящего времени, а по 1917 г. включительно.

¹ См.: Сборник Общества потомков участников Отечественной войны. М., 1914. Вып. 1.

² См.: Сапожников С.А. Старейший генеалогический кружок в Москве // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1993. Вып. 1. С. 22.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 95—99, 101—103. Фонд в настоящее время не полностью разобран. Благодаря любезности сотрудницы ОПИ ГИМ Н.Л.Зубовой нам была предоставлена возможность ознакомиться с материалами, касающимися интересующего нас Общества.

⁴ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 708. Л. 48—55.

Письма публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации; сокращения восполнены в квадратных скобках.

Публикацию подготовили профессор А.К.НАРЫШКИН и кандидат исторических наук О.Н.НАУМОВ.

№ 1

7 ноября 1913 г.

Глубокоуважаемый Леонид Михайлович!

Николай Андреевич Миклашевский с полной готовностью идет на встречу желанию О[бщест]ва устроить концерт при участии известных музыкантов и артистов. Он любезно согласился принять на себя руководство по устройству концерта и уже виделся с Л.В. Собиновым¹. Но, к сожалению, Собинов уезжает в П[етер]бург, а затем за границу на неопределенное время, а потому и не имеет возможности принять участие в концерте. Вместе с тем Миклашевский повидается сегодня с артистом Импер[аторских] театров Петровым² (бас), который, по соображениям Миклашевского, вероятно, не откажет. В противном случае Миклашевский рекомендует обратиться к Смирнову (тенор). С ним он лично мало знаком, вследствие чего и не берет на себя личные переговоры; переговоры со Смирновым могу я. Вот еще какую мысль подал Миклашевский: Н.Н.Фигнер³ потомок уч[астника] От[ечественной] войны⁴ и всегда охотно едет в Москву — почему не обратиться к нему от имени О[бщест]ва? Или Вы напишете письмо Фигнеру с приглашением вступить в О[бщест]во и принять участие в концерте, или граф Толь⁵ лично или письменно сделает это в П[етер]бурге, как представитель О[бщест]ва? Миклашевский хорошо знает Н.Н.Фигнера и почти уверен, что Фигнер приедет в Москву, даже на собственный счет, если будет приглашение от Вас и графа Толя.

К этому письму прилагаю брошюру С.Ф.Глинки⁶, которую он уполномочил меня напечатать в журнале (сборнике) Общ[ест]ва. Также прилагаю и проект жетона, о котором много меня просят.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Надежде Адриановне⁷ и Вам свое глубокое почтение и искреннюю преданность.

Слуга Ваш
М.Загоскин

ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 95—96. Автограф.

№ 2

3 декабря 1913 г.

Глубокоуважаемый Леонид Михайлович!

При сем посылаю статью вместо предисловия к первому выпуску сборника или журнала (не знаю, как будет называться такое издание О[бщест]ва потомков). Как было условлено на последнем Собрании Совета О[бщест]ва, я изложил в статье происхождение О[бщест]ва⁸.

Мне кажется, что необходимо объявить об издании Общ[еств]ом статей, исследований, документов, биографий и т.п., иначе у нас не будет материала для издания периодического журнала, согласно §§ 2 и 3 Устава⁹. Ввиду этого я также составил такое объявление¹⁰. В случае, если Вы признаете необходимым сделать какие-либо дополнения или изменения, то прошу это сделать.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вашей супруге и Вам свое глубокое почтение.

Искренно преданный Вам

М. Загоскин

ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 97—97об. Автограф.

№ 3

21 января 1914 г.

Глубокоуважаемый Леонид Михайлович!

Жетоны Общ[ества] потомков участников От[ечественной] войны мною заказаны мастеру Рахманову, поставляющему свои изделия в московские магазины. По техническим соображениям, удешевляющим стоимость жетонов, пришлось сделать некоторое изменение в рисунке. Стоимость их: серебрян[ые] золоченые — 3 р. 50 к., а золотые 22 р. Можно будет нам продавать серебр[яные] по 5 р., а золотые по 25 р.¹¹ Будет доход с серебрян[ых] 1р. 50 к., а с золотых 3 р. Необходимо теперь же, как мне кажется, известить о жетонах всех членов Общества путем рассылки им печатных листков (объявлений). Первый жетон будет готов в середине марта.

Прошу принять уверение в моем уважении и преданности.

Мих. Загоскин

ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 98—98об. Автограф.

№ 4

4 февраля [1914 г.]¹²

Глубокоуважаемый Леонид Михайлович.

Сегодня на заседании Бородинского общ[ества]¹², под председательством Владимира Федоровича Джунковского¹³, один из членов сделал

⁹ Год в письме не проставлен. Учитывая, что Общество официально было зарегистрировано 15 февраля 1913 г., а письмо датировано 4 февраля, и В.Ф. Джунковский не числится в списке членов Общества, опубликованном в Сборнике в 1914 г., письмо написано не ранее, чем в 1914 г. Вряд ли это может быть и 1915 г., поскольку маловероятно, что более года Джунковский оставался в неведении о существовании Общества. Скорее всего это — 1914 г., поскольку в Сборнике, наряду с Уставом Общества потомков, опубликован Устав Бородинского общества, что не могло произойти без разрешения его председателя — Джунковского.

заявление об образовании при Обществе фонда, предназначенного для оказания пособий нуждающимся потомкам участников Отечественной войны в деле воспитания их детей. Я же заявил, что такое общество существует. Оказалось, что В.Ф.Джунковский не знал ничего о нашем обществе. Получив от меня разъяснение, он просит выслать ему Устав и список членов и записать его членом нашего общества. Не избрать ли его в почетные члены?

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вашей супруге и Вам свое искреннее почтение.

Преданный Вам

М. Загоскин

ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 103—103об. Автограф.

№ 5

Москва

23 октября 1914 г.

Глубокоуважаемый Леонид Михайлович!

При сем препровождаю квитанцию на полученные от Вас чл[енские] взносы г.г. кн[язя] Голицына¹⁴, Арсеньева¹⁵, Карпова¹⁶ и Реми. Прилагаю также сообщение В.С.Арсеньева, коим он просит выслать ему, кроме квитанции, еще «Сборник» и Отчет, которые находятся у Вас.

Проект телеграммы на Высочайшее Имя и на имя Верховного Главнокомандующего (если признаете нужным) — я передам А.А.Сидорову¹⁷.

Свидетельствую свое глубокое почтение Надежде Адриановне и Вам, остаюсь глубоко преданный Вам

М. Загоскин

ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 98—99об. Автограф. На бланке «Общество потомков участников Отечественной войны».

№ 6

Москва

30 сентября 1917 г.

Милостивый Государь Леонид Михайлович.

На Ваше письмо от 28 с[его] м[есяца] имею честь покорнейше просить Вас освободить меня от председательствования в Обществе, так как мое пребывание в Москве не прочно, и я просил бы Вас возложить обязанность Председателя на лиц, связанных с Москвою, например, на А.А.Сидорова или С.Н.Кологривова¹⁸, которые являются инициаторами Общества.

Выражая свое глубокое сожаление по поводу Вашего отъезда из Москвы, прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Глубоко уважающий Вас

М. Загоскин

ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 18. Л. 101—102. Автограф. На бланке «Общество потомков участников Отечественной войны».

Примечания

¹ *Собинов Леонид Витальевич* (1872—1934) — певец (лирический тенор), народный артист Республики (1923). В 1897—1933 гг. работал в Большом театре. Крупнейший представитель русской классической вокальной школы.

² *Петров Василий Родионович* (1875—1937) — певец (бас), народный артист Республики (1933). Один из крупнейших представителей советского вокального искусства. В 1902—1937 гг. работал в Большом театре. Концертировал.

³ *Фигнер Николай Николаевич* (1857—1918) — певец (лирико-драматический тенор). Пел в Мариинском театре (1887—1907), директор оперной труппы Народного дома в Петербурге (1910—1915). Первый исполнитель партии Германа («Пиковая дама» П.И.Чайковского).

⁴ *Фигнер Александр Самойлович* (1787—1813) — полковник. В Отечественную войну 1812 г. успешно руководил партизанским отрядом, под видом французского офицера вел разведку в занятой противником Москве и под видом итальянского купца — в Данциге (1813).

⁵ *Толь Сергей Александрович* — граф, егермейстер, член Государственного совета, представитель Общества потомков участников Отечественной войны в Петербурге.

⁶ *Глинка Сергей Федорович* — действительный статский советник, профессор, член Общества потомков участников Отечественной войны. Статья была напечатана в «Сборнике Общества потомков участников Отечественной войны» с указанием инициалов автора (С.Ф.Г.) с посвящением: «Его Высокопревосходительству Михаилу Николаевичу Загоскину усердное приношение от автора. Москва, 2 апреля 1913 г.» под названием «В защиту дедов» (С. 23—32).

⁷ *Савелова Надежда Адриановна* (рожд. Егорова) (1859—1934) — супруга Л.М. Савелова, член Общества.

⁸ Статья опубликована без указания автора в сборнике трудов Общества потомков участников Отечественной войны в Москве в 1914 г. под названием «Священной памяти ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА» (С. 19—21), Кроме того, кем-то было написано обращение «От Совета Общества потомков участников Отечественной войны» (С. 22).

⁹ В этих параграфах говорилось: «§2. Для достижения указанных целей Общество имеет право печатать документы и исследования, касающиеся Отечественной войны, а равно биографии участников оной и учреждать с надлежащего разрешения стипендии для детей неимущих потомков или учебные заведения религиозно-патриотического направления в память Отечественной войны.

§3. Общество имеет право издавать свой периодический журнал, приобретать недвижимое имущество на правах собственности, отчуждать оное, заключать

всякого рода договоры и условия, а также вчинять иски по делам Общества и защищать свои интересы чрез поверенных».

¹⁰ Текст объявления опубликован в том же сборнике под названием «К членам Общества потомков участников ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» (С. 64—65).

¹¹ В указанном сборнике на с. 65 указана более высокая цена жетонов: серебряного золоченого — 6 р., золотого — 30 р.

¹² О создании Бородинского общества сказано в статье (автор не указан), напечатанной в том же сборнике под заглавием «Памяти Бородинского сражения» (С. 43—45), там же приведен текст устава этого общества, утвержденного 22 марта 1913 г. (С. 45—52). Кроме того, на титульном листе сборника оговорено, что «20% чистого дохода отчисляется в пользу Бородинского общества».

¹³ *Джунковский Владимир Федорович* (1865—1938) — почетный председатель Бородинского общества, московский губернатор (1908—1913). 25 января 1913 г. назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов, в октябре 1915 г. направлен в действующую армию на Западный фронт. В декабре 1917 г. вышел в отставку по болезни. В годы советской власти неоднократно подвергался арестам. В декабре 1937 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, в 1938 г. расстрелян.

¹⁴ Известны 5 князей потомков, один из которых, возможно, упоминается в письме: Алексей Дмитриевич, ведавший делами церемониймейстера двора Его императорского величества, Василий Алексеевич, Дмитрий Алексеевич, Михаил Александрович, генерал-майор в отставке, Николай Алексеевич.

¹⁵ *Арсеньев Василий Сергеевич* (1883—1947) — вице-губернатор Псковской губернии, выехал в 1930 г. во Францию, умер в Брюсселе.

¹⁶ Известны три потомка участников Отечественной войны: Алексей Акимович, есаул Войска Донского, Владимир Николаевич, титулярный советник, потомственный дворянин, Владимир Ананьевич, полковник, адъютант войскового наказного атамана Войска Донского.

¹⁷ *Сидоров Алексей Алексеевич* — товарищ председателя Общества, действительный статский советник, председатель Московского комитета по делам печати, его дед И.Д.Сидоров, штабс-капитан Таврического гренадерского полка, участник Бородинского сражения.

¹⁸ *Кологривов Сергей Николаевич* — архивариус Московского отделения Архива министерства императорского двора, коллежский советник.

«СПАСИТЕ НАС ОТ ГОЛОДА»

Письмо рабочих Ижевского завода А.И.Рыкову. 1930 г.

Конец 1920-х — начало 1930-х гг. вошли в историю как годы «великого перелома». Форсирование индустриального развития страны и курс на коллективизацию деревни при дефиците ресурсов привели к падению жизненного уровня как в городе, так и в деревне. Рабочие многих заводов и промышленных объектов испытывали трудности в продовольственном снабжении. Например, рабочие крупного в Нижегородском крае, в Воткинской (Удмуртской) автономной области Ижевского завода находились на грани голода, о чем они написали в августе 1930 г. главе советского правительства А.И.Рыкову (док. № 1). Критикуя курс на индустриализацию, рабочие требовали возврата нэпа, который, по их мнению, поможет возродить экономику, расширить производство сельскохозяйственных продуктов, товаров первой необходимости.

Продовольственный кризис усугублялся тем, что на многих бюджетных и хозрасчетных предприятиях несвоевременно выплачивалась заработная плата. Связано это было с отсутствием бюджетных средств и денежных знаков в крае.

Документы, хранящиеся в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО), свидетельствуют, что проблемы с выплатой заработной платы на отдельных заводах и предприятиях края существовали в начале 30-х гг. в течение ряда лет¹.

Публикацию подготовили В.В.СМИРНОВ и кандидат исторических наук Н.Е.ХИТРИНА.

№ 1

Рабочие Ижевского завода — А.И.Рыкову

22 августа 1930 г.

Тов. Рыков.

Просим Вас от имени 50000 рабочих Ижевского завода — спасите нас от голода. Столовые закрываются, дают воду с овсяной крупой и немного хлеба. В магазинах дают по 1/2 ф[унта] черного хлеба или муки на человека, больше ничего не дают вот уже с месяц. Мы пухнем от голода, работать нет сил. Раньше дармоедам-солдатам давали по 3 ф. черного хлеба, по 1/4 ф. мяса и по 1/2 ф. круп, да на ужин, они ничего не делали, а мы несем тяжелую работу, особенно в литейном цехе. Рабочие бегут с производства, продают все с себя, лишь бы подкормить детей. Дети-то чем виноваты, что Вы не сумели нас обеспечить ничем. На кой нам ваша тяжелая индустрия, когда мелкой нет совсем, тяжелой сыт не будешь, надо было сначала обеспечить себя предметами первой необходимости, а потом думать о тяжелой индустрии или все прахом пойдет от голода.

¹ См.: Исторический архив. 1999. № 6. С. 106—115.

Тов. Рыков, что мы Вам предлагаем, послушайте нас, не упрямитесь далее, будет, уже натешились, видите, ничего не выходит, можно свернуть и на другую дорожку. Первое, что надо — открыть частные заводы, фабрики и частную торговлю. Частник, не прижатый налогами, все найдет. Потом создать образцовые хозяйства, т.е. позволить и середнякам иметь по 3—4 лош[ади], с десятков коров, с 1/2 сотни овец и кур, и гусей. Когда будет частная торговля, крестьянин будет стараться получить из труда больше продуктов и для этого будет дешевле продавать хлеб, и шерсть, и лен, и мясо. А когда крестьянин не заинтересован в покупке, он ничего не продаст, значит, будет мало сельских продуктов, а значит, они будут дороги, а дороги сельские продукты, дороги будут и городские, хлеба и овощи зависит^а. Вы видите, нам не справиться, больше зовите на помощь частника, как призвали когда-то нэп.

Просим Вас, не вынуждайте нас к решительным мерам, мы обращаемся к Вам по-товарищески, у нас много коммунистов и все пришли к одному решению. Положение катастрофическое, дальше терпеть нельзя.

Конечно, есть еще способ спасти страну от нищеты — это получать все из-за границы, плюньте на такую поддержку, спасайте нас от голодухи.

Следуют подписи уполномоченных по цехам.

Скворцов и Татарников

ГОПАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 99—100. Копия. Машинопись.

№ 2

Записка Нижегородского крайкома ВКП(б) в СНК СССР о мерах по налаживанию снабжения рабочих Ижевского завода

Исх. № 46/с

23 сентября 1930 г.

Секретно

В Секретариат СНК СССР
на №/СЗ/56-54-95 от 22 августа 1930 г.

В снабжении Ижевского завода в июле месяце с.г., вследствие ряда ошибок местного опторготдела, были допущены частичные перебои. Для устранения этих ошибок краевыми организациями был командирован специальный работник, который и наладил нормальное снабжение Ижзавода.

Вопрос о работе на Ижзаводе специально обсужден Вотским обкомом 28 августа с.г., где приняты необходимые мероприятия.

Пом. секретаря крайкома ВКП(б)
Опарин

ГОПАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. Л. 124. Отпуск. Машинопись.

^а Так в тексте.

Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной журнальной периодике и альманахам. 1985—1996 гг.). 2-е изд., доп. и испр. Составитель И.А.Кондакова. — М.: РОССПЭН, 1999. 303 с.

Исторический архив. 1919—1999 гг. Указатель документальных публикаций. Составители И.А.Кондакова, А.А.Чернобаев. — М.: 1999. 124 с.

Исторические события 1980—1990-х гг. в нашей стране оказали влияние практически на все области жизни. Распад Союза ССР имел своим следствием передачу в ведение России крупнейших общесоюзных архивов, преобразованных в российские.

В результате начавшейся в 1991 г. архивной реформы был фактически национализирован архивный фонд КПСС, а это, кроме центральных, целая сеть местных партийных архивов. Ныне в Российской Федерации насчитывается 2267 государственных архивов и центров документации. Имеются рукописные отделы библиотек, музеев, научных и учебных учреждений, документальные коллекции общественных объединений.

Реформа изменила и правовое обеспечение функционирования архивного дела в России. Постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке доступа к архивным документам и правила их использования» (1992 г.) фактически стало тем нормативным актом высшего законодательного органа страны, который сделал архивы более доступным общественным и научным кругам. Его принципиальные положения вошли затем в «Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде и архивах» (1993 г.). Документ этот предусматривал ряд принципов новой организации архивного дела в стране, согласно требованиям свободы слова и печати в России.

Все это, наряду с развитием средств массовой информации и изменениями в издательском деле, повлекло за собой своеобразный информационный взрыв. Исторические архивные документы стали в глазах общества одним из источников истины об отдаленном и недавнем прошлом страны. И хотя отечественная практика документальных публикаций насчитывает не первое столетие, изменились ее задачи, назначение, принципы и, наконец, аудитория «потребителей» заключенной в документах информации.

Именно поэтому в последние 15 лет XX века архивные документы стали предметом многочисленных и разнообразных по форме и содержанию публикаций в исторических, политологических, литературных, научных, научно-популярных, художественных и других журналах. Взгляд на архивный документ как на главный объект публикации, а не иллюстративно-вспомогательный материал, повлиял на появление новых периодических изданий, специально ориентированных на обнародование малоизвестных документов из российских архивов. Достаточно упомянуть «Источник» или «Исторический архив». Это же «документальное прозрение» стало причиной возрождения к жизни жанра альманаха. В последние годы возникли новые историко-документальные, литературно-документальные, краеведческие альманахи, в которых с полной очевидностью проявилось оживление научно-публикаторской деятельности российских провинциальных архивов, библиотек, музеев.

Впервые так часто на страницах периодики стали появляться большие и малые подборки документов из частных и семейных архивов. В журналах замелькала также росника из зарубежных государственных и частных архивов.

Ценность информации в наше время не нуждается в доказательствах. В данной области избытке ее — налицо, однако, без «компаса» в такой документальной лавине было бы трудно ориентироваться как исследователю-профессионалу, так и просто заинтересованному читателю.

Именно с этой точки зрения интересен и полезен справочник «Открытый архив». В нем собраны сведения о более чем 3 тысячах публикаций архивных документов по истории России XX века. Эти разрозненные публикации выбраны из отечественной журнальной периодики и альманахов за 1985—1996 гг. Описательная статья на каждую публикацию позволяет узнать название документальной подборки, хронологические рамки заключенных в ней документов, место хранения и опубликования этих архивных материалов. Ряд описательных статей снабжены небольшой аннотацией, раскрывающей содержание публикации (если оно не ясно из заголовка), или характеризующей тип опубликованных документов (письма, дневники, фото и т.п.).

В предисловии составителем сделан ряд необходимых оговорок. Во-первых, очерчен круг источников, материалы из которых включены в справочник. Здесь представлены чуть меньше 150 наименований центральных и региональных журналов и 27 альманахов различного профиля. Разумеется, всякий специалист желал бы максимального полного охвата периодических и продолжающихся изданий, чтобы быть уверенным, что в его научной работе не упущен ни один из опубликованных первоисточников, а потому он может начать перечислять еще издания, которые могли бы попасть на страницы «Открытого архива». Однако, те же специалисты знают, насколько осложнилось ныне дело комплектования государственных библиотек и как это сказалось на полноте комплектов или на наличии отдельных изданий в фондах центральных библиотек. Тем более, что в предисловии составитель оговорил, коллекции периодики каких библиотек положены в основу справочника. Представляется, что единственным выходом из положения, в свете этих вполне обоснованных пожеланий, было бы систематическое издание подобных «открытых архивов», включающих материалы, упущенные по объективным причинам в настоящем издании. Кроме того, это позволило бы охватить и более широкий круг неучтенных изданий, сознательно оговоренных составителем в предисловии, какими являются записки, ежегодники, труды, известия, а также другие периодические издания с малым тиражом или узкого распространения.

Во-вторых, определена структура справочника. В связи с большим объемом сконцентрированного в нем материала выбран хронологический принцип его расположения, причем, хронология определяется не годом публикации, а содержанием документа. О правомерности такого или иного принципа структурного построения «Открытого архива» рассуждать сложно, поскольку справочник практически не с чем сравнить. С одной стороны, на основании такого хронологического принципа могут возникать спорные случаи: например, известный дневник М. Кузмина начинается записями, посвященными 1905 г., но известен он как дневник 1921 года, и у специалистов возникает недоумение о причинах помещения этого материала в период первой русской революции. Такой способ расположения материала может показаться исследователю не вполне удобным, поскольку интересующий его персонаж или исторический факт он может найти только с помощью именного или предметно-тематического указателя. С другой стороны, иное расположение материала, например, по тематическому принципу, по годам публикации, по названию периодического издания, или как-то иначе, тоже достаточно условно, может оказаться неудобным и вызвать путаницу.

Объективность рецензии, надо полагать, обуславливается равновесием между рассмотрением недостатков работы, с одной стороны, а с другой, — высвечиванием достоинств и внесением разумных предложений, могущих послужить делу в будущем. А потому перед тем, как устанавливать погрешности и неточности, напомним, что нелегкая работа по подготовке справочника была выполнена составителем в одиночку, хотя и при добросовестной редакционно-издательской поддержке «РОССПЭН».

В связи с тем, что подобный справочник пока уникален и безальтернативен, возникает, вероятно, потребность разработки методики подготовки подобных изданий, где все пожелания были бы учтены и, что особенно сложно, соединены воедино, в удовлетворяющем всех принципе.

Можно говорить о несовершенстве самих описательных статей: «стяжение» заголовка и подзаголовка публикации, объединение нескольких «родственных» публикаций в одну, отсутствие фамилий публикаторов, а также наличие материалов только до 1996 года и им подобные. Однако это, скорее всего, это не столько злой умысел составителя, сколько объективная реальность издательской деятельности, трудности которой известны только непосредственно знающим этот процесс. Кроме того, повторим, что пока не разработана методика составления подобного рода указателей, возможны авторские варианты решения задачи. Тем более, что в предисловии составитель подчеркнул, что «Открытый архив» не является библиографическим справочником, а задуман и сделан как *ориентировка* в поиске нужных документальных публикаций.

Рецензируемый здесь справочник является 2-м изданием «Открытого архива», что говорит само за себя. Первое издание (1997 г.), погрешности которого составитель постарался исправить, включен в список рекомендуемых изданий, обозначенный в методических разработках и программах по новейшей отечественной истории ряда московских вузов, например, Московского педагогического государственного университета. Пользуются им и студенты гуманитарных факультетов РГГУ. К справочнику проявили интерес зарубежные исследователи и архивисты.

Работники государственных и ведомственных архивов, занимающиеся использованием документов, а также исследователи-гуманитарии получили полезный для своей повседневной работы источник справок. Архивисты, специализирующиеся на проблемах отечественной историографии, имеют теперь возможность на основании анализа информации, собранной в «Открытом архиве», сделать интересные выводы об объемах и содержании документальных публикаций по каждому из периодов русской истории XX века; о степени участия тех или иных архивов в процессе использования документов в печати; о направлениях и особенностях публикаторской работы семейных архивов; о местонахождении россики в зарубежных архивах; о тематических приоритетах публикаций и их изменении в 80 и 90-е гг.; о методике подхода к документальным публикациям различных периодических изданий; о преобладании в публикациях одних и отсутствии других видов исторических документов. Наконец, справочник позволяет вывести чисто статистические показатели, отражающие различные аспекты публикации исторических источников.

В 2000 г. ряд подобных «Открытому архиву» справочников, но меньшего объема и касающийся одного издания, пополнился. К 80-летию юбилею выхода в свет первого периодического издания, получившего название «Исторический архив», был составлен и опубликован Указатель документальных публикаций в этом издании с 1919 г. по 1999 г. включительно.

В основу Указателя положен иной принцип расположения документальных публикаций — это сквозная нумерация в порядке годов и номеров выхода в свет. Соотнося этот принцип с тем, который был использован в «Открытом архиве», сле-

дует констатировать, что он применим только к достаточно однородному материалу, ограниченному рамками *одного* периодического издания.

Весь комплекс Указателя разделен по периодам печатания «Исторического архива» — 1919, 1921, 1936—1954; 1955—1962; 1992—1999 гг. Небольшие исторические справки, предпосланные каждому периоду издания, позволяют судить о целях и характере этого издания в разные годы его существования. В описательных статьях, которых в Указателе более тысячи, представлена полная информация о заглавии и подзаголовке публикации, ее подготовителях, месте хранения публикуемых документов и другая.

Расположение материала по порядку годов и номеров журнала потребовало, в свою очередь, составления дополнительных указателей. В печатном массиве «Открытого архива», расположенном по хронологии истории России XX века, помогли ориентироваться именной и предметно-тематический указатели. Применительно к указателю по «Историческому архиву» возникла необходимость составления, наряду с названными, еще и хронологического указателя.

Полезным нововведением является географический указатель и указатель фамилий публикаторов. Кроме того, в указатель архивов внесены названия архивохранилищ соответственно тексту журнала, а необходимая система отсылок позволяет связать материалы одного и того же многократно переименовывавшегося архива. Унификация названий мест хранения исторических документов, предпринятая в «Открытом архиве», с одной стороны, — удобнее, но с другой, название хранилища, согласно времени публикации материалов из его фондов — безошибочнее.

Таким образом, сопоставление (а не противопоставление) этих двух изданий, имеющих одну цель и одно предназначение, но подготовленных на основании различных принципов организации материала, позволяет сделать следующие общие выводы.

Несомненна полезность, как для специалистов, так и для широкого круга пользователей, такого рода справочных изданий, где сосредоточена информация о документальных публикациях в разнородных печатных источниках. Тем более, что подобного рода справочниками, после вышедшего в незапамятные времена и являющегося библиографической редкостью указателя к журналу «Красный архив», подобного рода трудами исследователи и архивисты не избалованы. По всей видимости, принцип расположения материалов в подобных справочниках, хотя и не бесспорен, но, очевидно, должен зависеть непосредственно от характера и объема систематизируемых данных.

Необходима подготовка серии подобных справочников, охватывающих сведения о публикации историко-архивных документов в других изданиях (например, продолжающихся изданиях учебных и научных учреждений и др.), позволяющих заинтересованным лицам иметь весь комплекс соответствующей информации. А критику, деловые предложения и благодарность пользователей за эту объемную и кропотливую работу, можно разумно использовать как прекрасный стимул к подготовке новых изданий, дорогу к которым проложили «Открытый архив» и Указатель к «Историческому архиву».

В.А.БАЛАМУТЕНКО

Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895—1917 гг.
Сост. П.П.Вибе. — Омск: Омский историко-краеведческий музей. 1999. — 360 с.

Новая книга о немецкой диаспоре Сибири качественно отличается от уже существующих — это первый сборник документов, характеризующих различные стороны жизни немцев одной из окраин Российской империи в период 1895—1917 гг. Ее составитель — к.и.н., директор Омского историко-краеведческого музея, П.П.Вибе — является специалистом по вопросам отечественной истории досоветского периода, занимается проблемами российских немцев.

Первые немцы появились в Сибирском крае в XVII—XVIII вв. Это были отдельные служилые люди, специалисты, приглашенные для разработки рудных месторождений, военные, пасторы. В XIX в. к этой группе населения добавляются ссыльные лютеране. Их компактно расселяли в специально организованных колониях на р. Оми и близ Минусинска.

Составитель сборника сознательно опускает этот достаточно длительный период проживания немцев в крае и ограничивает хронологические рамки сборника временем активного формирования сельского немецкого населения. С конца XIX в., после принятия закона 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей на казенные земли», а также в связи со строительством транссибирской магистрали, Сибирь стала доступной для миллионов крестьян. Немецкие колонисты были выходцами из Поволжья, юга России, Северного Кавказа, Крыма. Бедняков привлекала сюда возможность получить 15-десятинный надел земли на мужскую душу, зажиточные колонисты могли купить или арендовать более крупные участки. За период массового переселения немцы основали в Сибири около 300 поселков. Подавляющее большинство их находилось в Акмолинской обл. и Томской губ. К 1915 г. в Западной Сибири проживало более 80 тыс. немцев, в их владении и пользовании находилось около 750 тыс. десятин земли. По своим религиозным убеждениям это были католики, лютеране, меннониты, баптисты. В силу религиозных и языковых особенностей колонисты жили достаточно обособленно, имели собственные школы. Однако это не мешало им поддерживать добрососедские отношения с местным населением и другими переселенцами. Современники неоднократно отмечали положительное культурное влияние, которое оказывали немцы на население окрестных поселков. Оно проявлялось, в первую очередь, в применении усовершенствованных орудий труда и машин, способах обработки земли.

Составителем проделана большая, кропотливая работа по выявлению документов в различных архивах и поиску опубликованных материалов. Главные источники по теме сосредоточены в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственных архивах Омской (ГАОО) и Томской (ГАТО) областей, Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТюмО). Кроме того, для иллюстрации сборника составитель использовал фотографии из фондов Омского историко-краеведческого музея. Во вступлении П.П.Вибе дает обстоятельную характеристику источникам по истории российских немцев конца XIX — начала XX вв. В публикации использована лишь часть из них, 130 документов, но это наиболее яркие и информационно насыщенные материалы, характеризующие социально-экономическое и культурное развитие колонистов, политику властей по вопросам переселения немцев. Документы расположены в хронологическом порядке

и сгруппированы по трем темам: «На рубеже веков», «В годы столыпинских реформ», «Первая мировая война». Сборник снабжен тематическим указателем.

Наиболее сложным оказался поиск документов, относящихся к раннему периоду заселения края немцами. В архивах материалы этого времени крайне скудны, отрывочны. Например, недостаток сведений до сих пор не позволяет решить спор исследователей о том, какое немецкое село считается старейшим, Александровка в Омской области или Подсосново в Алтайском крае. По той же причине сложно реконструировать историю школ на первых этапах их существования. В сборнике эта проблема частично решена за счет привлечения опубликованных материалов.

Основной поток переселенцев хлынул в Сибирь в годы столыпинских преобразований. Именно в это время на карте появились десятки новых немецких поселений. О масштабах колонизации свидетельствует справка заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе фон Штейна от 22 октября 1910 г. (док. № 51). До 1907 г. было водворено всего 137233 м.д., из них немцев — 7698, или 5,6%, а за период с 1907 г. по 1 января 1910 г. — всего водворено 66617 м.д., в т.ч. немцев — 2371, или 3,6%. Этот документ опровергает утверждение о «завоевании Сибири немцами». Кампанию под таким заголовком развернули в 1910 г. газеты «Свет», «Новое время», «Объединение». Ее острие было направлено, главным образом, против крупных частных владений, организованных немцами на купленных казачьих землях.

Интерес представляет список немцев-колонистов Александровской волости Омского уезда (1910 г.), выявленный в фондах РГИА (док. № 56). Документы подобного рода позволяют персонафицировать такие масштабные явления, как массовое переселение. В списке указаны кроме личных сведений о поселенце и районы выходов. К этому же периоду относится и оформление новых лютеранских приходов, меннонитских общин, организация основной массы колонистских школ. В сборнике приводятся ходатайства евангелическо-лютеранской Генеральной консистории министру внутренних дел П.А.Столыпину об образовании приходов в Акмолинском и Омском уездах Акмолинской обл. (док. №№ 40, 42). Наиболее противоречива была правительственная политика в отношении сектантов.

В третьем разделе сборника приведены свидетельства антинемецкой государственной политики в годы Первой мировой войны. В связи с подготовкой распространения «ликвидационных законов» о немецком землепользовании и землевладении и на районы Сибири был проведен учет всех немецких поселков, крупных землевладельцев (док. № 108). Учету подверглись и немецкие школы (док. № 103). Все подданные Германии и Австро-Венгрии, состоящие на действительной службе, а также запасные чины были объявлены военнопленными (док. № 86). Последние, проживавшие в Сибири, высылались в Якутию. Этот тотальный учет «подарил» современным исследователям наиболее полные сведения о немцах, правда, за короткий промежуток истории. Поселки были переименованы в соответствии с циркуляром МВД от 15 октября 1914 г. (док. № 89) и распоряжениями губернаторов (док. №№ 90, 91). Образец документа о таком переименовании был обнаружен в Томском архиве (ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242. Л. 47—48). Например, на Алтае вместо немецкого «Гейдельберг» появился поселок «Заячье» (по имени участка), «Гнаденфельд» был переименован в «Мирное» и т.д. Сегодня вызывают улыбку документы о «немецких шпионах» и «немецких аэропланах» (док. №№ 96—99) в глубоком сибирском тылу. Исполняющий обязанности начальника жандармского управления в Забайкальской области доносил директору департамента полиции 18 ноября 1914 г. о сети «агентов германского шпионажа» (док. № 92). «Шпионами» в одночасье становились предприниматели, банкиры, учителя, пасторы, просто подданные Германии и Австрии. А если верить всем показаниям о количестве увиденных аэропланов, то можно предположить, что в Сибири базировалась, по меньшей мере, немец-

кая эскадрилья. Антинемецкая истерия обернулась трагедией для мирного немецкого населения прифронтовых областей, многие из них были депортированы в Сибирь. О личных трагедиях свидетельствует прошение германского подданного Э.К.Штиглица о переходе в российское гражданство (док. № 95). Уроженец Одессы, там же получил образование, был женат на православной, с 1909 г. проживал в Омске. Перед войной он два года исполнял должность королевского шведского консула в Омске. С началом войны объявлен военнопленным и выслан в Тобольск.

Временное правительство приостановило исполнение «ликвидационных законов». В книге приводится обращение тобольского губернского комиссара к колонистам от 29 марта 1917 г., разъясняющее политику нового правительства. Особую ценность представляют документы из фондов Томского архива о попытках самоопределения немецкого населения Сибири весной—летом 1917 г. Это протоколы собраний немецкого населения от 7 мая и 1 июня в г. Славгороде Барнаульского уезда (док. №№ 122, 125).

Сборник представляет интерес не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется проблемами российских немцев. Это результат работы нескольких лет, итог тщательного отбора материала в центральных и сибирских архивах. Здесь использованы самые различные виды источников: статистические материалы, делопроизводственная документация, личные документы, периодическая печать, справочные материалы. Они дают объективную картину состояния «немецкого вопроса» в Сибири в конце XIX — начале XX вв., позволяют не только восполнить пробелы в фактической истории, но и избавиться от некоторых стереотипов, недооценки роли немцев в освоении Сибири. Так, например, становится очевидным, что не всегда переселенцы мирно уживались, даже представители одного вероисповедания, но разной национальности (немцы, латыши, эстонцы). О вкладе немцев в культурное освоение сибирских земель свидетельствуют, такие факты. Многие частновладельческие хозяйства немцев стали базой при создании совхозов, а широко известная, выведенная ими порода коров («красная немецкая») позже была переименована в «красную степную».

К сожалению, при подготовке сборника составителю не удалось избежать некоторых недочетов. Слабо использованы материалы Алтайского архива (Центра хранения архивного фонда Алтайского края). Такую возможность представляют фонды «Главного управления Алтайского округа» (Ф. Д—4), «Алтайского губернского земского управления» (Ф. Д—233). В названии самого архива допущена неточность: в предисловии использовано старое название (Государственный архив Алтайского края), а документы подписаны новой аббревиатурой (ЦХАФАК). Хотелось бы высказать некоторые пожелания по поводу тематического отбора документов. Явно преобладают материалы социально-экономической направленности, духовная жизнь отражена недостаточно. Преобладают документы о меннонитах и совсем незначительны материалы о лютеранах, хотя последние были наиболее многочисленной группой среди немцев Сибири. Для восполнения этого пробела можно было бы использовать отчеты Генеральной консистории и генерал-суперинтендантов Московской консистории и Центрального комитета Вспомогательной кассы евангелическо-лютеранских приходов (РГИА. Ф. 821, 829), а также опубликованные материалы Вспомогательной кассы (например, *Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland. Bd. 1—2. — SPb., 1909—1911*). Однако, все эти незначительные замечания можно будет устранить в дальнейшем, возможно, при переиздании сборника. Тираж книги незначителен, всего 500 экземпляров, что делает книгу малодоступной даже для исследователей. Необходимо продолжить работу и над следующим сборником, посвященном проблемам немцев в советское время.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «Пересмотрите дело с баранами». Письма М.П.Томского
В.И.Ленину. 1921 г. (Д.А.Аманжолова, О.И.Горелов) 3

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «Хорошо, что у стыковочного узла был приличный запас прочности!»
Воспоминания летчика-космонавта СССР В.Н.Кубасова
(О.Н.Чернышева) 16

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- «Союз» — «Аполлон». Первый международный
полет космических кораблей. 1975 г. (Т.А.Головкина) 21

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- «Анализ дел по вскрытой вражеской агентуре свидетельствует...»
О методах работы германских спецслужб на Украине.
Декабрь 1941 г. (О.Б.Мозохин, В.П.Ямпольский) 35
- Война и дети. Их приютили горьковчане. 1941—1945 гг.
(В.В.Смирнов) 49

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Россия нуждается в успокоении». Дневник князя В.А.Оболенского.
1921 г. (Н.И.Канищева, К.Г.Ляшенко, В.В.Шелохаев) 57
- «...Гранит одела синева». Из интервью Б.И.Николаевского
Л.Хеймсону. 1963 г. (А.П.Ненароков) 105

К 2000-ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА

- «Почти все пожелания Римской курии... получают ныне полное
удовлетворение». Из секретной переписки Русской миссии
в Ватикане. Февраль—октябрь 1917 г. (М.И.Одинцов) 113

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- «Мне хотелось бы ввести Вас в “интимную сторону” нашего
партийного бытия». Письмо Б.С.Васильева П.Б.Аксельроду.
1921 г. (Д.Б.Павлов) 147

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «Побольше гласности, побольше правды!» Речь присяжного
поверенного В.Н.Герарда на процессе «50-ти». 1877 г.
(Н.А.Троицкий) 166

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «Тайники чужой души». Дневник П.И.Бартенева. 1854—1858 гг.
(И.А.Смирнова) (Окончание) 181
- «Папа, несмотря на занятость, уделял мне какое-то время».
Из воспоминаний В.М.Ливановой-Любавской (Т.Г.Ливанова) 200

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- Из истории Общества потомков участников Отечественной войны
1812 г.** Письма М.Н.Загоскина Л.М.Савелову. 1913—1917 гг.
(А.К.Нарышкин, О.Н.Наумов) 206
- «Спасите нас от голода». Письмо рабочих Ижевского завода
А.И.Рыкову. 1930 г. (В.В.Смирнов, Н.Е.Хитрина) 212

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Открытый архив.** Справочник опубликованных документов
по истории России XX в. 1985—1996 гг. **Исторический архив.**
1919—1999 гг. Указатель документальных публикаций
(В.А.Баламутенко) 214
- Немцы в Сибири** (И.В.Черказьянова) 218

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- «**Revise the male-sheep business**». М.Р.Tomsky's letters to V.I.Lenin.
1921. (D.A.Amanzholova, O.I.Gorelov) 3

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «**It was a good thing that the docking unit had a decent safety margin!**»
Pilot-Cosmonaut of the USSR V.N.Kubasov's reminiscences
(O.N.Chernycheva) 16

PICTORIAL REVIEW

- «**Souz-Apollo**». The first international spaceships' flight. 1975.
(T.A.Golovkina) 21

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- «**Analysis of cases concerning exposed enemy agents shows...**»
On methods of German security agencies activities in Ukraine.
December of 1941. (O.B.Mozokhin, V.P.Yampolsky) 35
- War and children.** Residents of the city of Gorky gave them shelter.
1941—1945. (V.V.Smirnov) 49

RUSSIANS ABROAD

- «**Russia needs quieting**». Prince V.A.Obolensky's diary. 1921.
(N.I.Kanisheva, K.G.Lyashenko, V.V.Shelokhaev) 57
- «**...Dark blue colour covered granite**». From B.I.Nikolaevsky's
interview given L.Kheimson. 1963. (A.P.Nenarokov) 105

ON THE 2000TH ANNIVERSARY OF CHRISTIANITY

- «**Almost all wishes of Roman Curia... obtain now complete satisfaction**». From secret correspondence of Russian mission to Vatican. February—October of 1917. (M.I.Odintsov) 113

RUSSIA AT A TURNING POINT

- «**I would like to acquaint you with “the intimate side” of our party being**». B.S.Vasiliev's letter to P.B.Axelrod. 1921. (D.B.Pavlov) 147

THE NINETEENTH CENTURY

- «**More publicity, more truth!**» Barrister V.N.Gerard's speech at
«the Trial of 50». 1877. (N.A.Troitsky) 166

HISTORY AND HISTORIANS

- «**The inmost recesses of another's heart**». P.I.Bartenev's diary.
1854—1858. (I.A.Smironova) (*The End*) 181
- «**Despite the pressure of work father still found some time for me**».
From V.M.Livanova-Liubarskaya' reminiscences (T.G.Livanova) 200

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- From the history of Society of Descendants of Participants in Patriotic War of 1812**. M.N.Zagoskin's letters to L.M.Savelov.
1913—1917. (A.K.Naryshkin, O.N.Naumov) 206
- «**Save us from hunger**». Izhevsk factory workers' letter to A.I.Rykov.
1930. (V.V.Smirnov, N.E.Khitrina) 212

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Open archives**. Reference book of published documents on history of Russia of XX century. 1985—1996. **Historical Archives Journal. 1919—1999**. Index of documentary publications (V.A.Balamutenko) ... 214
- Germans in Siberia** (I.V.Cherkazianova) 218

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АМАНЖОЛОВА Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, профессор МГУС

БАЛАМУТЕНКО Василий Александрович — историк

ГОЛОВКИНА Татьяна Александровна — начальник отдела научного использования и публикации документов РГАНТД

ГОРЕЛОВ Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС при Президенте РФ

КАНИЩЕВА Надежда Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РНИСиНП

ЛИВАНОВА Татьяна Германовна — заслуженный художник России

ЛЯШЕНКО Клара Георгиевна — главный специалист ГА РФ

МОЗОХИН Олег Борисович — кандидат юридических наук

НАРЫШКИН Александр Кириллович — профессор МЭИ(ТУ), председатель Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года

НАУМОВ Олег Николаевич — кандидат исторических наук, начальник генеалогического отдела Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года

НЕНАРОКОВ Альберт Павлович — доктор исторических наук, руководитель исследовательской программы РНИСиНП

ОДИНЦОВ Михаил Иванович — доктор исторических наук, профессор РАГС при Президенте РФ

ПАВЛОВ Дмитрий Борисович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РНИСиНП

СМИРНОВ Валерий Васильевич — директор ГОПАНО

СМИРНОВА Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, главный специалист Федеральной архивной службы России

ТРОИЦКИЙ Николай Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Саратовского государственного университета

ХИТРИНА Нина Евгеньевна — кандидат исторических наук, заведующая отделом ГОПАНО

ЧЕРКАЗЬЯНОВА Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН

ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник РНИСиНП

ЯМПОЛЬСКИЙ Владимир Павлович — кандидат юридических наук

Издатель: АНО Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.05.2000.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 1000 экз. Заказ № 291

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121009, Москва, Шубинский пер., 6.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPECHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

Подписку и доставку издания в Латвии
осуществляет «Подписное агентство PKS»
г. Рига, тел. (10-371) - 7320-148
тел./факс: (10-371) - 7324-411
e-mail: media@apollo.lv

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

проводит подписку на журнал
«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

на **2000 год**

Периодичность издания 3 номера в полугодие

Стоимость полугодовой подписки **270 руб.**

для оформления подписки переведите необходимую сумму из
расчета:

на полугодие — 270 руб., на год — 540 руб.

на расчетный счет издательства через любое почтовое отделение
или любое отделение Сбербанка

Образец заполнения почтового перевода или квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ

Мещанском отделении 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810600000000342 БИК 044525342

Просьба в бланке почтового перевода или в квитанции точно
указывать свой почтовый адрес с индексом, фамилию, имя и
отчество. В бланке почтового перевода в части для письменного
сообщения, а в квитанции в графе «вид платежа» укажите:
«Исторический архив» и подписной период.

Цены указаны с учетом почтовых услуг в пределах
Российской Федерации.

Вы также можете заказать по почте отдельные номера или комплект
номеров журнала за 1999 год. Стоимость

1 экземпляра за 1-е полугодие 1999 г. (№№ 1-3) — **65 руб.**,

За 2-е полугодие 1999 г. (№№ 4-5) и

за 1-е полугодие 2000 г. (№№ 1-3) — **95 руб.**, включая стоимость
почтовой пересылки.

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве (а также при покупке номеров журнала за
предшествующий подписной период 1999 – 1-е полугодие 2000 г.)
устанавливается специальная цена 180 руб. за полугодовой
комплект номеров.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его в
розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57